ISSN 2658-7920
ВЕСИ
№ 8
2025
СПЕЦВЫПУСК

К 70-ЛЕТИЮ ИСТОРИКА АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА СПЕРАНСКОГО

На общем собрании Российского исторического общества.
В центре чл.-корр. РАН И.В.Побережников, слева – чл.-корр. РАН. Н.М.Арсентьев

Лекция в Цзилиньском университете (Китай)

ВЕСИ

№ 8
(220)` 2025
сентябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Вениамин Алексеев
Создать себя и быть нужным людям 3
Михаил Вебер, Василий Запарий, Виктор Кузнецов
Всегда «на стиле» 12
Статьи 16

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация
Восточного управленческого округа
Правительства Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной информации»
(620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: укбки.рф
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси». Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах журнала без дополнительного согласования с автором. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Обложка: (1): Профессор А.В.Сперанский в рабочем кабинете.

Отпечатан в ООО Универсальная типография «Альфа Принт»
620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. www.alfaprint24.ru
Тираж 2500 экз. Цена свободная.

United Nations Educationa, Scientific and Cu tura Organization · Wor d Federation of UNESCO c ubs, centers and associations · РОССОТРУДНИЧЕСТВО · ROSSOTRUDNICHESTVO

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ!

Сердечно поздравляем Вас с семидесятилетним юбилеем и выражаем искреннее восхищение замечательными успехами, которые Вы достигли на славном пути покорения вершин в сферах научно-исследовательской, административно-организационной, учебно-воспитательной и социокультурной деятельности.

Профессионализм высшей квалификации, удивительное умение сплотить вокруг себя творческий коллектив единомышленников – вот основная составляющая Ваших блестящих научных побед. В своих изысканиях Вы всегда обращались к самым сложным вопросам, имеющим непреходящую общественную значимость. Глубокий анализ процессов влияния государственной культурной политики на мобилизацию человеческого фактора в военный период, выявление истоков народного героизма, активное противодействие фальсификациям истории, являющиеся стержнем всех Ваших научных работ, всемерно способствуют консолидации современного российского общества, повышают уровень его патриотизма, что чрезвычайно важно в условиях противостояния России внутриполитическим и геополитическим вызовам.

В научный банк Ваших творческих достижений входят более 800 научных публикаций, в том числе 28 индивидуальных и коллективных монографий. Каждая из них стала научным событием, вызвала широкий общественный резонанс и неподдельный читательский интерес. Ваши идеи реализовывались при выполнении 32 грантов, апробировались на 155 всероссийских и международных конференциях, стали концептуально-методологической основой объективно сложившейся научной школы, включившей в свои ряды Ваших многочисленных учеников и последователей.

Нельзя обойти вниманием и Ваш вклад в преподавание истории для нескольких поколений студентов высших учебных заведений, всегда уважавших Ваш преподавательский авторитет и проявлявших чувства глубокой благодарности за качество приобретенных знаний и формирование в их сознании сопричастности к истории великой страны и ответственности за ее будущее. Отдельной признательности заслуживает и Ваша плодотворная общественно-политическая деятельность, направленная на повышение уровня патриотического воспитания населения страны.

В заключении необходимо отметить, что 70 лет Вашей жизни, наполненной замечательными достижениями и по достоинству оцененными множеством государственных, региональных и ведомственных наград, видится лишь одним из важных рубежей, предполагающих дальнейшее продвижение вперед. Поэтому в этот знаменательный день ученые Уральского отделения РАН желают Вам новых перспектив и планов, а также крепкого здоровья для успешной их реализации. Новых творческих свершений Вам, дорогой Андрей Владимирович, благополучия и человеческого счастья!

Виктор Николаевич Руденко
Вице-президент
Российской академии наук,
Председатель
Уральского отделения РАН,
д.ю.н., профессор, академик РАН
(г. Екатеринбург,
Российская Федерация)

СОЗДАТЬ СЕБЯ И БЫТЬ НУЖНЫМ ЛЮДЯМ

К 70-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации А.В.Сперанского

Вениамин АЛЕКСЕЕВ*

Академик Российской академии наук

Знаменитый ирландский драматург и романист, лауреат Нобелевской премии, один из наиболее любимых читателями литературных деятелей Бернард Шоу утверждал, что ««жизнь состоит не в том, чтобы найти себя, а в том, чтобы создать себя». По мнению писателя с мировым именем, этот процесс, порой продолжающийся всю сознательную жизнь человека, должен являться смыслом его земного существования, включать в себя определение цели и неустанную работу. А трудовые достижения в ней должны подтверждать правильность сделанного выбора и его общественную значимость.

При успешном прохождении выбранного жизненного пути крайне важны целеустремленность, добросовестность, работоспособность, порядочность, помноженные на широкий кругозор, глубокий интеллект и высокий уровень профессионализма. И этими качествами, по нашему мнению, в полной мере обладает один из самых известных историков Урала последних десятилетий, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Андрей Владимирович Сперанский, отмечающий свой 70-летний юбилей.

Всей своей научно-исследовательской, административно-организационной, учебно-воспитательной и социокультурной деятельностью, осуществляемой на протяжении многих лет, юбиляр убедительно доказывал и продолжает доказывать, что является высоко профессиональным, широко эрудированным и глубоко патриотичным ученым. В его многочисленных научных трудах и публичных выступлениях правдиво и убедительно отражаются как лучшие достижения, так и негативные моменты Отечественной истории, проявляются оценочная объективность, чувство гражданского достоинства и непоколебимая вера в величие России.

Андрей Владимирович Сперанский родился 21 июля 1955 года в Свердловске (с 1991 – г. Екатеринбург). Его дед по отцовской линии Андрей Николаевич Сперанский в дореволюционный период носил звание титулярного советника и занимал должность старшего чиновника особых поручений при Оренбургском губернаторе. Дед по материнской линии Николай Флегонтович Ушаков уже в советское время стал инженером-экономи-

На трибуне конференции

* Алексеев Вениамин Васильевич – выдающийся ученый-историк, крупный организатор науки, создатель и первый директор первого на Урале академического Института истории и археологии (1988–2013). Долгие годы возглавлял специализированный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций, являлся председателем Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам, заместителем председателя Уральского отделения Российской академии наук. Был главным редактором журнала «Уральский исторический вестник». Внес весомый вклад в разработку процессов модернизации России, истории регионального, индустриального, социального и демографического развития Азиатской России. Исследования и научно-организационная деятельность ученого получили широкую международную известность. Подготовил 50 докторов и кандидатов наук. Являлся научным консультантом А.В.Сперанского.

Андрей Николаевич Сперанский, дед по отцовской линии, старший чиновник особых поручений, титулярный советник

Николай Флегонтович Ушаков (справа), дед по материнской линии, командир Красной армии

Отец, Владимир Андреевич, горный инженер. Мать, Тамара Николаевна, зав. библиотекой

стом, а в годы Великой Отечественной войны, будучи политруком, отдал свою жизнь в сражениях под Москвой. Не избежал военной стези и отец – Владимир Андреевич Сперанский. Горный инженер был мобилизован в Красную армию и в звании пехотного капитана дошел до столицы Третьего рейха – Берлина, расписавшись на стене Рейхстага. Поэтому будущий историк с детских лет был погружен в героику военных событий, что во многом предопределило дальнейший выбор профессии и приоритет научных исследований.

Неоценимую роль в становлении ученого сыграла мать, Тамара Николаевна, которая после трагической гибели при исполнении служебных обязанностей отца, сумела в одиночку воспитать трех сыновей. Поддерживая незыблемый авторитет безвременно ушедшего из жизни Владимира Андреевича, она учила подрастающих братьев на примере его фронтовой жизни и послевоенной деятельности пересиливать возникающие трудности и неуклонно добиваться поставленных целей. Неизгладимый след в биографии будущего ученого оставил школьный учитель Д.П.Чакин. Этот человек, удостоенный за свой педагогический труд орденом Ленина, своими блестящими уроками зародил любовь к истории и в значительной степени повлиял на выбор профессии своего ученика.

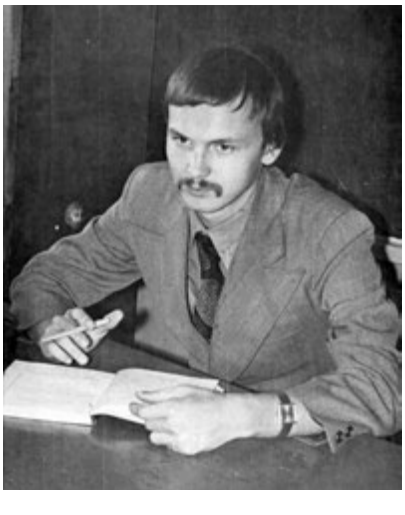
Целенаправленное семейное и школьное воспитание, став прочной основой дальнейшего творческого пути, в огромной степени помогали А.В.Сперанскому достигать намеченных целей на разных этапах своей жизнедеятельности. В 1972 г., успешно окончив элитную по тем временам школу № 39 с углубленным изучением французского языка, он поступает на исторический факультет Уральского государственного университета имени А.М.Горького, где с го-

Ученик 10 «Б» школы № 39 Андрей Сперанский. Свердловск, 1972 г.

Выпускник истфака УрГУ Андрей Сперанский. 1977 г.

Молодой преподаватель истории средней школы № 12 г. Первоуральска Андрей Владимирович Сперанский. 1978 г.

Со студентами-медиками. Молодой ассистент кафедры истории КПСС А.В.Сперанский – в центре. 1980 г.

Молодые аспиранты-исследователи. Слева – Александр Капустин (УрГУ), справа – Андрей Сперанский (МГУ)

ловой окунается в незабываемую студенческую атмосферу. В университетский период (1972–1977 гг.) Андрей Сперанский успешно реализует себя в стройотрядовском движении, Херсонесской археологической экспедиции, студенческом научном обществе. Под влиянием ведущих преподавателей и ученых УрГУ В.В.Адамова, Н.Н.Беловой, Н.А.Бортника, В.Ф.Геннинга, М.А.Поляковской, А.И.Романчук, М.Я.Сюзюмова, В.И.Шихова и других он начинает проявлять интерес к преподавательской и научно-исследовательской работе.

Получив университетский диплом, «историк, преподаватель истории и обществоведения» сначала работает учителем в школе № 12 г. Первоуральска, а затем избирается на кафедру истории КПСС и политэкономии Свердловского государственного медицинского института (с 2013 г. – Уральский государственный медицинский университет). С 1978 г. по 1982 г. Андрей Владимирович преподает историю студентам-медикам, активно занимается общественно-политической работой. Его профессиональный рост сопровождается укреплением авторитета среди студенческой молодежи и преподавательского состава, что подтверждается избранием на ответственные должности заместителя секретаря комитета ВЛКСМ, секретаря факультетского партийного бюро и занесением в «Книгу Почета СГМИ».

Навыки учебно-воспитательной работы и общественно-политической деятельности, приобретенные в мединституте, помогают молодому историку в дальнейшем продвижении вперед. В 1982 г. ему покоряется очередная жизненная вершина. Став аспирантом Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, А.В.Сперанский активно взаимодействует с видными представителями советской исторической науки А.И.Зевелёвым, Н.И.Кондаковой, В.А.Лавриным, Г.Г.Морехиной, И.М.Москаленко, под влиянием которых окончательно определяется сфера его научных интересов. Особенно важную роль в судьбе начинающего ученого сыграл Н.М.Рахманов. Фронтовик, горевший в танке, потерявший зрение, но благодаря исключительной силе воли утвердившийся в жизни и научном мире, оказал действенную помощь в определении исследовательских приоритетов, написании и успешной защите кандидатской диссертации «Идеологическая работа партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны». В защищенном в диссертационном совете МГУ научном труде (1986 г.) А.В.Сперанский, опираясь на фундаментальные принципы историзма и объективности, сумел дать глубокий анализ как негативных, так и позитивных тенденций, имевших место в партийном руководстве военного периода.

Эта научная позиция отстаивалась автором и в последующие годы. Объективная оценка событий прошлого, аргументированность выводов, подтверждаемых впервые вводимыми в научный оборот архивными источниками, уважительное отношение к достижениям Советского Союза в сочетании с конструктивной критикой, имевшихся просчетов, позволили ученому избежать огульного критиканства и очернительства и вступить в пространство постсоветской истории, «не поступившись принципами». Свидетельством тому стала докторская диссертация «Культура Урала в годы Великой Отечественной войны», подготовленная в докторантуре Института истории и археологии УрО РАН и успешно защищенная в 1997 г.

Отметим, что, придя в Институт в 1994 году в качестве докторанта, Андрей Владимирович навсегда связал свою судьбу с этим академическим учреждением. Еще учась в докторантуре, он принимал самое деятельное участие в реализации многих институтских

Рядом с учителем.
В центре академик РАН В.В.Алексеев, справа чл.-корр. РАН В.С.Христофоров

С сотрудниками Центра политической и социокультурной истории

В президиуме заседания Института человека.
Слева академик РАН В.А.Черешнев

проектов и программ. Став доктором наук, а затем и профессором, он окончательно утвердился в коллективе Института, пройдя здесь ступени старшего научного сотрудника, заместителя директора по научной работе, заведующего отделом Отечественной истории XX века, заведующего сектором, а затем Центром политической и социокультурной истории. За годы работы в Институте научные исследования профессора Сперанского приобрели академическое звучание, вышли на уровень крупных конкретно-исторических и теоретико-методологических обобщений, стали величиной всероссийского масштаба.

На сегодняшний день А.В.Сперанский является автором более 800 научных публикаций, в том числе 28 индивидуальных и коллективных монографий, 27 учебников и учебно-методических пособий, 4 энциклопедий и других изданий. Идеи ученого реализовывались при выполнении 32 грантов, апробировались на 155 всероссийских и международных конференциях.

Приоритетными направлениями в научной деятельности юбиляра являются изучение геополитической динамики России в XX веке, исследование социокультурных, военно-технических и гражданско-патриотических аспектов ее исторического развития, анализ проблем взаимоотношения российского общества, власти и церковных институтов.

Особый акцент в трудах ученого делается на региональную проблематику. В своих многочисленных научных произведениях он впервые в исторической науке на основе интегративного метода осуществил специальное исследование социокультурного развития Уральского региона в экстремальных условиях войны, воссоздал сложную систему контроля и управления творческой интеллигенцией со стороны властных структур, изложил принципы ее функционирования и способы негативного и позитивного влияния на творческий процесс. Исследователь определил также причины компромисса, достигаемого между государством и церковью, выявил

сущность государственной религиозной политики, охарактеризовал формы и методы государственно-церковного взаимодействия.

Важнейшим направлением научного поиска юбиляра является также обобщение исторического опыта функционирования Уральского военно-промышленного комплекса в советский период истории России. В целом ряде научных исследований – статьях, главах коллективных трудов, индивидуальных монографиях, им подробно проанализированы основные методы и результаты инновационной деятельности на предприятиях Урала по наращиванию оборонно-

А.В. Сперанский и Министр промышленности и науки Свердловской области С.В.Пересторонин

Рядом с Великими. Слева – академик РАН Е.Н.Аврорин, справа – академик РАН Б.В.Литвинов.

го потенциала, показана эффективность использования военной продукции в боевых операциях Второй мировой войны и в военно-политическом противостоянии с Западом в период холодной войны.

В последние годы пристальное внимание ученого обращалось и к такой важной сфере человеческой жизнедеятельности, как спорт. Рассматривая спортивные состязания как инструмент политики «мягкой силы», использовавшийся ведущими странами для укрепления своих позиций на международной арене, А.В.Сперанский продемонстрировал процессы развития советского спорта на различных этапах истории СССР, показал роль партийно-государственных органов в развитии спортивной инфраструктуры, увеличении числа спортивных специалистов, совершенствовании программ по физическому воспитанию населения, повышении массовости спорта и подготовке выдающихся атлетов-профессионалов, обеспечивших мировое лидерство СССР в спортивной сфере.

Среди наиболее крупных фундаментальных научных проектов, выполненных под руководством и непосредственном участии юбиляра, следует выделить: «Уральскую историческую энциклопедию» (1-е изд., 1999 г., 2-е изд., 2000 г.); Энциклопедию «Екатеринбург» (1-е изд., 2002 г., 2-е изд., 2023 г.), монографии «В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны» (1996 г.), «Урал в панораме XX века» (2000 г.), «Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны» (1-е изд., 2005 г., 2-е изд., 2010 г.), «Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней» (2008 г.), «Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа» (2008 г.); «Военная история Урала. События и люди» (2008 г.), «Советская политическая система в истории

У легендарной «самоходки». С руководителями оборонных предприятий Свердловской области

В Президиуме конференции. Справа чл.-корр. РАН И.В.Побережников

**Международная конференция в Алматы.
Среди ученых и генералитета Республики Казахстан.**

**В обстановке дружбы и взаимопонимания.
С чл.-корр. РАН Л.И.Бородкиным и профессором В.В.Керовым**

**Разъяснение позиции.
С профессором П. Дюксом
(Великобритания)**

России: особенности геополитического и регионального развития (2011 г.), «На войне, как на войне. Свердловская область в 1941–1945 гг.» (1-е изд., 2012 г., 2-е изд., 2015 г.), «Свердловская область: страницы истории. 1934–2014.» (2014 г.), «Маршал Г.К.Жуков в исторических оценках, документах, воспоминаниях» (2016 г.), «Урал в контексте российской и мировой истории XX века: историографическая концептуализация» (2017 г.), «100 лет на службе государства. 1918–2018. Управление ФСБ России по Свердловской области» (2018 г.), «Эвакуация: величайшая из битв Второй мировой войны» (2022 г.) и др.

Профессор Сперанский – организатор и участник многочисленных международных, всероссийских и региональных научных конференций; он инициатор и бессменный руководитель традиционных «Уральских военно-исторических чтений», регулярно проводящихся в Екатеринбурге с 1998 г.; организатор крупных научных форумов: «Россия в поисках национальной стратегии развития» (2003 г.), «Урал в военной истории России: традиции и современность» (2003 г.), «Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности» (2005 г.), «Промышленная политика в

стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв.» (2006 г.), «Подвиг Урала в исторической памяти поколений» (2010 г.), «Разведка в системе национальной безопасности России: история и современность» (2011 г.), «Военная история как фактор патриотического воспитания» (2013 г.), «70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности» (2015 г.), «Маршал Победы в военной истории России» (2016 г.), «Органы государственной безопасности на защите Отечества» (2018 г.), «Великая победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность» (2020 г.), «Уральцы бьются здорово...»: вклад Урала в военную мощь России» (2022 г.), «Победа над фашизмом в контексте современных вызовов России» (2025 г.) и др.

Обширны деловые связи ученого со многими отечественными и зарубежными научно-образовательными центрами. Он активно сотрудничает с ИРИ РАН, ОГПУ, ОГУ, УрГАХУ, УрФУ, УрГПУ, Ю-УрГУ, Белорусским государственным университетом (г. Минск, Республика Беларусь), Домом наук о человеке (г. Париж, Франция), Евразийским национальным университетом им. Л.Н.Гумилева (г. Астана, Казахстан), Институтом экономической истории (г. Стокгольм, Швеция), Университетом «Союз-Никола Тесла» (Белград, Сербия), Университетом «Тулуза» (г. Тулуза, Франция), Цзилиньским университетом (г. Чанчунь, Китай) и др.

Богатый научный потенциал, блестящие организационные способности и замечательный педагогический талант юбиляра позволяют ему самым активным образом воздействовать на процесс совершенствования системы прироста исторических знаний, способствовать укреплению интеграции академической науки и вузовского образования. Андрей Владимирович в разные годы входил в состав диссертационных советов Оренбургского государственного университета и Уральского государственного педагогического университета. На сегодняшний день он продолжает

На конференции «Архив в социуме – социум в архиве». Крайний справа чл.-корр. РАН В.С. Христофоров. В центре – начальник Управления архивами Свердловской области, д.ю.н. Р.С. Тараборин

На конференции «Урал в военной истории Урала». Слева профессор, засл. деят. науки РФ Л.И. Футорянский, справа – профессор Л. Самуэльсон (Швеция)

С профессором Д. Ландсграф-Дитцем (Германия)

На Ученом Совете

Наука и армия едины. С генералом Ю.Д. Судаковым

На общем собрании Академии военно-исторических наук. В центре – академик АВИН, профессор А.В. Федорова..

активно участвовать в работе диссертационных советов по присуждению ученой степеней доктора и кандидата наук Института истории и археологии УрО РАН и Южно-Уральского государственного университета.

На протяжении многих лет А.В.Сперанский избирался профессором Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н.Ельцина, Уральского государственного архитектурно-художественного университета им. Н.С.Алфёрова и Уральского государственного педагогического университета. Был председателем Государственной аттестационной комиссии на факультете истории искусств и культурологии Уральского государственного университета им. А.М.Горького (1998–2004 гг.). Выводы, обоснованные в трудах А.В.Сперанского, стали концептуально-методологической основой исследовательской деятельности его учеников, что объективно сформировало научную школу, свидетельством результативности которой являются успешные защиты 9 кандидатских и 2 докторских диссертаций.

Ученый работал и работает в составе целого ряда редакционных коллегий рецензированных научных журналов, таких как «Уральский исторический вестник», «Вестник Уральского отделения РАН», «Известия Коми научного центра УрО РАН», «История и современное мировоззрение», историко-публицистического журнала «Веси», является экспертом Российской академии наук и Российского научного фонда.

Многогранна и общественно-политическая деятельность Андрея Владимировича Сперанского. Он плодотворно взаимодействует с различными молодежными и ветеранскими организациями в деле патриотического воспитания подрастающих поколений, постоянно пропагандирует лучшие традиции военной истории Отечества, способствует формированию в сознании молодых граждан России чувства исторической гордости, долга и ответственности перед Родиной. Ученый работал в Комиссии по

патриотическому воспитанию населения при Губернаторе Свердловской области, входит в состав Комиссии по присуждению премий Губернатора Свердловской области для молодых ученых, является членом Общественного совета Муниципального музея памяти воинов-интернационалистов «Шурави».

Большой вклад А.В.Сперанского в научно-исследовательский, научно-организационный и общественно-политический потенциал страны неоднократно отмечался многочисленными государственными, ведомственными и региональными наградами. Ему присвоено Почетные звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (2022) и «Ветеран труда» (2015). Он дважды становился лауреатом премий имени В.Н.Татищева и Г.В. де Геннина (1999, 2003) и им. П.И.Рычкова (2009, 2018), лауреатом II Международного конкурса «Уроки благотворительности» (2008). Ученый награждался медалью УрО РАН им. С.С.Алексеева (2015), почетными грамотами Министерства образования и науки Российской Федерации (2015), Губернатора (2005), Правительства (1999, 2001), Законодательного собрания Свердловской области (2007), Главы Екатеринбурга (2023) и Екатеринбургской Городской думы (2024). Имеет Благодарности Комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям (2015) и Управления ФСБ России (2018, 2019). Удостоен Почетных знаков Администрации Екатеринбурга «За заслуги перед городом Екатеринбургом» (2005), Международной академии наук о природе и обществе «За заслуги в развитии науки и экономики» (2005), орденом Фонда им. В.И.Вернадского (2015), медалями Фонда Г.К.Жукова (2019, 2021), Академии военно-исторических наук (2006) и др.

Заслуженный с Заслуженными. Слева – засл. деят. науки РФ М.Г. Иванова, справа – засл. деят. науки РФ. К.И. Куликов. 2011 г.

Великий писатель Оноре де Бальзак говорил: «Чтобы дойти до цели, надо прежде всего идти». Эти слова знаменитого француза являются, на наш взгляд, жизненным девизом доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Андрея Владимировича Сперанского, который на протяжении всех своих семидесяти лет находился в постоянном творческом движении, обеспечивавшем ему успешную реализацию задуманных планов. Думается, что настоящий 70-летний юбилей представляет собой лишь завершение очередного этапа славной биографии замечательного ученого, и он продолжит движение по пути творчества и созидания. Поэтому коллеги и ученики юбиляра искренне желают Андрею Владимировичу крепкого здоровья, недюжинной силы и неиссякаемой энергии для новых свершений в деле служения науке и обществу.

С Губернаторм Свердловской области Е.В. Куйвашевым

С главой Администрации Екатеринбурга А.В. Орловым

ВСЕГДА «НА СТИЛЕ»

К 70-летию А.В.Сперанского

Михаил ВЕБЕР

Василий ЗАПАРИЙ

Виктор КУЗНЕЦОВ

21 июля 2025 г. отметил юбилей известный уральский историк – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Андрей Владимирович Сперанский. Выпускник исторического факультета УрГУ, затем успешно окончивший аспирантуру знаменитого Московского государственного университета, он не остался покорять столицу, а вернулся в родной Свердловск (ныне – Екатеринбург), где успешно реализовал себя в преподавательской и научной деятельности.

Много лет, неся исторические знания нескольким поколениям студентов Уральского федерального, медицинского, педагогического и архитектурно-художественного университетов, А.В.Сперанский параллельно руководит научной работой Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, являясь членом его Ученого совета. Он работал и работает в составе диссертационных советов нескольких научных учреждений и вузов, целого ряда редколлегий высокорейтинговых научных журналов. Кроме того, на протяжении длительного времени А.В.Сперанский является заместителем председателя Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам УрО РАН.

Для публикаций А.В.Сперанского, а их у него за годы напряженной научно-исследовательской работы набралось более 800, характерен оригинальный научный стиль. Его многочисленные монографии оставили заметный след в российской историографии, обеспечивший признание как со стороны профессионального сообщества, так и органов власти, что нашло подтверждение в многочисленных наградах федерального и регионального уровня.

Каждый крупный ученый оставляет след о себе не только в виде своих публикаций, но и в лице своих учеников и соратников. О стиле работы А.В.Сперанского с молодыми учеными вспоминает его ученик – научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, кандидат исторических наук Михаил Игоревич Вебер:

«С Андреем Владимировичем Сперанским я познакомился, когда поступал в аспирантуру Института истории и археологии УрО РАН. Элегантно одетый, подтянутый, моложавый профессор – он словно бы заряжал будущих аспирантов своей энергетикой, вселял в них уверенность в том, что они осилят тернистый путь к защите диссертации. А.В.Сперанский любезно согласился стать моим научным руководителем и даже пошел мне навстречу в выборе темы диссертации, за что я ему очень благодарен.

В дальнейшем, мои первые впечатления от знакомства с Андреем Владимировичем не только подтвердились, но и укрепились. Он всячески помогал мне в работе над кандидатской диссертацией, давал дельные советы, указывал на неочевидные для молодого исследователя ошибки, не позволял падать духом, когда работа заходила в тупик, а такие моменты бывают практически у каждого аспиранта, словом, был настоящим наставником. Самые теплые отзывы о стиле работы А.В.Сперанского с молодыми учеными я слышал и от других его учеников, а их было немало – за прошедшие годы тех, кто под руководством Андрея Владимировича защитил кандидатскую

А.В.Сперанский дает интервью.

или докторскую диссертацию, набралось столько, что из них можно было бы сформировать целую футбольную команду.

Я рад, что после успешной защиты кандидатской диссертации наши пути не разошлись, и я вот уже больше 10 лет имею честь работать вместе с Андреем Владимировичем Сперанским в Институте истории и археологии УрО РАН. Его наставничество помогает молодым ученым расти и развиваться».

Вполне солидарен с такой оценкой личных и деловых качеств своего наставника и другой ученик А.В.Сперанского – старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, кандидат исторических наук Василий Владимирович Запарий:

«Юбилей Андрея Владимировича Сперанского, несомненно, выдающегося уральского ученого-историка, это не только повод вспомнить его неоспоримые заслуги перед уральской и российской исторической наукой. Я бы хотел обратить внимание на личность юбиляра, на его человеческие качества, которые, зачастую, уходят на второй план в обыденном его восприятии маститого ученого или руководителя структурного подразделения.

Сперанский – человек очень открытый и понимающий, но при этом чутко следящий за организационной дисциплиной своих подчиненных и не дающий им «расслабиться» в процессе их творческой деятельности. Характер юбиляра по-настоящему раскрывается в ходе неформального общения и доверительного разговора, где он может дать дельный совет не столько как руководитель, а как мудрый человек с солидным жизненным опытом.

Андрей Владимирович – блестящий организатор значимых научных мероприятий, проводимых в Свердловской области. В ходе подготовки знаковых для Урала научно-практических конференций по истории Великой От-

Среди участников конференции «Уральцы бьются здорово . Вклад Урала в военную мощь России»

На заседании ОУС УрО РАН по гуманитарным наукам. В центре председатель Президиума Коми НЦ УрО РАН, д.и.н. И.Л. Жеребцов, справа, депутат ГД РФ, д.и.н. А.Е. Загребин

ечественной войны ему удается с легкостью взаимодействовать как с многочисленными учеными-исследователями, так и с представителями органов власти, что позволяет в конечном итоге добиваться неизменного успеха. Андрей Владимирович Сперанский – человек большой харизмы и энергии. Являясь многогранной личностью, он способен увлечь за собой на решение новых научных и организационных задач, при этом сохраняя живость характера и искреннюю эмпатию».

Полностью поддерживает мнение своих коллег один из ведущих специалистов Центра политической и социокультурной истории, долгие годы работающий под руководством юбиляра, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук Виктор Николаевич Кузнецов:

«Как быстро летит время! Вроде бы совсем недавно, в 2000 году, я сдавал вступительный экзамен в аспирантуру по истории России. В экзаменационной комиссии был Андрей Владимирович Сперанский, заведующий отделом Института истории и археологии УрО РАН. Для поступающего в аспирантуру присутствие в комиссии такого корифея науки было очень волнительным, но тем не менее, мне была выставлена оценка «хорошо», что давало мне возможность поступить на заочное обучение. И вот прошло четверть века!

Последние десять лет мне посчастливилось работать под непосредственным руководством Андрея Владимировича в Центре политической о социокультурной истории. Как руководитель он очень корректно общается с подчиненными коллегами и одинаково уважительно относится ко всем сотрудникам. Будь то ветеран науки в возрасте 90 лет, или совсем молодой ученый, недавно защитивший диссертацию.

Такая демократичность не мешает ему быть требовательным к выполнению ежегодных индивидуальных и коллективных планов. Он сам всегда является примером для коллег в публикации своих работ в высокорейтинговых научных журналах. Считаю, что он справедливо

С учениками, к.и.н. Д.Н.Ряпусовой и к.и.н. М.И.Вебером

На заседании Российского исторического общества

удостоен высшего научного звания – Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Мне повезло, что я работаю с таким мудрым руководителем, коллегой и товарищем. Несомненно, что достигнутые успехи как всего коллектива Центра, так и каждого научного сотрудника непосредственно связаны с высокими профессиональными качествами Андрея Владимировича Сперанского.

21 июля 2025 г. Андрею Владимировичу Сперанскому исполнилось 70 лет. Мы, ученики и соратники, вместе со всеми, кто знает и ценит его научно-организационные достижения, сердечно поздравляем замечательного ученого с юбилеем и желаем нашему руководителю, учителю и старшему товарищу оставаться всегда «на стиле»! Новых успехов в научном творчестве и, конечно же, новых молодых сподвижников, которым он продолжит передавать свой бесценный научный и жизненный опыт!

СТАТЬИ

В журнале представлена подборка избранных статей доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации А.В. Сперанского, опубликованных за последнее десятилетие (2015 – 2025 гг.) в различных научных периодических и фундаментальных изданиях, отражающая основные приоритетные направления его исследовательской деятельности. В них подняты проблемы концептуально-методологического осмысления исторического процесса, предприняты попытки анализа развития военно-промышленного комплекса как важнейшего фактора оборонной мощи нашей страны, освещены вопросы героического подвига нашего народа, самоотверженно защищавшего Родину в период вражеских нашествий, показаны причины его непобедимости, вытекающие из незыблемости духовного потенциала, опирающегося на величайшие достижения в области литературы, искусства, религии и спорта.

УРАЛЬСКИЙ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС КАК ФАКТОР ОБОРОННОЙ МОЩИ СССР*

Опасность военного столкновения с потенциальным противником заставляет ведущие страны мира совершенствовать свой оборонный потенциал, что порождает противоречивые последствия. С одной стороны, милитаризация способствует возникновению войн, сопровождающихся разрушениями и жертвами. С другой стороны, изыскания в области вооружений содействуют научно-техническому прогрессу, обеспечивающему модернизацию общества. Кроме того, не следует забывать, что военно-стратегический паритет удерживает соперников от решения политических вопросов военным путем, заставляет мировые державы искать мирные способы выхода из кризисных ситуаций, чтобы обеспечить собственную безопасность.

Руководство СССР всегда понимало, что при цивилизационном противостоянии Востока и Запада и возникшей идеологической разобщенности с ведущими странами мира избежать войны или выиграть ее можно, только имея мощный военно-промышленный комплекс. При этом кремлевские лидеры, осознавая риск сосредоточения всей военной промышленности в западных районах, стремились разместить часть оборонного потенциала в крае, обладающем геополитической неуязвимостью. Поэтому отнюдь не случайно то, что фундаментом военной индустрии «красной империи» стал Уральский регион. Уже в 1920–1930-е гг. здесь были развиты базисные отрасли и освоены резервные природные ресурсы. За 1928–1937 гг. основные фонды уральской промышленности возросли в 12 раз, а объем валовой продукции увеличился в 7 раз[1]. В 1941–1945 гг. на территории региона был построен мощный военно-промышленный комплекс, давший около 40 % продукции специального военного назначения. После окончания войны, вплоть до раз-

* Статья была впервые опубликована: Уральский исторический вестник. 2015. № 1(46). С. 6–15.

[1] Сперанский А.В., Корнилов Г.Е. Великая Отечественная война // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 107.

вала Советского Союза, край продолжал работать на «оборонку», совершенствуя обычные вооружения и развивая уникальный ядерный комплекс.

Важным направлением военной промышленности Урала было изготовление стрелкового оружия. После окончания Гражданской войны на Воткинском и Ижевском оружейном и сталеделательном заводах начали производить трехлинейные винтовки С.И.Мосина (образца 1891 г.), комплектующие части к пулеметам «Максим», охотничьи ружья системы Бердана и Пиппера[1]. В конце 1920-х гг. началась реконструкция Ижевского металлургического завода. В результате с 1930 г. по 1940 г. на предприятии, ставшем основным поставщиком металла для заводов, производящих стрелковое оружие, выпуск стали увеличился в 3,5 раза[2].

С 1937 г. стрелковое производство сосредоточилось на «Ижстальзаводе» (завод № 180), где поточным методом выпускали винтовку С.И.Мосина образца 1891/1930 гг. и 7,62-мм автоматическую винтовку С.Г.Симонова (АВС-36). Несмотря на массовый выпуск (65 тыс. к 1940 г.) и использование винтовки АВС-36 в предвоенных конфликтах (Халхин-Гол, Финская война), она так и не получила широкого распространения в войсках из-за сложной конструкции и повышенной чувствительности к погодным условиям.

В 1938 г. оружейники Ижевского завода приступили к производству винтовки Ф.В.Токарева, а после конкурса между крупнокалиберными авиационными пулеметами Я.Г.Таубина и М.Е.Березина, начали поточное производство «березинской» модели.

В 1939 г. в целях специализации и увеличения выпуска продукции «Ижстальзавод» был разделен на два предприятия – металлургический (завод № 71) и машиностроительный (завод № 74). На последнем, незадолго до войны, начались работы по созданию противотанкового ружья БМК-7 В.К.Бачина и А.В.Светличного[3].

В годы Великой Отечественной войны Ижевск оказался единственным регионом, производящим все виды стрелкового вооружения. К концу 1944 г. выпуск продукции Ижмаша (ИМЗ), освоившего 15 новых видов стрелкового и авиационного вооружения, возрос в 3,5 раза. Значителен вклад в оборону тружеников завода № 71, произведших 1 млн 484 тыс. т стали и 1 млн 104 тыс. т проката. 83 тыс. штук станкового пулемета «Максим» дали фронту работники Ижевского мотоциклетного завода, перепрофилированного на этот вид стрелкового оружия[4].

Опыт поточного производства оружия, приобретенный в военные годы, активно использовался и в мирное время. Примером этого является разработка и массовый выпуск в Ижевске автомата М.Т.Калашникова. Созданное конструктором оружие оказалось лучшим среди десятка опытных образцов. В июне 1949 г., после неоднократных доработок, автомат приняли на вооружение под названием АК-47. Впоследствии были приняты еще 12 образцов оружия системы Калашникова – автоматы АКМ, АКМС (1959 г.), ручной пулемет РПК (1959 г.), пулеметы ПК, ПКС (1961 г.), ПКТ, ПКМ (1962 г.), автоматы АК-74, АКС-74 (1974 г.), АКС-74У (1979 г.) и др. Эффективность, простота, надежность до сих пор обеспечивают АК ведущие позиции. По оценкам американского Центра оборонной информации, сегодня в мире используется более 100 млн единиц АК различных модификаций. Кроме России, они производятся более чем в 10 странах мира. Есть и критические замечания в адрес АК, особенно в сравнении с штурмовыми винтовками М16 (США) и «Галил» (Израиль). Однако не следует забывать, что зарубежные конструкции многое заимствовали из характеристик АК[5].

Попытки создать автомат, отличающийся более высокой эффективностью, предпринимались конструкторами из Тулы (И.Я.Стечкин, Н.М.Афанасьев, Г.А.Коробов), Ижевска (Г.Н.Никонов, сын М.Т.Калашникова В.М.Калашников) и других городов. Наиболее успешным представляется автомат Никонова образца 1994 г., получивший официальное наименование АН-94. Ижевский конструктор применил схему смещенного импульса отдачи, что позволило повысить эффективность стрельбы вдвое по сравнению АК-74 и в полтора раза по сравнению с американской винтовкой М16[6].

История разработки современного автоматического оружия в Ижевске включает в себя не только «эру Калашникова», но и множество интересных страниц, связанных с созданием и модернизацией целой серии пистолетов-пулеметов (ПП) и малогабаритных автоматов (МА), таких как ПП-71, МА-75, ПП-91 «Кедр» (Е.Ф.Драгунова), ПП «Бизон-2» (В.М.Калашникова) и др. Важным этапом послевоенной истории уральского стрелкового оружия стало производство личного оружия: пистолетов Н.Ф.Макарова, В.А.Ярыгина и снайперских винтовок Е.Ф.Драгунова СВД, СВДС-А («армейская»), СВДС-Д («десантная»). К последним разработкам относятся снайперские винтовки СВ-98, СВ-99, ОСВ-96, предназначенные для решения специфических задач по борьбе с терроризмом, 7,62-мм пулемет «Печенег» и другие изделия[7].

Сердцевиной уральской оборонной промышленности XX в. можно считать артиллерийское производство. Пристальное внимание И.В.Сталина к артиллерии как к «богу современной войны» самым благоприятным образом

[1] Бехтерева Л.Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е годы. Ижевск, 1999. С. 128–129.

[2] История Удмуртии: XX век / Под ред. К.И.Куликова. Ижевск, 2005. С. 170–172.

[3] Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней / Под ред. А.В.Сперанского. Екатеринбург, 2008. С. 199, 200.

[4] Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Сб. документов. Ижевск, 1995. С. 256–257.

[5] Поликарпов М. Прощай, «калаш»? // Независимое военное обозрение. 2005. 23 декабря.

[6] Борцов А. Будет ли новый автомат? // Мастер ружье. 2002. № 60. С. 58–62.

[7] Подробнее см.: Щит и меч Отчизны ... С. 214–221.

сказывалось на повышении количественного и качественного уровня развития этой отрасли. Сила и мощь уральского «бога войны» во многом определялись деятельностью Пермского машиностроительного завода № 172 (ПМЗ), знаменитой «Мотовилихи», ведущей свою историю еще с XVIII в. Его восстановление после Гражданской войны связано с совершенствованием орудий, доставшихся РККА от старой русской армии. Так, пермские конструкторы под руководством В.Н.Сидоренко за счет удлинения ствола значительно увеличили дальность стрельбы 76,2-мм дивизионной пушки (трехдюймовки), сохранив при этом калибр орудий и даже гильзы образца 1900 г. Усовершенствованные на Урале трехдюймовки долгое время были на вооружении РККА и отлично зарекомендовали себя в годы Великой Отечественной войны. По проекту В.Н.Сидоренко были также модернизированы 122-мм гаубицы Шнейдера и Круппа. Благодаря простой конструкции, относительно малому весу и неплохой для дивизионных орудий дальности стрельбы, они пользовались большой популярностью в воинских подразделениях.

Однако военное искусство не стояло на месте, и менявшиеся условия боя требовали создания современных орудий. В результате в 1935 г. была принята правительственная программа совершенствования советской артиллерии, в рамках которой уральским заводам было поручено оснастить Красную Армию 122- и 152-мм гаубицами нового поколения. К началу Великой Отечественной войны Мотовилихинский завод выполнил поставленную задачу. По проектам конструктора Ф.Ф.Петрова были созданы гаубицы МЛ-20 и М-30, успешно проявившие себя в сражениях. 152-мм гаубица МЛ-20, прозванная фронтовиками «Емелька», выпускалась с 1937 г. по 1946 г. только на заводе № 172, изготовившем 6 884 орудия. 122-мм гаубица М-30, получившая фронтовое имя «Матушка», была передана на Уралмаш, где с 1940 г. по 1955 г. было выпущено 15 340 орудий. Эта установка долго находилась на вооружении Советской Армии, активно использовалась в Афганистане. Армии многих стран мира до сих пор оснащают ею свои подразделения. На ПМЗ под руководством Ф.Ф.Петрова были созданы еще 152-мм дивизионная гаубица М-10, 107-мм пушка М-60. Однако эти образцы не получили широкого применения в боевых действиях и массово не выпускались.

До войны Мотовилихинский завод был единственным на Урале профильным заводом, выпускавшим артиллерийские орудия. Однако такое поручение имели и предприятия тяжелого машиностроения, располагавшие достаточно мощной металлургической базой, – Воткинский машиностроительный завод (ВМЗ) и Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ). Интересно, что ВМЗ с 1938 г. практически свернул выпуск гражданской продукции, сосредоточив все усилия на производстве 152-мм гаубиц М-10 (образца 1938 г.), а УЗТМ вынужден был развивать свое «спецпроизводство» (мехцех № 2), выпускавшее 122-мм гаубицы ВГ (образца 1910/30 г.) и пушки Ф-19, параллельно с выполнением мирных заказов. К началу войны в советских войсках находилось 1058 гаубиц М-10, изготовленных на ПМЗ и ВМЗ, и 1267 гаубиц ВГ, произведенных на УЗТМ. С 1940 г. Уралмаш начал освоение знаменитой гаубицы М-30, и уже до 22 июня 1941 г. было произведено 200 орудий[1].

Проделанная в предвоенный период работа дала возможность уральским заводам успешно проявить себя и в условиях военного времени. С конца июня 1941 г. выпуск артиллерийской продукции значительно увеличился. Количественный рост объяснялся и тем, что на Урал стало поступать оборудование эвакуированных заводов. Так, ПМЗ, слившись с Московским орудийным заводом (МОЗ), уже к сентябрю 1942 г. увеличил объем производства артиллерийских систем в 8 раз. Всего за годы войны он выпустил 48600 орудий – четверть всех артсистем Красной Армии. В октябре 1941 г. часть МОЗа была эвакуирована в Свердловск. В отличие от «пермского варианта», предприятие, сохранив самостоятельность, продолжило деятельность под названием «завод № 8 им. М.И.Калинина». Первоначально калининцы производили только 85-мм полуавтоматическую пушку 52-365К. С 1942 г. на заводе наладили производство 85-мм полуавтоматической палубной установки 90-К для кораблей ВМФ. Всего за годы войны завод, руководителем которого был генерал-майор Б.А.Фраткин, выпустил 20 тыс. артиллерийских установок[2].

Важным звеном производства артиллерии оставался в годы войны УЗТМ. По инициативе Л.П.Берии, являвшегося куратором завода до конца военных действий, на его территории в 1942 г. был организован завод № 9. Подчиненное Народному комиссариату вооружения и располагавшее собственным опытно-конструкторским бюро (ОКБ) № 9, руководителем которого был назначен главный конструктор Ф.Ф.Петров, это предприятие выпускало гаубицы М-30, Д-1, танковые пушки Ф-32, Ф-34 и ЗИС-5. Всего за годы войны коллектив Уралмаша выпустил 13600 орудий, обеспечил заготовками производство около 30 тыс. пушек.

Фирменной продукцией УЗТМ периода войны стали самоходные артиллерийские установки (САУ). «Испорченные танки», недооцененные в предвоенный период, приобрели особую значимость в условиях «коренного перелома». Их способность уничтожать вражескую бронетехнику и разрушать самые мощные укрепления стала особо востребованной при переходе Красной Армии в наступление. Как следствие этого на УЗТМ формируется Специальное конструкторское бюро (СКБ) по созданию САУ, возглав-

[1] Широкорад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2000. С. 461, 521, 656, 683.

[2] Зимовец Е.В. От орудийных мастерских в г. Санкт-Петербурге до завода № 8 им. Калинина в г. Свердловске и ОАО «МЗИК» в г. Екатеринбурге. Рукопись. Екатеринбург, 2006. С. 5–14.

ляемое главным конструктором Л.И.Горлицким, и налаживается серийный выпуск «самоходов». За период с декабря 1942 г. по август 1943 г. на «заводе заводов» было изготовлено и отправлено на фронт 638 СУ-122. С августа 1943 г. по октябрь 1944 г. фронт получил 2644 СУ-85. Этот «самоход», заменив СУ-122, успешно уничтожал имевшие усиленное бронирование немецкие танки «Тигр» и «Пантера». Роль «зверобоя» эффективно выполняла и СУ-100: снаряд, выпущенный из 100-мм пушки, пробивал броню любого немецкого танка. Эта машина выпускалась с сентября 1944 г. по март 1946 г. (было произведено 3037 единиц)[1].

В военное время значительно увеличился выпуск гаубицы М-10 на ВМЗ. Воткинцы поставили также на серийное производство противотанковую пушку 53-К, танковую пушку 20-К, морскую пушку 21-К, дивизионную пушку ЗИС-3, самоходку СУ-76М. На заводе разрабатывались и собственные конструкции. Заводское СКБ спроектировало 45-мм танковую пушку ВТ-43 для танка Т-80, 45-мм морскую пушку 21-КМ. Всего за военный период ВМЗ выпустил более 52 тыс. орудий.

В годы войны артиллерийские заказы выполнялись и на Усть-Катавском заводе № 13. Усть-катавцы поставили фронту 12357 танковых пушек, 3096 минометов, 13231 платформу для зениток и другое боевое снаряжение.

Урал стал основным производителем реактивной артиллерии. Ремонт и производство «Катюш» осуществлялись эвакуированным в Челябинск московским заводом «Компрессор» («Челябкомпрессор»), челябинским заводом им. Д.В.Колющенко, эвакуированным из Воронежа в Свердловск заводом им. Коминтерна (Уральский компрессорный завод) и заводом «Уралэлектроаппарат». Практически каждый месяц армия получала 45 уральских «Катюш»[2].

В послевоенный период пришедший к власти Н.С.Хрущев называл пушки «пещерной техникой» и требовал разрабатывать ракетную тематику. Только после отставки лидера «оттепели» произошло возвращение к комплексному развитию артиллерии. Продолжилась разработка артиллерийских систем на ПМЗ. СКБ-172 (главный конструктор М.Ю.Цирульников) сконструировало пушку М-46, предназначенную для разрушения земляных оборонительных сооружений, для борьбы с тяжелой техникой и артиллерией противника. Еще одним достижением пермяков стало сверхмощное зенитное орудие КС-30, поражающее самолеты потенциального противника на высоте до 20 км. На заводе разрабатывались пушки Д-10, 2А20, 2А26М2, 2А46-1, 2А46-2, предназначенные для танков Т-54, Т-62, Т-64, Т-70, Т-72.

В 1960–1970-е гг. пермские конструкторы под руководством главного конструктора Ю.Н.Калачникова совместно со свердловским ОКБ № 3 (позже – ЦКБ «Трансмаш») создали 152-мм самоходную гаубицу «Акация», выстрел которой достигал рекордного показателя – 22,5 км – при скорострельности 3 выстрела в минуту. Она принимала участие во многих локальных военных конфликтах (Афганистан, Чечня и т.д.) и до сих пор находится на вооружении Российской армии. Совместно с ЦКБ «Трансмаш» (главный конструктор Г.С.Ефимов, заместитель главного конструктора И.Н.Авксенов) пермяки разработали 240-мм самоходный миномет «Тюльпан», поражающий противника на расстоянии до 9,7 км, 152-мм САУ «Гиацинт-С» с дальностью стрельбы до 28,4 км, а также ее буксируемый вариант, получивший название «Гиацинт-Б».

Коллектив «Мотовилихи» занимался и реактивной тематикой. Совместно с другими КБ пермяки приняли участие в создании 122-мм реактивной системы залпового огня (РСЗО) «Град» (БМ-21), стреляющей реактивными снарядами на расстояние до 20,7 км. Боевое крещение «Града», серийно выпускавшегося с 1964 г., состоялось 15 марта 1969 г. у острова Даманский в ходе пограничного конфликта СССР и КНР. Через шесть лет после первого эффективного использования «Града» на вооружение армии была поставлена 220мм РСЗО «Ураган», обладающая дальностью стрельбы до 35 км. Залп, производимый реактивными снарядами массой 280 кг в течение 20 секунд из 16 направляющих, охватывал площадь поражения в 22 га. Во второй половине 1980-х гг. конструкторами «Мотовилихи» совместно с танкостроителями была создана 220-мм тяжелая огнеметная система ТОС-1 «Буратино», способная за 15 секунд нанести противнику урон, равный применению 30 танков. Успехом пермяков является 300 мм наземный комплекс РСЗО «Смерч», стреляющий реактивными снарядами массой 800 кг на расстояние до 90 км с охватом площади поражения в 67,2 га[3].

В постсоветский период СКБ ОАО «Мотовилихинские заводы» (главный конструктор С.В.Грунин) разработало новые виды артиллерийских установок: 122-мм миномет «Сани», универсальное огневое сооружение «Горчак», гаубицу «Мста-Б», обладающую дальностью стрельбы до 28,5 км, и орудия семейства «Нона», поражающие цели от 100 м до 13 км. В 1990-е гг. пермяки удивили разработкой 120-мм «самохода» «Вена», оснащенного высокоточной электроникой и способного поражать цели управляемыми снарядами.

В послевоенный период продолжило работу под новым названием «отдел № 3» КБ по созданию САУ на УЗТМ. Отдел № 3 разработал СУ-100П, дальность стрельбы которой достигала 19,3 км, и обеспечил начало ее серийного производства с 1955 г. В 1946–1948 гг. отдел № 3 спроектировал также СУ-152Г и СУ-152П. Однако их разработка ограничилась изготовлением опытных экземпляров. Возвращение Л.И.Горлицкого

[1] Военная история Урала. События и люди / Под ред. А.В.Сперанского. Екатеринбург, 2008. С. 250; Горлицкий Л.И. Воспоминания главного конструктора. Рукопись. С. 254. Хранится в музее ЦКБ «Трансмаш».

[2] Щит и меч Отчизны ... С. 245, 256, 257, 259–262.

[3] Кадочников В.Н. Лебедев. Человек и его время. Пермь, 2006. С. 97; Широкорад А.Б. Чудо – оружие СССР: Тайны советского оружия. М., 2005. С. 320–323.

в Ленинград (1951 г.) первоначально негативно отразилось на деятельности отдела. Однако с приходом Г.С.Ефимова, руководившего коллективом до 1978 г., кризис был преодолен. Отдел № 3 начал разработку зенитной самоходной установки «Енисей» практически параллельно с КБ Мытищинского машиностроительного завода (главный конструктор Н.А.Астров), работавшим над созданием установки «Шилка». На сравнительных испытаниях 1961 г. «Енисей», стабильно поражавший цели на высотах в диапазоне от 300 до 3000 м, превзошел «Шилку», однако в серийное производство была поставлена мытищинская машина. По мнению специалистов, отказ от производства «Енисея» был ошибочен. Лишь принятый на вооружение в 1982 г. зенитный пушечно-ракетный комплекс 2К22 «Тунгуска» догнал его по боевым качествам.

Более успешно участвовал отдел № 3 в процессе создания зенитно-ракетного комплекса (ЗРК) «Круг», поражавшего воздушные цели на высотах от 3 до 25 км. Уральский коллектив выполнил задание по созданию для ЗРК шасси пусковой установки и шасси для станции наведения, за что Г.С.Ефимов в 1971 г. был удостоен Ленинской премии. Поставленный на серийное производство комплекс весьма успешно противостоял налетам американской авиации во Вьетнаме, сбив несколько бомбардировщиков B-52.

В 1960–1970-е гг. отдел № 3 неоднократно преобразовывался (ОКБ-3, ЦКБ «Трансмаш»), но специализация по разработкам САУ была сохранена. Совместно с ПМЗ, создавшим артиллерийскую часть, «Трансмаш» разработал ходовую часть самоходной гаубицы «Акация» и самоходного миномета «Тюльпан», самоходной пушки «Гиацинт-С». В начале 1970-х гг. здесь была разработана военно-гусеничная машина для транспортного использования в вооруженных силах СССР. После смерти Г.С.Ефимова в 1978 г. руководителем «Трансмаша» стал Ю.В.Томашов, возглавлявший коллектив до августа 2001 г. Конструкторы ЦКБ внесли серьезный вклад в разработку самоходок третьего поколения. За создание 152-мм самоходной гаубицы «Мста-С», стреляющей на расстояние до 24,7 км, главному конструктору Ю.В.Томашову было присвоено звание Героя Социалистического Труда[1].

После войны несколько лет продолжалась деятельность артиллерийского завода № 9, созданного на территории УЗТМ. Только в 1958 г. он был включен в состав машиностроительного гиганта. Однако ОКБ-9, возглавляемое главным конструктором Ф.Ф.Петровым, продолжало свою работу, сделав акцент на конструировании танковых пушек. Первой послевоенной разработкой ОКБ-9 стала 100-мм пушка Д-10Т, устанавливаемая на танках Т-54 и Т-55. Затем были разработаны пушки для плавающего танка ПТ-76, для танков Т-62, Т-64, Т-72, Т-80. В 1980 г. конструкторы ОКБ-9 создали новую 125-мм пушку 2А46М для новейшего танка Т-90, модернизация которой продолжается и по сей день. ОКБ-9 конструировало и новые модели полевой артиллерии. После того как в 1974 г. Ф.Ф.Петров покинул предприятие, пост главного конструктора занял В.А.Голубев. С его именем связаны разработки 122-мм орудия для самоходной гаубицы «Гвоздика» и 120-мм орудия для самоходной гаубицы-миномета «Нона»[2].

Значительная роль в процессе производства артиллерии в послевоенные годы принадлежит СКБ-203, образованному в Свердловске в 1950 г. на базе Уральского компрессорного завода. Основные достижения этого предприятия связаны с деятельностью главного конструктора А.И.Яскина, возглавлявшего предприятие с 1954 г. по 1986 г. В 1950-е гг. здесь конструировались корабельные пусковые установки. В 1960-е гг. предприятие вернулось к разработкам, связанным с РСЗО. Уже под новым названием – Государственное конструкторское бюро компрессорного машиностроения – оно участвовало в создании пусковой установки БМ-21 «Град». Его специалисты разработали также транспортно-заряжающие машины, пусковые установки, комплексы наземного оборудования для ЗРК «Круг», «Куб», «Оса», «Бук», «Тор». Здесь была сконструирована пусковая установка для РСЗО повышенной мощности «Прима», принятая на вооружение в 1988 г., но не запущенная в массовое производство в связи с кризисом, начавшимся в СССР[3].

После окончания войны основное производство завода им. М.И.Калинина было переведено на мирные рельсы. Однако выпуск артиллерийской продукции был сохранен. С этой целью под руководством главного конструктора Л.В.Люльева в 1947 г. было создано опытное конструкторское бюро № 8 (ОКБ-8), разработавшее 100-мм автоматизированную зенитную пушку КС-19, стрелявшую на расстояние до 15,4 км. В 1950-е гг. на заводе производилось еще несколько видов зенитных пушек. Конструкторы ОКБ-8 (с 1966 г. специальное машиностроительное конструкторское бюро «Новатор») участвовали также в проектировании и производстве зенитно-ракетной техники. В 1960-е гг. совместно с СКБ-203 и Ижевским электромеханическим заводом (ИЭМЗ) они разрабатывают проекты пусковых установок для ЗРК «Круг», «Куб», «Бук», работают над созданием пусковых и пуско-заряжающих установок для зенитно-ракетной системы С-300В. В 1970–1980-е гг. на ЗИКе осуществляют сборку пусковых установок для ЗРК «Оса» и «Тор».

Во второй половине XX в. важнейшим центром производства артиллерии продолжал оставаться ИЭМЗ. С начала 1960-х гг. ижевцы производили различные составляющие для ЗРК «Круг», «Куб», для

[1] Кораблин В. 120-мм самоходное артиллерийское орудие «Вена» – автоматизация и многофункциональность. // Обозрение армии и флота. 2006. № 3. С. 12–21; № 4. С. 34–39; Щит и меч Отчизны ... С. 273, 274, 276–279, 281, 282.

[2] Шмелев И.П. История танка (1916–1996). М., 1996. С. 177; Колмаков Д.Г. Время. Люди. Танки. Нижний Тагил, 2001. С. 44–49, 52.

[3] Шунков В.Н. Ракетное оружие. Минск, 2001. С. 241, 242.

противотанкового управляемого реактивного снаряда комплекса «Дракон». С 1971 г. по 1980 г. ИЭМЗ являлся головным предприятием по серийному изготовлению ЗРК «Оса» как сухопутного, так и морского вариантов, предназначенных для защиты от нападения самолетов, летящих на малых высотах[1].

К техническим изобретениям XX в., значительно укрепившим оборонный потенциал многих стран мира, относятся танки, ставшие «королями войны» благодаря своей быстроте, маневренности и огневой мощи. В предвоенный период Урал не имел танкового производства, но ряд крупных заводов (УЗТМ, ЧТЗ) получили мобилизационные предписания в случае необходимости приступить к изготовлению бронемашин. В центр танкостроения Уральский регион превратился только в годы Великой Отечественной войны, когда на его территории было создано три мощных танкостроительных предприятия.

Челябинский «танкоград» под руководством И.М.Зальцмана, созданный в результате объединения производственных мощностей Челябинского тракторного, ленинградского Кировского и Харьковского дизельного заводов, начинает массовое производство тяжелого танка КВ («Климент Ворошилов»). Уже осенью 1941 г. бронемашины, произведенные на Южном Урале, принимают участие в сражениях за Москву. В 1942 г. завод перешел к серийному изготовлению среднего танка Т-34 и к созданию самого мощного в мире тяжелого танка ИС («Иосиф Сталин»). За весь период военных действий (с июля 1941 г. по апрель 1945 г.) челябинские танкостроители, возглавляемые талантливыми конструкторами Ж.Я.Котиным, Н.В.Цейцем, Н.Ф.Шашмуриным и др., дали фронту 3 681 танк серии КВ, 5 094 танка Т-34, 3 362 танка серии ИС и 43,8 тыс. дизельных двигателей.

Уральский завод тяжелого машиностроения (директор Б.Г.Музруков), разместивший на своих площадях Ижорский завод и еще несколько оборонных предприятий, наряду со знаменитыми САУ, производил бронекорпуса для тяжелых танков КВ, проходивших окончательную сборку в Челябинске, а также освоил производство среднего танка Т-34. За годы войны труженики УЗТМ дали фронту 731 танк Т-34, выпустили 3219 тяжелых и 6510 средних танковых корпусов, 7,1 тыс. танковых башен.

Уральский танковый завод № 183 (директор Ю.В.Максарев), созданный на базе объединения нижнетагильского Уралвагонзавода, Харьковского завода им. Коминтерна и Мариупольского завода, специализировался на выпуске средних танков Т-34. 25914 единиц бронетанковой техники предоставила «Вагонка» Красной Армии. Постоянно наращивая количественные показатели выпуска, заводчане внесли в конструкцию танка 118 существенных изменений, значительно улучшивших его тактико-технические характеристики.

Производством танков и САУ занимались также свердловские заводы № 37 (легкие танки), № 76 (танковые двигатели) и № 50 (агрегаты и узлы для самоходной артиллерии). В целом, за 1941–1945 гг. Урал направил на фронт 49,7 тыс. средних, тяжелых танков и самоходных артиллерийских установок, или 70 % всех машин, изготовленных за это время в СССР[2].

Танкостроение на Урале продолжало активно развиваться и после Победы. Первой послевоенной машиной уральского производства стал танк Т-54. Его опытный образец, сконструированный в нижнетагильском КБ (главный конструктор А.А.Морозов), был построен 30 января 1945 г. Массовый выпуск Т-54, вооруженного 100-мм пушкой и четырьмя пулеметами, имеющего 200-мм броню в лобовой части, начинается с 1946 г. сначала на заводе № 183 в Нижнем Тагиле, а затем на заводе № 75 в Харькове. До 1958 г. в СССР было построено около 17 тыс. танков Т-54. По лицензии танк также производился в Польше, Чехословакии и КНР. Огромный вклад в развитие танкостроения внес Л.Н.Карцев, бывший главным конструктором УВЗ с 1953 г. по 1969 г. С его именем связано появление на свет танка Т-55. В Советском Союзе с 1958 г. по 1962 г. на УВЗ, Харьковском и Омском заводах было построено почти 7 тыс. танков этого типа. По лицензии он выпускался в Польше, Чехословакии и Румынии. Всего было создано 12 модификаций танков Т-54 и Т-55, находившихся в строю до 1994 г.[3]

Бронебойный 100-мм снаряд, выпускавшийся из пушек обоих танков, пробивал с расстояния 2000 м 53-мм броню. Однако этого оказалось недостаточно для поражения натовских танков М60 (США) и «Чифтен» (Великобритания). Поэтому в Нижнем Тагиле был разработан танк Т-62 со 115-мм пушкой, запущенный в серийное производство с 1963 г. Боевое крещение машина получила во время конфликта с Китаем из-за острова Даманский в марте 1969 г. В дальнейшем танк успел повоевать в Африке и Азии. По лицензии танки Т-62 до 1978 г. строили в Чехословакии. Война в Афганистане показала слабую защищенность танков Т-55 и Т-62 от современных противотанковых средств: РПГ, БЗО, минных подрывов. В результате на танках установили противоминную и противокумулятивную защиту, средства предохранения от зажигательного оружия и т. п. Для эффективного поражения новых танков стран НАТО – М1, «Абрамс» и «Леопард-2» – на Т-55 и Т-62 были также установлены комплексы «Кастет», стреляющие управляемыми ракетами. К моменту распада СССР в Восточной Европе и европейской части России нахо-

[1] Зимовец Е.В. От орудийных мастерских в г. Санкт-Петербурге до завода № 8 им. М.И.Калинина в г. Свердловске и ОАО «МЗИК» в г. Екатеринбурге. Рукопись. С. 15, 16, 23, 24, 28, 30, 36, 37, 40, 49; Щит и меч Отчизны ... С. 290, 291; Денисенко С.Г., Мокрушин Е.Ф. Ижевский электромеханический завод. Ижевск, 2002. С. 34, 41, 119, 140.

[2] Сперанский А.В. Опорный край державы // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 272; Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 168, 170, 172.

[3] Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 146; Карпенко А.В. Обозрение отечественной бронетанковой техники. СПб., 1996. С. 291.

дилось 2144 танка Т-62 различных модификаций. Они до сих пор не сняты с вооружения Российской армии[1].

В 1966 г. на вооружение Советской Армии был принят разработанный в Харькове танк Т-64, имеющий 125-мм пушку и хорошую защищенность от современных средств поражения. Однако на УВЗ под руководством главного конструктора В.Н.Венедиктова был сконструирован новый танк Т-72, равноценный по боевым возможностям танку Т-64. Его производство, начавшееся с 1973 г., сопровождалось постоянными модернизациями. Последняя модификация танка, осуществленная под руководством главного конструктора В.И.Поткина, была принята на вооружение 5 октября 1992 г. как танк Т-90. Всего в бывшем СССР и современной России было построено около 30 тыс. танков Т-72 всех модификаций. Эта бронемашина до сих пор остается основой танкового парка Российской армии. Лицензии на производство Т-72 имелись у Польши, Чехословакии, Югославии, Индии, Ирана и Ирака[2].

В послевоенные годы продолжал создание бронемашин и Челябинский тракторный завод. С 1946 г. здесь начали серийное производство танка ИС-4. В 1947 г. было собрано 52 машины, однако по причине устаревания и дороговизны производство ИС-4 было прекращено. Важным направлением в деятельности ЧТЗ было участие в создании плавающего танка ПТ-76. Опытные образцы, созданные под руководством главного конструктора А.С.Ермолаева, опробовали на пруду Челябинской ТЭЦ в 1951 г. Однако серийное производство танка передали Сталинградскому тракторному заводу. Челябинские конструкторы внесли также вклад в разработку БТР-50П и артиллерийского тягача АТ-С, массово производившихся соответственно на Сталинградском тракторном заводе и Курганском заводе тяжелых кранов.

Челябинские танкостроители работали над созданием новых тяжелых танков. В 1949 г. было построено 10 опытных образцов танка ИС-8. После двухгодичных испытаний, приведших к серьезным изменениям конструкции, машину приняли на вооружение как танк Т-10. Серийное производство танка прекратилось в 1966 г., но выпущенные бронемашины оставались на вооружении Российской армии до 1993 г. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. Челябинское КБ под руководством главного конструктора П.П.Исакова создало еще один тяжелый танк со 130-мм пушкой, а также занималось разработкой ракетных танков, но ни один из созданных объектов не был принят на вооружение[3].

Более успешно в СКБ ЧТЗ осуществлялись проектные разработки боевой машины пехоты (БМП). Здесь создали целый ряд опытных и серийных образцов, за что П.П.Исаков был удостоен Ленинской премии. В 1964 г. функции головного предприятия по производству БМП были переданы Курганскому машиностроительному заводу, где было создано специализированное КБ. Здесь под руководством главного конструктора А.А.Благонравова был разработан целый ряд модификаций этой машины. БМП широко поставлялись за рубеж. Они воевали во время ирано-иракской войны, операции «Буря в пустыне», в Намибии и Анголе, и во всех малых войнах на территории бывшего СССР[4].

Вторая половина XX в. стала временем глобального соперничества СССР и США. Монополия Соединенных Штатов на атомное оружие не оставляла выбора Советскому Союзу, кроме создания «своих» ядерных боеприпасов и средств их доставки. В организации стратегических сил ведущая роль отводилась Уралу. В послевоенный период здесь формируется Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики (РФЯЦ-ВНИИТФ), строятся комбинаты по производству делящихся материалов (U-235, Pu-239), налаживается производство и сборка серийных ядерных боеприпасов.

Огромную роль в создании ракетно-ядерного щита СССР сыграло СКБ-385, организованное в г. Миассе. Под руководством главного конструктора В.П.Макеева здесь были разработаны баллистические жидкостные ракеты морского базирования, единственный в мире противокорабельный комплекс баллистических ракет для подводных лодок (БРПЛ), оперативно-тактический комплекс с ракетой Р-17 (SS-1C, Scud B) для сухопутных войск и многое другое.

В научно-производственном объединении «Автоматика» (г. Екатеринбург) под руководством главного конструктора Н.А.Семихатова была создана корабельная и бортовая аппаратура системы управления БРПЛ, системы управления и контрольно-пускового оборудования оперативно-тактического ракетного комплекса 9К72 с ракетой 8К14, система управления РК «Темп-С» с ракетой 9М76Б. В ОКБ-8 («Новатор»), возглавляемом главным конструктором Л.В.Люльевым, были сконструированы противолодочные управляемые ракеты, ракетный противолодочный комплекс РПК-2 и другие военно-технические новинки.

Одним из ведущих предприятий по производству ракет в СССР становится Воткинский машиностроительный завод. В его цехах почти 30 лет производились ракеты Р-17, оснащенные боеголовками различных типов. Они поставлялись в страны Варшавского Договора, а также в Египет, Ирак, Ливию, Сирию, Южный Йемен, Вьетнам. Свою надежность «скады» продемонстрировали в Афганистане и особенно в ходе американской операции «Буря в пустыне» (1991 г.), когда иракцы успешно поражали самолеты США на расстоянии до 150 км. В производстве ВМЗ

[1] Карцев Л.Н. Моя судьба – Нижний Тагил. М., 1991. С. 78; Полная энциклопедия танков мира. Минск, 1999. С. 391.

[2] Элита российской индустрии: Уралвагонзавод. Екатеринбург, 2001. С. 122, 213.

[3] Коломиец М. Свирин М. ИС-4 // М-Хобби. 1997. № 8. С. 36–40; Прочко Е. АТ-С // Техника-молодежи. 1993. № 10. С. 17; Барятинский М., Коломиец М., Кощавцев А. Советские тяжелые послевоенные танки // Бронеколлекция. 1996. № 3. 36 с.

[4] Барятинский М. Советская бронетанковая техника // Бронеколлекция. 2000. № 4. С. 21.

находилась и твердотопливная ракета «Темп-С», обладающая дальностью полета до 600 км. Это была первая советская управляемая баллистическая ракета, предназначенная для поражения целей в оперативной «глубинке» противника. На заводе также выпускались межконтинентальные ракеты «Темп-2С» (дальность полета до 10 тыс. км), ракеты средней дальности «Пионер» (до 5 тыс. км), оперативно-тактические ракеты «Ока» (до 400 км), межконтинентальные стратегические ракеты «Тополь» (до 10 тыс. км), тактические ракеты «Точка» (до 120 км). В настоящее время ВМЗ производит стратегические ракеты «Булава» и «Тополь-М» для ВМФ и Ракетных войск стратегического назначения РФ[1].

Таким образом, в советский период на Урале был создан мощный военно-промышленный комплекс, влиявший на развитие научно-технической базы страны. Его наличие укрепляло авторитет правящей элиты, давало возможность СССР проводить независимую политику, формировать у населения чувство гордости за свою великую Родину.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 338 с.
2. Барятинский М., Коломиец М., Кощавцев А. Советские тяжелые послевоенные танки // Бронеколлекция. М.: Моделист-конструктор, 1996. № 3. 36 с.
3. Барятинский М. Советская бронетанковая техника. 1945–1995 // Бронеколлекция. М.: Моделист-конструктор, 2000. № 4. 36 с.
4. Бехтерева Л.Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е годы. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 150 с.
5. Борцов А. Будет ли новый автомат? // Мастер ружье. 2002. № 60. С. 58–62.
6. Военная история Урала. События и люди. Екатеринбург: Сократ, 2008.
7. Денисенко С.Г., Мокрушин Е.Ф. Ижевский электромеханический завод. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2002. 576 с.
8. Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 103–148.
10. История Удмуртии: XX век. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 542 с.
11. Кадочников В.Н. Лебедев. Человек и его время. Пермь: Раритет-Пермь, 2006. 192 с.
12. Карпенко А.В. Обозрение отечественной бронетанковой техники (1905–1995 гг.). СПб.: Невский бастион, 1996. 516 с.
13. Карцев Л.Н. Моя судьба – Нижний Тагил. М.: Космос, 1991. 304 с.
14. Колмаков Д.Г. Время. Люди. Танки. Нижний Тагил: Б.и., 2001. 215 с.
15. Коломиец М. Свирин М. ИС-4 // М-Хобби. 1997. № 8. С. 36–40.
16. Кораблин В. 120-мм самоходное артиллерийское орудие «Вена» – автоматизация и многофункциональность. // Обозрение армии и флота. 2006. № 3. С. 12-21.
17. Поликарпов М. Прощай, «калаш»? // Независимое военное обозрение. 2005. 23 декабря.
18. Полная энциклопедия танков мира / Составитель Холявский Г.Л. Минск: Харвест, 1999. 576 с.
19. Прочко Е. АТ-С // Техника-молодежи. 1993. № 10. С. 17.
20. Сперанский А.В., Корнилов Г.Е. Великая Отечественная война // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 1998. С. 107–109.
21. Сперанский А.В. Опорный край державы // Урал в панораме XX века. Екатеринбург: СВ-96, 2000. С. 264–289.
22. Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Сб. документов. Ижевск: Удмуртия, 1995. 368 с.
23. Широкорад А.Б. Чудо-оружие СССР: Тайны советского оружия. М.: Вече, 2005. 352 с.
24. Широкорад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск: Харвест, 2000. 1155 с.
25. Шмелев И.П. История танка (1916–1996). М.: Техника – молодежи, 1996. 677 с.
26. Шунков В.Н. Ракетное оружие. Минск: Попурри, 2001. 528 с.
27. Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург: Раритет, 2008. 466 с.
28. Элита российской индустрии: Уралвагонзавод. Екатеринбург: Старт, 2001. 146 с.

Andrey V. Speransky
Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: avsperansky@mail.ru

THE URAL MILITARY INDUSTRIAL SECTOR AS A FACTOR OF THE USSR DEFENSE POWER

The article shows the importance of the Ural region in the creation of the military industrial sector of the Soviet Union. It describes the types of small arms, artillery mounts, tanks, nuclear weapons and delivery vehicles made in various periods at the Ural's defense industry companies; the de- scription lists their performance data, quantities produced, and gives examples of their use in the military conflicts of the 20th century. The author studied the work of design bureaus of the Ural's defense companies on the development of new types of arms, spoke about the role of the outstanding inventors of weapons and defense industry administrators. The author draws a conclusion that building of a strong military industrial sector in the USSR contributed to the improvement of science and technological basis of the nation, enhanced its position in the international arena, and added to the ideological consolidation of the people.

Keywords: the Urals, the military-industrial complex, defense plant, small arms, artillery production, tank building, nuclear weapons complex, design office, tactical and technical characteristics

[1] Щит и меч Отечества ... С. 13, 421–443.

ПРАВОСЛАВИЕ И БЮРОКРАТИЯ: РЕШЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ВОПРОСА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

На протяжении всей своей истории Русская православная церковь вместе со своим народом неоднократно переживала беды и тяготы войны. Страницы истории российского государства наполнены многочисленными примерами живого и действенного патриотизма духовенства и верующих. Великая Отечественная война не стала исключением. В годину суровых испытаний 1941–1945 гг. русское православие в очередной раз показало свою деятельность, самоотверженность и духовную стойкость.

С самого начала военных действий позиция Русской православной церкви была предельно ясно определена ее руководством. 22 июня 1941 г. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский) сразу же обратился ко всем верующим с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал народ к объединению в борьбе с ненавистными захватчиками и выразил уверенность в окончательной победе. «Православная наша Церковь, – говорилось в «Послании», – всегда разделяла судьбу народа... Не оставит она народа своего и теперь... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу» [3, с. 4].

Первоначально, несмотря на патриотическую позицию, занятую Русской православной церковью, отношение к ней со стороны государства изменилось мало. Прекратилась лишь воинствующая антирелигиозная пропаганда, но преследования, выражавшиеся в закрытии культовых учреждений, государственной дискриминации духовенства

* Статья была впервые опубликована: Вестник ЮУрГУ. Серия «социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 3. С. 63–67.

и верующих, остались. Однако грозная опасность, нависшая над самим существованием нашего государства, необходимость всенародного единения для победы побудили Советское правительство к изменению религиозной политики. Сталинскому режиму стало предельно ясно, что для того, чтобы выстоять в смертельной схватке с грозным врагом, необходимо мобилизовать все внутренние патриотические и антифашистские силы. Православная церковь должна была быть привлечена к этой борьбе, хотя бы потому, что по данным переписи 1937 г. 56,7% взрослого населения страны (55,3 млн чел.), несмотря на все гонения против религии, продолжали считать себя православными [1, с. 330].

Принципиальные изменения в церковно-государственных отношениях произошли в феврале 1943 г., когда Сталин в ответ на просьбу митрополита Сергия (Страгородского) разрешил церкви открыть счет в государственном банке для сбора пожертвований в фонд обороны. Это решение практически вернуло Русской православной церкви статус юридического лица, отнятый у нее декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Окончательный же поворот государства лицом к религии произошел после знаменитой встречи Сергия (Страгородского) и И.В.Сталина 4 сентября 1943 г. в Кремле. Известно, что беседа протекала в спокойном и конструктивном русле. Провожая Местоблюстителя патриаршего престола, Сталин под руку довел его до самых дверей кабинета и, открывая их, многозначительно произнес: «Владыка, это все, что я могу в настоящее время для Вас сделать» [5, с. 103].

Конечно же, председатель ГКО не ограничился уважительным открыванием дверей. Уже через 4 дня после беседы в Кремле – 8 сентября 1943 г. состоялся Архиерейский Собор. При участии 19 архиереев, многие из которых были доставлены в Москву прямо из лагерей и ссылок, Сергий (Страгородский) был единодушно выбран Патриархом Русской православной церкви. Собор избрал также Священный синод и вынес постановление, осуждающее коллаборационистов [6, с. 121, 122, 124]. 19 сентября 1943 г. в кафедральном Богоявленском соборе состоялась интронизация Патриарха. После избрания Патриарха процесс нормализации взаимоотношений между Православной церковью и Советским правительством получил новый импульс. 14 сентября 1943 г. И.В.Сталин подписал постановление «Об организации Совета по делам Русской православной церкви». Председателем вновь созданного государственного органа был утвержден полковник НКГБ Георгий Григорьевич Карпов.

Создавая Совет, сталинское руководство пыталось декларировать, что он ни в коей мере не будет выполнять руководящих и контролирующих функций по отношению к Русской православной церкви. Однако на практике это не соответствовало действительности. Патриарх и Священный синод фактически не имели возможности самостоятельного решения ни одного крупного вопроса. Созыв Соборов, определение управленческой структуры церкви, утверждение правящих архиереев, назначение епархиальных епископов, направление в приходы священников, открытие храмов, духовных учебных заведений и многие другие вопросы должны были обязательно согласовываться с Советом и утверждаться Правительством [4, с. 257].

Стремление власти использовать религию в борьбе с захватчиками носило сугубо прагматичный характер. Понимая, что проявив искренний патриотизм, и играя заметную роль в процессе консолидации всех сил страны на отпор агрессору Церковь усиливает свое духовное влияние на массы, Государство старалось, используя религиозный потенциал в оборонно-мобилизационных целях, одновременно сдерживать церковную активность в четко определенных рамках дозволенного. В условиях войны режим хотел видеть в религии не гонимую оппозиционную силу, а лояльный к власти, мощный источник патриотической мобилизации масс, поставленный под тотальный контроль светских органов управления.

Огромное значение в церковной жизни приобрело подготовленное Советом по делам Русской православной церкви и утвержденное СНК СССР 28 ноября 1943 г. постановление «О порядке открытия церквей». Документ устанавливал достаточно сложную процедуру, в результате соблюдения которой впервые после антирелигиозной кампании конца 1920–30-х гг. у верующих появилась возможность восстановить деятельность некогда закрытого культового учреждения. Статистика утверждает, что новая религиозная политика большевистского государства дала возможность Русской православной церкви за годы войны увеличить количество православных храмов более чем в двое: с 4500 (1941 г.) до 10547 (1945 г.). Однако отметим, что в сравнении с дореволюционным периодом количество православных храмов к концу войны не выглядит столь внушительно и составляет лишь 22% от уровня 1914 г. (48 тыс.). Это еще раз подтверждает то, что большевики даже в рамках «нового курса» не отказывались от целенаправленной политики по «сдерживанию религиозных чувств» [2, с. 35].

Политика использования религиозного потенциала в оборонных целях, при одновременном сдерживании церковной активности, рельефно проявлялась и в поведении властных структур на региональном уровне. В частности, на первом этапе войны, несмотря на лояльность и патриотизм, проявленные Русской православной церковью, власти Уральского региона, не получив конкретных указаний из центра о смягчении политики по отношению к духовенству, продолжали закрывать культовые учреждения (только по Свердловской области во второй половине 1941 г. было закрыто 22 православных храма)[1]. Когда же, после встречи И.В.Сталина с высшим церковным руководством в конце 1943 г., все необходимые директивы были получены, местные

[1] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 2. Д. 14. Л. 27, 28.

чиновники, опасаясь скорой отмены указаний сверху, не стали проявлять особой поспешности при их открытии. Не отказывая верующим в реализации их законных прав, обозначенных в постановлениях Правительства, местная бюрократия стремилась как можно дольше затянуть решение вопроса, тем более, что противоречивость пунктов правительственных документов предоставляла для этого самые широкие возможности.

По постановлению СНК СССР «О порядке открытия церквей» ходатайство верующих принималось к рассмотрению местными органами власти, которые после тщательной проверки должны были сделать соответствующее заключение о возможности или невозможности возобновления деятельности культового учреждения. Сроки подготовительно-проверочной работы документ не определял. Это давало административным органам управления хороший шанс при желании задерживать решение вопроса практически на неограниченный период времени. Задержка могла осуществляться как на уровне районных и городских Советов, так и в областных органах власти.

Приняв дело к рассмотрению, представители бюрократического аппарата имели широкий спектр возможностей официально отказать просителям. Причины отказа могли быть разнообразными, но самым веским поводом считалось отсутствие подходящего для свершения религиозных ритуалов помещения. Церкви, занятые под культурно-просветительские учреждения (школы, библиотеки, клубы, кинотеатры), бытовые организации (магазины, прачечные), производственные цеха оборонного направления, воинские объекты, возвращать приходским общинам строго запрещалось. Не используемые государством бывшие церковные помещения, как правило, находились в аварийном состоянии, что тоже являлось веским аргументом для отказа.

Отклонение ходатайства могло произойти из-за неправильного оформления необходимых документов. Уполномоченные по делам Русской православной церкви на местах вынуждались вышестоящим руководством к выполнению нелепых требований по соблюдению секретности документации. Поэтому во всех регионах страны постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей» доводилось до духовенства и верующих только на основе «устных разъяснений». По этой причине очень часто все необходимые для возобновления деятельности храма бумаги оформлялись не в соответствии с установленными правилами и, естественно, не принимались к рассмотрению[1].

Кроме того, партийно-государственная бюрократия отказывала в просьбе, ссылаясь на недостаточное количество верующих или на наличие на вверенной ей территории уже действующей церкви. Так, Свердловский облисполком не разрешил открыть церковь в селе Волчово Каменского района, мотивируя отказ тем, что «заявители не отражают настроения большинства населения района»[2]. Пытаясь найти различные поводы и предлоги для отклонения ходатайств верующих, местные власти просто стремились реализовать на практике негласную установку Москвы о положительном решении не более 20% заявлений[3]. В итоге, не трудно представить, что из огромного количества заявлений, обрушившегося на исполнительные органы с конца 1943 г., большинство отклонялось на месте, и только незначительная часть направлялась на рассмотрение Совета по делам Русской православной церкви и окончательное утверждение Правительства, что, кстати, также не гарантировало их положительного решения.

По Молотовской области из 249 заявлений от верующих с просьбой об открытии православного храма, поданных в период с 1944 по 1945 гг., 178 были отклонены на региональном уровне, а из 71 ходатайства, отправленного на утверждение в Москву, положительное решение было вынесено только по 32 прошениям[4]. Верующие поселка Чермоз и села Паль, преодолевая все бюрократические препоны, дважды добивались рассмотрения своего ходатайства в Совете по делам Русской православной церкви. Просьба жителей Чермоза, рассмотренная 22 мая 1944 г., не была удовлетворена, так как помещение часовни, где предполагалось открыть церковь, по заключению местной администрации, находилось в аварийном состоянии. Однако верующие своими силами отремонтировали здание и, проявив настойчивость, через год (28 апреля 1945 г.) сумели добиться положительного решения. Менее удачливы оказались прихожане церкви, расположенной в селе Паль. Пробившись через сопротивление местных бюрократов, они, тем не менее, дважды получили отказ в центральных органах по причине занятости помещения храма складом организации «Заготзерно»[5].

Большие трудности при разрешении проблем, связанных с открытием культовых учреждений, испытывали духовенство и верующие Свердловской области. За период с 1944 по 1945 гг. на Среднем Урале в административные органы было подано 116 заявлений, из них 108 получили отказ и лишь 8 направились в Совет по делам Русской православной церкви, который удовлетворил только 5 из них[6].

Отметим, что в Свердловской области возобновление деятельности православных храмов имело место и до создания Совета по делам Русской православной церкви и института его уполномоченных на местах. Так, в 1942 г. был вновь открыт для посещений верующими храм Иоанна Предтечи в Свердловске. В 1943 г. начались службы в церквях Невьянска, сел Березовка, Черноисточник, Балакино, Сылва. Культовые уч-

[1] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 8. Л. 11.
[2] ГАСО. Ф. Р88. Оп. 1. Д. 5309. Л. 29.
[3] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 25, 26.

[4] Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 80 об, 81, 122, 129, 143, 149, 154, 158 об; Д. 15. Л. 24; Д. 25. Л. 72–90; ГАПО. Ф. Р-1205. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–14.
[5] ГАРФ.Ф.6991. Оп. 2. Д. 2. Л.68; Д.25. Л.80; Д. 2. Л. 80, 80 об, 158 об.
[6] Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф.6991. Оп. 2. Д.2. Л.122; Д. 13. Л. 58, 67, 73; Д. 27. Л. 86–88; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 2. Д. 17. Л. 50, 51; Д. 19. Л. 263–265.

реждения, работавшие до выхода в свет постановления СНК СССР «О порядке открытия церквей», автоматически регистрировались уполномоченными, и их прихожанам не нужно было подавать ходатайства и ждать разрешения властей на проведение религиозных ритуалов и обрядов. Таким образом, за годы Великой Отечественной войны в Свердловской области вновь начали действовать 11 храмов Русской православной церкви[1].

В Челябинской области за период с 1944 по 1945 гг. верующие подали в местные органы власти 109 прошений об открытии церквей или молитвенных домов. Строгий подход чиновников к решению этих вопросов подтверждается тем, что 85 просьб были отклонены. Однако заметим, что все 24 заявления, отправленные на рассмотрение центральных органов, были тщательно подготовлены и, в отличие от подобных петиций из Молотовской и Свердловской областей, не получили ни одного отказа[2]. На заседании Совета по делам Русской православной церкви была поставлена под сомнение лишь возможность открытия храма в г. Катав-Ивановске из-за тяжбы между прихожанами патриаршей ориентации и старообрядцами. В конечном итоге проблема была разрешена в пользу верующих, признавших главенство Московской патриархии. После отказа, вынесенного 23 марта 1944 г., при повторном рассмотрении вопроса 22 мая 1944 г. было решено открыть православную церковь патриаршей ориентации[3]. Заявления из других населенных пунктов Южного Урала возражений не вызывали.

В Чкаловской области за период 1944–1945 гг. в исполнительных органах власти было рассмотрено 85 заявлений духовенства и верующих с просьбами разрешить деятельность православных храмов. 54 ходатайства не получили поддержки местных чиновников, 23 – отклонили на уровне Правительства и Совета по делам Русской православной церкви и только 8 населенных пунктов Оренбуржья получили право возобновить работу культовых учреждений[4]. Доля направления местными органами власти прошений в вышестоящие инстанции была велика – 27,1%, однако обоснованность этих петиций в большинстве случаев не находила подтверждения в Москве.

Советское правительство отклонило 74,2% всех заявлений, направленных в его адрес, причем в отношении верующих областного центра сделало это четыре раза из пяти. Было получено разрешение на возобновление деятельности только Никольского собора, тогда как ходатайства об открытии Дмитриевской церкви, храма в поселке Красная горка и двух молитвенных домов власти оставили без внимания. Неудачей закончились и попытки верующих г. Орска. Их заявление дважды рассматривалось в Совете по делам Русской православной церкви и в обоих случаях не имело положительного решения, так как помещение храма было передано областному отделу народного образования. Более благосклонной была фортуна к прихожанам Бузулука, которые, получив отказ, сумели все-таки со второй попытки добиться санкции на открытие в их городе культового учреждения[5].

Со второй половины Великой Отечественной войны религиозная активность населения очень рельефно проявилась в Курганской области. Начиная с 1944 года до конца военных действий, верующие Зауралья 107 раз обращались к местному начальству с просьбами разрешить деятельность православных церквей. Анализ рассмотрения властями ходатайств показывает, что руководители вновь созданной области чрезвычайно осторожно подходили к решению этой проблемы. На уровне Курганского облисполкома было отклонено 100 прошений и только 7 с положительными заключениями направились в Москву для окончательного решения своей участи[6]. Правительство не менее строго оценило возможности открытия православных культовых учреждений в Зауралье, приняв положительное решение только по одному заявлению.

Нельзя не упомянуть о том, что в апреле 1942 г. в Куртамыше была открыта Петропавловская церковь. В феврале 1943 г. этот город, первоначально входивший в Челябинскую область, был включен в состав Курганской области. Таким образом, к концу Великой Отечественной войны на курганской земле официально действовало два православных храма[7].

Наряду с уральскими областями, усиление религиозной инициативы наблюдалось и в автономных республиках региона. Заметим, что тяга населения к христианскому вероучению особенно ярко проявилась в 1944 г. За этот период времени жители Башкирии направили в адрес своего руководства 105 заявлений, в которых ходатайствовали об открытии православных церквей. Правительство республики удовлетворило лишь 15 прошений, направив все необходимые документы в центральные органы управления[8]. Совет народных комиссаров СССР, по заключению Совета по делам Русской православной церкви, счел возможным открыть на территории Башкирии только 7 православных культовых учреждения, наложив отрицательную резолюцию на 8 петиций.

В Удмуртской автономной республике за 1944 г. местное правительство рассмотрело 45 заявлений верующих с просьбами об открытии православных церк-

[1] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 83, 84; Д. 27. Л. 86–89.

[2] Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 18, 18 об, 22; ОГАЧО. Ф. Р274. Оп. 3. Д. 4479-а. Л. 39. Д. 28. Л. 103–121.

[3] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 28. Л. 104; Д. 2. Л. 59.

[4] Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.2. Л.105об,121об,136об,158об; Д. 13. Л. 27, 28, 32, 34; Д. 28. Л. 137–142; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Л. 13, 16.

[5] ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.2. Л. 105об. 121об, 136об., 158 об; Д. 28 Л. 137, 139; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. Л. 2.

[6] Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 136 об, 143 об, 154; Д. 13. Л. 158; Д. 25. Л. 14, 15; ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–10.

[7] ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 4, 26; Д. 2. Л. 2–10.

[8] Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 96, 96 об, 98 об, 122, 152 об, 153, 154 об; Д. 15. Л. 113, 115–117.

вей, 35 из которых по различным причинам не получили положительного решения[1]. Из 10 ходатайств, направленных в центральные органы, было удовлетворено только 2.

Подчеркнем, что две церкви – в селе Перевозное и г. Воткинске возобновили религиозную деятельность соответственно в марте и мае 1943 г., и были автоматически зарегистрированы республиканским уполномоченным без повторной санкции властей[2]. Таким образом, в период с начала войны до конца 1944 г. в Удмуртии начали работу 4 православных храма.

При подведении итогов процесса открытия православных храмов в Уральском регионе за период Великой Отечественной войны складывается противоречивая картина. Конечно, в целом эта тенденция носила позитивный характер и позволила увеличить количество церквей и молитвенных домов к концу 1945 г. по сравнению с июнем 1941 г. на 157%. С одной стороны, приведенная цифра может рассматриваться как яркая иллюстрация лояльности властей к религии и усиления влияния Русской православной церкви на население Урала. Однако, с другой стороны, подсчет процента поданных заявлений верующих с просьбами об открытии культовых учреждений и удовлетворения ходатайств органами власти позволяет сделать категоричный вывод о том, что бюрократический аппарат управления с явной неохотой шел навстречу желаниям жителей региона и, на наш взгляд, старался под различными предлогами основательно притормозить ход событий. За период с 1944 по 1945 гг. верующими пяти областей и двух автономных республик Урала в адрес местных и центральных властей было направлено, по неполным данным, 816 заявлений с просьбами об открытии церквей, 737 из них, то есть 90,3% были отклонены, причем, 650 заявлений (79,7%) не получили положительной резолюции уже на областном или на республиканском уровне. Из 2448 православных храмов, закрытых большевиками на Урале в довоенный период, в годы войны возобновили свою деятельность только 88, что составило всего 3,6%. 2304 церкви (94,1%) по-прежнему несли на себе печать осквернения, были заняты под хозяйственные нужды или находились в заброшенном состоянии, подвергаясь сильнейшему разрушению.

Даже после разрешения Правительства и Совета по делам Русской православной церкви в некоторых населенных пунктах Уральского региона городская и районная бюрократия не торопилась с открытием культовых учреждений. Так, в Чкалове администрация официально зарегистрировала Никольский собор, но помещение храма, в котором располагался государственный архив, не освободила. В результате верующие для проведения служб вынуждены были арендовать частный дом. Подобная картина наблюдалась в Коркино Челябинской области, где местное начальство, в нарушение распоряжений центральных органов управления, отказывались освободить помещение церкви, ссылаясь на трудные условия военного времени[3].

Таким образом, возрождение религиозной жизни в СССР в экстремальных условиях войны проходило в чрезвычайно сложной обстановке. Новая религиозная политика советского государства, направленная на использование духовного потенциала Церкви для консолидации общества, проводилась не последовательно. Сталинская бюрократия стремилась сдерживать религиозную активность населения, максимально контролировать деятельность церковных структур и учреждений. Верующим и священнослужителям приходилось преодолевать непонимание, а то и просто сопротивление, со стороны как центральных, так и местных органов власти. Однако тяжелые годы испытаний обозначили реальную возможность компромисса православия и советской бюрократии, что обеспечило консолидацию народа, сумевшего нанести смертельный удар немецко-фашистским агрессорам.

[1] Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 95, 103 об, 104, 136 об, 150 об; Д. 15. Л. 130, 134.

[2] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 15. Л. 137, 137 об.

[3] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 22, 31.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жиромская В.Б. Отношение населения к религии: по материалам переписи 1937 года / В.Б.Жиромская // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. – Вып. 2. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 324–338.

2. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке / Д.В.Поспеловский. М.: Республика, 1995. 511 с.

3. Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М.: Московская патриархия, 1943. 100 с.

4. Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 349 с.

5. Сперанский А.В. Власть. Церковь. Народ: единство во имя Победы // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 97–137.

6. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. М.: Хроника, 1994. 256 с.

Andrey V. Speransky
Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: avsperansky@mail.ru

ORTHODOXY AND BUREAUCRACY: SOLUTION OF ECCLESIASTICAL ISSUE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper shows complex and contradictory process of relations between the Soviet State and Russian Orthodox Church in the extreme conditions of wartime. The paper reveals essence and causes of new religious policy of Stalin's regime. Based on example of activities of the Party-State bureaucracy of the Urals, the paper demonstrates willingness of bureaucracy to restrict religious feelings of people as well as willingness for total control over ecclesiastical structures and institutions. It is concluded that compromise was tactical and Government used this compromise for consolidation of society in the fight against external enemy.

Keywords: Great Patriotic War, Russian Orthodox Church, religious institution, believers, locum tenens, enthronement, Patriarch, Council for Russian Orthodox Church, plenipotentiary, bureaucracy, consolidation.

РУССКИЙ ПУТЬ К ЕДИНЕНИЮ:ОТ РЕВОЛЮЦИИ К КОНТРРЕВОЛЮЦИИ*

Отмечаемый в 2017 г. столетний юбилей революции в России имел большой общественный резонанс и привлек значительное внимание как со стороны элитных кругов

* Статья была впервые опубликована: Уральский исторический вестник. 2017. № 3(56). С. 52–60.

ученых, общественных деятелей, государственных чиновников, так и со стороны самых широких народных слоев. Это не удивительно, ведь революция так или иначе затронула судьбы миллионов наших сограждан, отразились на историческом пути России и всего мира.

Оценочная палитра событий 1917 г. чрезвычайно разнообразна и противоречива. Представленные в современном общественном сознании суждения и выводы характеризуются полярностью – от восторженных эпитетов и лозунгов, зовущих к продолжению революционного процесса, до его резкого осуждения или замалчивания. Подобный разброс мнений является ярким свидетельством того, что современный российский социум, несмотря на значительную временну́ю отдаленность «революционной эпохи», продолжает оставаться в непримиримом «расколе», препятствующем общественной консолидации, необходимой для прогрессивного развития страны.

Чтобы успешно двигаться вперед, нужно преодолеть этот раскол, найдя точки соприкосновения в оценках исторического прошлого на основе объективного взгляда, предполагающего отказ от политизации исторических событий и их беспристрастный анализ. Такой подход требует всестороннего осмысления революционного процесса в России. Он предполагает понимание сущности революции, причин ее возникновения, временно́й протяженности, внутренней структуры. Он дает возможность выявлять ее историческое значение, обобщать позитивный и негативный исторический опыт и использовать положительные моменты в процессе дальнейшего совершенствования социума.

Термин «революция» происходит от позднелатинского слова revolution – «поворот, переворот, превращение» – и означает коренное преобразование в какой-либо области человеческой деятельности, сопровождающееся открытым разрывом с предыдущим состоянием. Революция как радикальное, качественное изменение может происходить в любой сфере: в развитии общества, природы, познания. Первоначально термин revolution употреблялся в астрологии и утвердился в лексиконе в XVI в. благодаря Николаю Копернику, назвавшему свою книгу «De revolutionibus orbium coelestium» (1543 г.)[1]. Затем он прочно вошел в сферу социальных отношений как определение качественных социально-экономических и общественно-политических изменений в жизнедеятельности человечества.

В современной истории и политологии существуют весьма разнообразные и даже противоречивые представления об этом неординарном явлении. Выделяются, например, политические революции, приводящие к смене государственного режима; «революции сверху», сохраняющие политический режим путем ограниченной реформации. В конце XX – начале XXI вв. появились понятия «бархатная революция» (свержение правящей коммунистической элиты), «цветная революция» (замена неугодного правительства управляемыми извне акциями протеста народных масс).

Нам представляется, что термин «революция» здесь используется скорее для «красного словца», так как включаемые в это понятие события не соответствует ее глобальной сущности. Чтобы представить себе всю масштабность и значимость революции, стоит обратиться к ее классическому пониманию, выработанному в лоне марксистской теории. По нашему мнению, несмотря на все идеологические и политические удары, полученные ею в последнее время, именно она наиболее точно и глубоко определяет содержание революционного процесса.

Создатели учения, столь неудобного для господства как прошлой, так и современной буржуазии, подходили к пониманию революции широкомасштабно, определяя ее как качественный переход от исторически исчерпавшего себя общественно-экономического строя к более прогрессивному. По их мнению, в ходе революции реакционный класс уступает власть в пользу передового, выражающего новые экономические отношения. Естественно, это коренным образом ломает старую политическую систему и формирует новую, призванную обеспечить социальный прогресс. Постепенно утверждаются новые производственные отношения, соответствующие уровню развивающихся производительных сил, происходят качественные перемены в области культуры и духовной жизни общества.

Революцию нельзя рассматривать как единовременный, скоротечный процесс. В своем развитии она проходит длительный и сложный путь. Завоевание политической власти прогрессивным классом есть лишь начало революции, ее первый и, как показывает мировая история, не самый главный этап.

В дальнейшем встает задача удержаться у власти и обеспечить «вызревание» революции, способствующее окончательному утверждению нового общественного строя, т.е. наступает «эпоха социальной революции», которая может длиться десятилетиями. На этом пути возможны победы и поражения, замедления и ускорения процесса и даже реставрация «старых порядков».

Все перечисленные моменты были характерны для великих европейских революций, утверждавших капиталистический строй. По мнению Ф.Энгельса, революция в Англии совершалась в «... течение семидесяти или восьмидесяти лет»[2]. Франции же, пережившей якобинскую диктатуру, термидорианский переворот, диктатуру Наполеона, возвращение Бурбонов, их свержение в 1848 г., переворот 1851 г., Парижскую коммуну, потребовался для этого почти столетний временной промежуток, длившийся с 1789 г. по 1875 г.[3]

[1] Коперник Н. О вращениях небесных сфер. М., 1964.

[2] Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 598.

[3] См.: Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991; Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007; и др.

Длительность революционного процесса прекрасно представляли себе и русские марксисты. В частности, В.И.Ленин, давая характеристику революции, отмечал, что это «...не одна битва, а эпоха целого ряда битв по всем... вопросам экономических и демократических преобразований...»[1]. Таким образом, если рассматривать революцию в России в процессуальном измерении – от стремления решить вопрос о власти до попыток установить в стране новые общественно-экономические отношения, то, начавшись в 1905 г., она с большими трудностями, но целенаправленно двигалась вперед, решая сначала буржуазно-демократические, а затем социалистические задачи, и была прервана в конце столетия контрреволюцией.

Первый революционный взрыв, происшедший в 1905–1907 гг., был обусловлен многочисленными феодальными пережитками, сохранившимися в России после буржуазных преобразований Александра II. Быстрые темпы развития русского капитализма отчетливо прослеживались в области промышленности. Однако «самый передовой промышленный и финансовый капитализм» в значительной мере тормозила «самая дикая деревня»[2]. Сохранение в России помещичьего землевладения и общинного землепользования способствовало крестьянскому малоземелью, ограничивало производственно-творческую инициативу тружеников села и, как следствие, приводило к низкому уровню рентабельности крестьянских хозяйств, к их полной неспособности участвовать в рыночных отношениях. Безземелье и связанная с ним нищета, порождая массовое недовольство крестьян и стремление отнять землю у помещиков, ставили «аграрный вопрос» в повестку дня с особой остротой, делали его «гвоздем русской революции»[3].

Это главное антагонистическое противоречие русского общества в экономике дополнялось необходимостью ликвидации феодальных пережитков в политической сфере: самодержавного произвола, привилегированности дворянства и политического бесправия большинства населения, полицейско-чиновничьего беспредела и т. д.

В результате страна вступила в полосу тяжелейшего социально-экономического и общественно-политического кризиса, выход из которого предусматривал только две альтернативы – мирного или насильственного характера. Первая, предполагавшая проведение своевременных и эффективных реформ, не была реализована из-за неспособности Николая II, в отличие от своего великого деда, реально оценить сложившуюся в стране кризисную ситуацию и выработать конструктивную политику, направленную на ее мирное разрешение. Именно это и вывело на первый план вторую альтернативу, проявившуюся в попытке решения проблем путем революции, катализатором которой, наряду с политическим безволием императора, стало поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг., еще более обострившее имевшиеся в стране противоречия.

События 1905–1907 гг., рассматриваемые в исторической литературе как «первая русская революция», имеют противоречивые оценки. Нельзя не согласиться с тем, что под революционным давлением верховная власть была вынуждена пойти на некоторое изменение социально-политической системы России. Страна получила демократические свободы, в ней сложились новые государственные структуры, свидетельствовавшие о начале развития парламентаризма. Крестьяне добились отмены выкупных платежей, рабочие в ряде отраслей – повышения заработной платы.

Однако коренные противоречия устранить не удалось. Монархия, хоть и лишилась ореола самодержавности, в целом, сохранила свои властные позиции. Основные буржуазно-демократические задачи, нацеленные на кардинальное разрешение аграрного (ликвидация помещичьего землевладения), рабочего (завоевание 8-часового рабочего дня) и национального (объявление права наций на самоопределение) вопросов, решены не были. Это позволяет сделать вывод о том, что «первый штурм самодержавия» закончился поражением и страна вновь встала перед выбором – реформы или революция[4].

В наступившей десятилетней паузе (1907–1917 гг.) власть предприняла запоздалую попытку преодолеть кризисные явления мирным, реформистским путем. Благодаря энергичным действиям главы правительства П.А.Столыпина в стране наступила относительная стабилизация, в рамках которой начали осуществляться преобразования в экономической и политической сферах: наметился промышленный подъем, осуществлялись попытки преодоления кризиса в аграрном секторе, происходили изменения в сферах политического управления, судопроизводства, образования. Однако стремление П.А.Столыпина осуществить реформы «вне демократии», т. е. сначала обеспечить экономические условия, а затем дать «свободы», вызывало недовольство и противодействие со стороны радикальных сил. В результате набиравший скорость «локомотив реформ» был резко остановлен убийством «машиниста», а Русская революция получила новую возможность для радикального продолжения своего буржуазно-демократического этапа[5].

«Второй штурм самодержавия» был успешно осуществлен в феврале 1917 г. Не справившийся с проблемами царский режим уже не имел каких-либо шансов на спасение и был сметен новой революционной волной. В возникшей после крушения царизма политической «неразберихе» лучше

[1] Ленин В.И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 62.

[2] Ленин В.И. Политические заметки // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 417.

[3] Ленин В.И. Пролетариат и его союзник в русской революции // Полн. собр. соч. Т. 14. С. 178.

[4] См.: Шацилло К.Ф. 1905-й год. М., 1980; Первый штурм самодержавия. 1905–1907 гг. М., 1989; Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005; Щербаков А.Ю. 1905 год. Прелюдия катастрофы. М., 2011; и др.

[5] См.: Сидоровнин Г.П. П.А.Столыпин. Жизнь за Отечество. М., 2002; П.А.Столыпин: Грани таланта политика. М., 2012; Струков Д.Б. Столыпин. М., 2012; и др.

всех сориентировались большевики. Воспользовавшись нерешительностью своих политических оппонентов, они под лозунгами быстрого решения аграрного, рабочего и национального вопросов сумели превратиться из партии малозаметной на политической арене страны в феврале 1917 г. в ведущую революционную силу Октября[1]. Большевизация массового сознания позволила партии В.И.Ленина за «десять дней, которые потрясли мир», установить полный контроль над Петроградским Советом, свергнуть буржуазное Временное правительство и на II съезде Советов сформировать Совет народных комиссаров, практически возглавивший страну[2].

Обозначенные события вошли в советскую историю под названием «Великая Октябрьская Социалистическая Революция» и долгое время оценивались как начало новой эпохи в мировой истории. Однако, если следовать изложенному выше марксистско-ленинскому пониманию революции как длительного процесса коренных общественно-экономических преобразований, то о происшедшем в октябре 1917 г. следует говорить как о важном звене, но все-таки одном из многих в череде событий развивавшейся Русской революции. Необходимо отметить и то, что октябрьские события не носили социалистического характера, а осуществлялись под буржуазно-демократическими лозунгами. Даже В.И.Ленин, представляя захват Зимнего дворца революцией, не решился назвать ее социалистической. На заседании Петроградского Совета, проходившем в момент свержения Временного правительства, в докладе о задачах власти Советов он, как известно, заявил: «*...рабочая и крестьянская революция* (курсив авт. – А.С.), о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась». О построении «пролетарского, социалистического государства» лидер большевиков упомянул лишь в конце доклада как о перспективе на будущее[3].

По нашему мнению, о переходе к социалистическому этапу Русской революции правильнее говорить, оперируя временны́м периодом, продолжавшимся с октября 1917 г. по март 1919 г., и рассматривать его следует только как этап завоевания власти, способствовавший началу социалистических преобразований. При этом нужно понимать, что окончательное утверждение большевистской власти произошло совсем не в дни октябрьских событий 1917 г., когда было свергнуто Временное правительство, и даже не в начале января 1918 г., когда было распущено Учредительное собрание и практически был поставлен крест на возможности дальнейшего буржуазно-демократического развития России. Монополия на власть была установлена ленинской партией по окончании кровопролитной Гражданской войны (1918–1922 гг.). Именно в ходе нее социалистические идеи, достаточно слабо проявлявшиеся в дни штурма Зимнего дворца, стали активно пропагандироваться большевиками, что в конечном итоге было закреплено в принятой в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) программе, обозначившей курс на построение в России социализма[4].

С этого момента Русская революция, приобретя социалистический характер, развивалась как процесс качественного преобразования общества в течение более чем 70 лет XX столетия, проявляя себя настоящим «локомотивом истории», придавая российскому обществу стремительное ускорение. При этом линия правящей партии коммунистов отнюдь не была прямой и неизменной: почти каждое следующее десятилетие несло в себе отрицание многих сущностных практик предыдущего, сохранялась лишь приверженность к переменам как к главному стержню и смыслу всех проводимых преобразований.

В 1920-е гг. в России, оставшейся преимущественно крестьянской страной, диктат ранее существовавшей монархии был окончательно заменен диктатурой одной партии, возглавляемой вождем, власть которого никем и ничем не ограничивалась. При этом были полностью сохранены имперские амбиции, свидетельством чего является почти полное, за исключением Польши, Финляндии и стран Балтии, воссоздание распавшегося после февраля 1917 г. государственного пространства Российской империи. На этой территории новые кремлевские правители и начали осуществлять свой грандиозный по масштабам «коммунистический эксперимент», проходивший в сложнейших условиях коллективизации, индустриализации, культурной революции, вспышек массового террора внутри страны, Второй мировой и «холодной» войн на международной арене. Необходимо отметить, что за десятилетия реализации этого «эксперимента» в стране произошли поистине «тектонические» сдвиги в экономике и социальной структуре, носившие характер революционных преобразований, коренным образом изменивших общественно-экономические отношения.

Это подтверждается многими признаками. Так, проведенные радикальные изменения в области политической надстройки лишили господствующего положения ранее правившие классы и утвердили «власть трудящихся». В экономической сфере Россия, переименованная в Советский Союз, проделала огромный путь от аграрной страны к индустриальной державе с высокоразвитыми отраслями народного хозяйства, обладавшей второй экономикой в мире.

Был совершен коренной переворот и в системе общественных отношений, обеспечивший равные условия для всех членов общества в отношении к средствам про-

[1] К февралю 1917 г. РСДРП(б) насчитывала 24 тыс. чел., к октябрю 1917 г. – 350 тыс. чел.

[2] См.: Исторический опыт трех российских революций: в 3 кн. М., 1986. Кн. 2: Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России; Кн. 3: Коренной поворот в истории человечества: Великая Октябрьская социалистическая революция. 1987; и др.

[3] Ленин В.И. Доклад о задачах власти Советов на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2, 3.

[4] См.: Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года: протоколы. М., 1959.

изводства. Было провозглашено равноправие граждан независимо от их происхождения, социального положения, религиозных верований, национальной принадлежности; ликвидирована дискриминация женщин, а также безработица. Была создана атмосфера, позволявшая людям развиваться как субъектам культурно-исторического процесса.

Революционные изменения произошли и в духовно-культурной сфере общества. Проведенная в стране культурная революция, несмотря на множество недостатков, достигла главного результата, обеспечив народным массам право пользоваться всеми возможностями образования, науки, литературы и искусства. Результаты в развитии духовного потенциала страны настолько очевидны, что даже известный критик советских преобразований, религиозный и политический философ Н.А.Бердяев, утверждавший, что «не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества», не мог не признать их своевременности и эффективности[1].

Таким образом, успехи «вызревания» Русской революции, способствующие окончательному утверждению нового общественно-экономического строя, были налицо. Они не отрицались даже последовательными антикоммунистами и антимарксистами. В частности, в одном из своих последних интервью корреспондентам газеты «Завтра» А.А.Зиновьев назвал советский период «вершиной российской истории»[2].

Что же произошло в конце 1980-х – начале 1990-х гг.? Почему поступательное движение было остановлено, а созданная в ходе революционных преобразований сверхдержава под названием «Союз Советских Социалистических Республик» рухнула, похоронив под своими обломками большинство ранее достигнутых успехов?

Ответ лежит в способности и в возможности Революции успешно противостоять процессу Контрреволюции, объективно зарождающемуся в момент ее возникновения и активно противодействующему революционным преобразованиям. Как свидетельствует мировой исторический опыт, контрреволюции происходили во всех странах, стремившихся революционными методами решить накопившиеся ранее проблемы, и проявлялись в виде ответной реакции потерявшего власть класса, направленной на сохранение или реставрацию свергнутого общественного и государственного строя. В XVII в. Англия пережила реставрацию Стюартов, в XIX в. возвращали свое господство во Франции Бурбоны. Мировая история знает поражение революции 1848–1849 гг. в Германии, разгром в 1871 г. Парижской Коммуны. В XX в. фашистскими переворотами заканчивались революции в Испании и Чили.

Перечисление побед контрреволюции можно продолжить и далее, поэтому события, произошедшие в России на рубеже XX и XXI вв., не являются исключением. Русская контрреволюция проявила себя сразу же с началом в стране «революционного действа», активно препятствуя утверждению прогрессивных сил и стремясь сохранить «старые порядки». Проиграв сражение на первом этапе революции в борьбе за власть, контрреволюция всеми способами противодействовала процессу утверждения нового общественно-экономического строя в течение последующих десятилетий. Ее отличительной чертой всегда была опора не только на внутренние, но и на международные силы, свидетельством чему является политическая поддержка царизма иностранными правительствами на этапе буржуазно-демократических преобразований и прямая иностранная интервенция в период перехода к социалистическому строительству.

В ожесточенном сопротивлении объединенной (внутренней и внешней) контрреволюции революционным преобразованиям в России явно просматривается несколько взаимосвязанных между собой этапов. С 1905 г. по 1922 г. наблюдалось открытое сопротивление цепляющихся за власть консервативных сил, активно поддерживаемое извне. В 1922–1940 гг. контрреволюционная борьба приобрела скрытый характер с использованием идеологических и диверсионно-подрывных методов. В период с 1941 г. по 1945 г. была предпринята беспрецедентная по масштабам попытка уничтожить Русскую революцию при помощи внешней военной агрессии, стоившая ей колоссального числа человеческих жертв и материальных утрат. Наконец, с 1946 г. по 1985 г. против «страны победившего социализма» велась тотальная «холодная война», направленная на экономическое разорение и идейно-политическое разложение советского общества, порожденного революционными преобразованиями.

Таким образом, на протяжении всей истории советского государства, стремившегося революционным путем утвердить и закрепить в обществе новые общественно-экономические отношения, велась активная, никогда не прекращающаяся контрреволюционная деятельность. В конечном итоге могучая держава, казалось бы, достигшая пика своего экономического, научно-технического, военно-оборонного, духовно-культурного развития, была развалена в считанные годы так называемой «перестройки».

Оценки происшедшего в нашей стране в период с 1986 г. по 1991 г. противоречивы и чрезвычайно политизированы. Авторы, открыто стоящие на марксистских позициях, оценивают «перестройку» как заключение альянса внутренней и внешней реакции с целью ликвидации социализма и разрушения СССР. Подобное мнение имеет место как в работах, претендующих на научное осмысление событий, так и в изданиях политико-мемуарного характера[3].

В публикациях либеральной направленности «перестройка» рассматривается как окончатель-

[1] Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 162.
[2] См.: Завтра. 2008. 8 мая.
[3] См.: Валовой Д.В. От застоя к развалу. М., 1991; Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. М., 1992; и др.

ный отход России от тоталитаризма и осознанный выбор либерально-рыночного пути. В рамках этих прогрессивных, по мнению либеральных авторов, процессов произошел «демонтаж» основных составляющих социалистической системы, что позволило России вступить на путь подлинно демократических преобразований. Эти мысли достаточно «рельефно» выражены и в произведениях самих «архитекторов перестройки», и в научных трактатах, авторы которых разделяют их политическое кредо[1].

Нам представляется, что две на первый взгляд противоположные точки зрения на события, происшедшие в России с 1986 г. по 1991 г., абсолютно солидарны в своем главном выводе о том, что отстранение от власти коммунистов и распад созданной ими державы есть прерывание титанических попыток утвердить в стране новые общественно-экономические отношения. Разница лишь в том, что одни глубоко сожалеют о нереализованной возможности построить «светлое будущее» человечества, а другие, объявив «коммунистический эксперимент» тупиковой ветвью общественного развития, высказывают полную уверенность в необходимости и правоте содеянного.

Последние лидеры Советского Союза, умышленно или по недомыслию способствовавшие его распаду, лицемерно тешили свое «эго» якобы революционностью свершаемых ими действий. Однако результаты перестроечного процесса неумолимо свидетельствуют об обратном. Каждый шаг, предпринимаемый «архитекторами перестройки» с благими, по их пониманию, намерениями, вел к свертыванию коммунистической идеологии, к разрушению заложенных за семьдесят с лишним лет социально-экономических основ нового общества, а значит, способствовал контрреволюционному перевороту. В конечном итоге, выпустив из бутылки «антикоммунистического джинна», они сами были сметены мощной волной народного недовольства, умело регулируемой рвущейся к власти криминально-компрадорской необуржуазией.

Интересно, что практически программным документом «перестроечных процессов» стала опубликованная в 1987 г. и приписываемая М.С.Горбачеву книга с амбициозным названием «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Отталкиваясь от этого названия, отметим, что результатом горбачевских реформ «для нашей страны» стало прерывание революционного процесса. Прямо на глазах у народа, слабо представлявшего последствия подобного рода преобразований и наивно верившего в улучшение своего материального благосостояния, произошла реставрация общественно-экономических отношений, ранее уже отвергнутых историей как не обеспечивающих социальное равенство и материальное благополучие всех членов общества.

Постепенно, но целенаправленно была изменена экономическая основа российского социума, т. е. общественную собственность заменили на частную. Практически параллельно с этим был кардинально преобразован и общественно-политический строй. Советская система управления была «демонтирована», а созданные новые структуры власти стали выразителями либерально-буржуазных перемен, происшедших в стране.

Печальными оказались результаты преобразований М.С.Горбачева «и для всего мира». Был уничтожен Советский Союз как могущественный субъект геополитического пространства. Большинство из 15 «независимых» государств, возникших в результате этой геополитической катастрофы, а также страны Восточной Европы, ранее входившие в так называемую «мировую систему социализма», оказались оторванными от России, попав под контроль США и блока НАТО, стремительно приблизившегося к ее границам. Значительно усилилось экономическое, политическое, идеологическое давление Запада на Россию с целью ее изоляции и ослабления.

Примеры экономической, политической и социальной реставрации можно продолжать до бесконечности, но и приведенных вполне достаточно, чтобы сделать вывод о том, что в конце XX в. Русская революция как переход от одной общественно-экономической формации к другой остановилась. Победившая в стране контрреволюция привела к утверждению прежних, ранее отвергнутых буржуазных общественно-экономических отношений, что, впрочем, не улучшило взаимоотношений с другими капиталистическими странами, продолжающими видеть в России реальную угрозу «демократическому миру».

То, что сегодняшняя Россия идет по пути классического капитализма, уже ни для кого не является секретом. За 25 лет в достаточной мере проявились все его положительные и отрицательные стороны. Политическое раскрепощение и возможности предпринимательской инициативы сочетаются сегодня с серьезными потерями в области социальных гарантий, с небывалой имущественной дифференциацией общества. Несмотря на все попытки власти и обслуживающей ее части интеллигенции представить советское прошлое сплошным кошмаром, ностальгия по былому величию Коммунистической державы все ощутимее и явственнее чувствуется в настроениях общества, причем она проявляется как у старшего поколения, когда-то пользовавшегося социальными гарантиями социалистического государства, так и у представителей молодежи, никогда их не имевших.

Таким образом, на современном этапе в развитии России возникли очень серьезные трудности, проявляющиеся как на международной арене, так и внутри страны, негативно влияющие как на социально-экономическую, так и на общественно-политическую ситуацию. Поэтому современной элите, находящейся у кормила политической и экономической власти, сегодня нужно делать все, чтобы

[1] См.: Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М., 1991; Земцов И.Г. Крах эпохи: кн. 1–2. М., 1999; и др.

отпущенный на волю капитализм, развивая промышленность, торговлю, аграрный сектор и другие жизненно важные сферы, не превращался в хищника, увеличивающего свои прибыли только за счет эксплуатации рабочей силы. Это стремление, присущее капитализму на генетическом уровне, может предельно обострить противоречия, возникающие в процессе взаимодействия труда и капитала, и способствовать реанимации известной марксистской формулы: «Если мы сегодня разбиты, нам не остается ничего другого, как начинать сначала»[1].

Поэтому, чтобы продолжить мирное реформирование российского социума и не допустить возрождения революционного сценария насильственного решения проблем, сегодня как никогда необходима конструктивная контрреволюция, способная разумно регулировать общественно-политические и социально-экономические процессы, целенаправленно формировать институты демократического развития, полностью обеспечивать общество всеми видами социальной поддержки. Иными словами, конструктивная контрреволюция должна представлять собой конвергенцию лучших свойств капитализма с позитивными моментами социализма.

Огромное значение для прогрессивного движения России и недопущения насильственных методов политической борьбы имеет и отказ от историко-политической конфронтации. «Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки»[2]. Эти слова, высказанные президентом В.В.Путиным в ежегодном Послании Федеральному Собранию, представляются основой реальной возможности достижения социального консенсуса, осуществления взаимоприемлемого синтеза целей и ценностей, способных объединить людей самых разных взглядов и убеждений, готовых действовать в интересах страны.

[1] Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 6.

[2] Послание Президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию РФ на 2017 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 21.03.2017).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
2. Валовой Д.В. От застоя к развалу. М.: Наука, 1991. 566 с.
3. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года: Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. 602 с.
4. Земцов И.Г. Крах эпохи. М.: Наука, 1999. Кн. I. 399 с.; Кн. II. 284 с.
5. Исторический опыт трех российских революций. В 3 кн. Кн. 2: Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М.: Политиздат, 1986. 415 с.
6. Исторический опыт трех российских революций. В 3 кн. Кн. 3: Коренной поворот в истории человечества: Великая Октябрьская социалистическая революция / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М.: Политиздат, 1987. 655 с.
7. Карлейль Т. Французская революция. История. М.: Мысль, 1991. 575 с.
8. Коперник Н. О вращениях небесных сфер / Перевод И.Н. Веселовского. М.: Наука, 1964. 646 с.
9. Ленин В.И. Пролетариат и его союзник в русской революции. Полн. собр. соч. Т. 14. М.: Госполитиздат, 1960. С. 176 – 186.
10. Ленин В.И. Политические заметки. Полн. собр. соч. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1961. С. 414 – 420.
11. Ленин В.И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. Полн. собр. соч. Т. 27. М.: Госполитиздат, 1962. С. 61 – 69.
12. Ленин В.И. Доклад о задачах власти Советов на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г. Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Госполитиздат, 1962. С. 2 – 3.
13. П.А. Столыпин: Грани таланта политика / Под ред. П.А.Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2012. 623 с.
14. Первая революция в России. Взгляд через столетие / Под ред. С.В.Тютюкина. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.
15. Первый штурм самодержавия. 1905-1907 гг. / Сост. Л.Г. Анохова, В.К.Гаврилина, А.И.Середа. М.: Политиздат, 1989. 543 с.
16. Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. Moskow: Новости, 1992. 432 с.
17. Сидоровнин Г.П. П.А.Столыпин. Жизнь за Отечество. М.: Терра, 2002. 640 с.
18. Струков Д.Б. Столыпин. М.: Вече, 2012. 544 с.
19. Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007. 310 с.
20. Шацилло К.Ф. 1905-й год. М.: Наука, 1980. 196 с.
21. Щербаков А. 1905 год. Прелюдия катастрофы. М.: Олма Медиа Групп, 2011, 512 с.
22. Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 598 – 618.
23. Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957. С. 5 – 113.
24. Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости, 1991. 364 с.

Andrey V. Speransky
Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: avsperansky@mail.ru

RUSSIAN ROAD TO UNITY: FROM REVOLUTION TO COUNTERREVOLUTION

The paper draws attention to the existence of a highly politicized polarity of opinions about the Russian revolution of the 20th century in the modern Russian society. According to the author the diversity of interpretations of this most important event in the history of Russia in the twentieth century could be an evidence of a split in society and stand in the way of the country's progress. The author invites the audience to abandon the ideological blinders and take an objective look at the revolutionary process in Russia from the perspective of a true understanding of its essence, its historical significance, the development prospects and the historical lessons learned. The paper offers the author's theoretical reflections on the revolutionary processes in various countries of the world. A revolution is understood as a qualitative transition from the social and economic system which has exhausted its historical potential to a more progressive one.

The paper highlights the stage-bystage nature of this historical phenomenon, which was clearly manifested both in the European revolutions of the 18th and 19th centuries, and in the Russian revolution of the 20th century. It was noted that the revolution in Russia, after its start in 1905 went through the successive stages of the taking of power by the Bolsheviks and the establishment of a new social and economic formation, and was interrupted in the end of the 20th century by the counter-revolutionary coup resulting in the restoration of the previously rejected social relations pattern.

The paper concludes that at the present stage in the Russia's history its progressive, evolutionary development excluding the use of violence for reaching of political goals requires a constructive counterrevolution. This would mean a refusal of social confrontation in favour of the recognition and practical implementation of convergence of the best attributes of capitalism and socialism in various spheres of human life.

Keywords: revolution, society, process, counterrevolution, restoration, historical experience, marxism, socialism, capitalism, convergence

ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНОВ И МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ*

Неотъемлемой частью аппарата управления любой страны являются органы государственной безопасности. Они призваны профессионально защищать действу-

* Статья была впервые опубликована: Органы государственной безопасности на защите Отечества. Одиннадцатые уральские военно-исторические чтения, посвященные 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области. Сборник научных статей. – Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2018. С. 54–64.

ющий политический строй, территориальную неприкосновенность и целостность существующего государства. Они представляют собой особую составную часть правоохранительной системы, направленную на пресечение и раскрытие преступлений против государства, сохранение его внешней и внутренней безопасности. В их компетенцию входят функции разведывательно-информационного характера, охрана высших государственных органов, обеспечение правительственной связи, охрана государственных границ.

Важнейшей составляющей системы охраны государства является разведка – специальная структура, осуществляющая сбор сведений о противнике или конкуренте для обеспечения безопасности и получения преимуществ в области вооруженных сил, военных действий, политики и экономики. Эта особая государственная функция реализовывается такими специальными органами, как внешняя и внутренняя разведка.

Внутренняя разведка борется с противниками государственного строя внутри страны: с коррупцией и организованной преступностью; с экстремистскими политическими или религиозными организациями; с политически неблагонадежными гражданами.

Внешняя разведка направлена против внешних врагов государства: осуществляет сбор развединформации на чужой территории, организует диверсии против враждебных сил, распространяет дезинформацию, участвует в государственных переворотах и т.п.

История разведки насчитывает много веков, ее прообраз имелся во многих древних государствах, в том числе и в Киевской Руси. Символическим основателем русской разведки считается «вещий» Олег, осуществивший в 881 г. захват власти в Киеве. Спустившись по Днепру к племенному центру полян, он выслал вперед дружинника, который прикинувшись странником-одиночкой, собрал все нужные князю сведения.

Получив развединформацию, князь направил в Киев новых агентов, объявивших, что на ладьях прибыли мирные купцы, плывущие «в греки». Так была осуществлена «дезинформация» – один из основных методов работы спецслужб. Затем обманутых правителей Киева Дира и Аскольда выманили на причал, где в действие вступила «группа захвата» в лице дружинников, спрятанных в ладьях. В результате, беспечные киевские князья были убиты, и в Киеве был проведен первый государственный переворот людьми, которых сегодня принято называть «разведчиками».

В дальнейшем каждый уважающий себя князь в Древней Руси имел «лазутчиков» и «доносчиков», а с появлением Московского государства впервые создается централизованная служба, занимающаяся разведкой и контрразведкой – так называемый Сыскной приказ. При Иване Грозном эти обязанности возложили на Посольский приказ (1549 г.), а в правление Алексея Михайловича разведывательные функции передали в Приказ тайных дел (1654 г.).

Правовую основу разведка приобретает в период реформ Петра I. Она впервые прописывается как особый вид деятельности в новом воинском уставе 1716 г., где сбор сведений о противнике возлагается на генерала-квартирмейстера [4; 8]. В последствии разведывательной деятельностью занимались Секретная экспедиция, созданная в 1810 г. при военном министерстве по инициативе М.Б.Барклай-де-Толли и Особенная канцелярия, организованная в феврале 1812 г. при активном участии генерала П.М.Волконского, долгое время жившего во Франции и под прикрытием русского посольства изучавшего систему управления лучшей в Европе армии Наполеона. Основной задачей вновь созданного под руководством флигель-адъютанта, полковника А.В.Воейкова разведывательной структуры стало «собирание всех сведений о земле, где война происходит». По сути, Особенная канцелярия стала первым центральным органом Военного министерства России, специально занимавшимся разведкой вооруженных сил иностранных государств [11].

Говоря о формировании российской разведки, нельзя не отметить создание в 1880 г. департамента государственной полиции, главной задачей которого являлась охрана государственной безопасности. Прозванный в народе «охранкой» и активно критикуемый советской историографией за «подавление революционных сил», он, тем не менее, сыграл выдающуюся роль в укреплении внешней разведки России. Под руководством этого органа имперской государственной безопасности была организована разветвленная сеть русской заграничной агентуры, центр которой располагался в Париже. «Охранка» в значительной мере повлияла на внешнюю политику России, создав службу перехвата и дешифровки дипломатической почты. Практически департамент государственной полиции стал первым разведывательным управлением, поставившим перед собой задачу добычи и дешифровки правительственной почты всех европейских стран. И не удивительно, что именно это направление его деятельности активно изучалась советскими спецслужбами, с успехом использовавшими накопленный опыт в своей разведывательной работе [16].

На рубеже XIX–XX вв. внешняя разведка России находилась в компетенции Министерства иностранных дел. В его канцелярии сосредотачивались сведения политического, экономического и военного характера, поступавшие из-за рубежа. При этом, несмотря на значительные средства, выделяемые на сбор разведывательной информации, ведение этой работы русскими дипломатами не являлось обязательным, что объясняет их довольно пассивное отношение к разведке.

Более интенсивно в конце XIX – начале XX вв. действовала военная разведка, руководимая, согласно указу императора Александра II (1863 г.), Главным управлением Генерального штаба. В 1906 г., в результате его структурных преобразований, происходит разделение добывающей и обрабатывающей функций военной разведки, а в 1910 г. формируется

так называемое Особое делопроизводство (разведки и контрразведки), вошедшее в состав Отдела генерала-квартирмейстера. Произведенные изменения подчеркивали усиление роли разведки в процессе военного строительства Русской армии и повышение статуса разведслужбы в целом [2, с. 60, 61; 3, с. 23–25].

Накануне Первой мировой войны перед военной разведкой была поставлена приоритетная задача создания в странах будущего противника эффективной агентурной сети, способной получать необходимую информацию по ключевым проблемам. В результате агентурный аппарат был создан как на Западе (Германия и Австро-Венгрия), так и на Востоке (Китай, Корея, Монголия). Его усилиями удалось добыть ряд важных документов мобилизационного и стратегического характера, давших сведения о развертывании полевых и резервных войск, данные об укреплениях стратегически важных крепостей (Бреслау, Торна) будущего противника.

Серьезным успехом русской разведки стала вербовка одного из руководителей контрразведки Австро-Венгрии полковника Альфреда Редля, который на протяжении десяти лет давал исключительно ценную военную и политическую информацию, позволявшую нейтрализовать австрийских агентов, знакомиться с мобилизационными планами австрийского командования против России и Сербии [7, с. 162].

В годы Первой мировой войны внешняя разведка продолжала успешно действовать. Следует отметить, что в 1916 г. она сумела приобрести агентуру в высших кругах Ватикана и Испании, располагала надежными источниками документальной информации в главной штаб-квартире Австро-Венгрии, в германском Генеральном штабе, в штабах и корпусных округах Германии. Помимо противников, агентурная сеть создавалась также в нейтральных странах и на территории государств-союзников. Ее создателями и руководителями, как правило, были офицеры Главного управления Генерального штаба, энергичные и хорошо профессионально подготовленные. Так в Италии наибольшей активностью отличался военный агент, полковник Генерального штаба Оскар Энкель. В Англии успешно действовал военный разведчик генерал-лейтенант Генерального штаба Николай Ермолов. В Бельгии и Нидерландах работал военный разведчик полковник Генерального штаба Людвиг Майер, в Швейцарии – сотрудник МИД, действительный статский советник Андрей Мандельштам.

Во Франции интенсивной агентурной деятельностью занимались представители знаменитой графской фамилии, сотрудники Генерального штаба, полковники, братья Алексей и Павел Игнатьевы. Здесь по заданию императора Николая II была создана разведывательная служба Русской армии в Европе, функционировавшая вплоть до крушения Российской империи. К сожалению, революционные события в России поставили братьев по разные стороны баррикад. Павел Алексеевич оказался на стороне белоэмигрантского движения и скончался в Париже. Алексей Алексеевич, вернув советскому правительству 225 млн франков золотом, переведенных на его счет во французские банки для покупки оружия, некоторое время работал в советском торговом представительстве в Париже, а в 1937 г. вернулся в СССР. Работал в военных учебных заведениях. С его именем связывают создание суворовских училищ и возвращение в действующую армию погон в 1943 году. В этом же году по личному указанию И.В.Сталина получил звание генерала-лейтенанта. Умер в 1954 г. и с большими почестями похоронен на Новодевичьем кладбище [1].

Крушение монархической власти привело к серьезным социальным, политическим и экономическим потрясениям в России. Революционная волна, стремясь уничтожить старую государственность, беспощадно разрушала все ее, казавшиеся незыблемыми, основы. Грянувшие изменения коснулись и внешней разведки разломанного государства. С таким трудом созданная за рубежом агентурная сеть стремительно сокращалась и разрушалась. П.А.Игнатьев, на которого еще недавно работали мощные и разветвленные организации «Католическая», «Масонская», «Римская». «Шевалье», вспоминал: «...Все секретные организации были безоговорочно распущены, приданные им люди рассеялись, ничего больше не существовало из того, что могло бы быть ценным для общего дела».

Однако пришедшие на волне «октябрьских событий» 1917 г. к власти большевики тоже прекрасно понимали, что без разведки не может обойтись никакое государство, тем более отстаивающее завоевания революции в условиях Гражданской войны. Поэтому в ноябре 1918 г. при создании Полевого штаба Реввоенсовета республики (РВСР) в его структуру было введено Регистрационное управление с целью координации действий разведывательных органов РККА и обобщения разведывательной информации. Этот орган, первым начальником которого был назначен С.И.Аралов, стал первым центральным органом военной агентурной разведки Красной Армии, а день 5 ноября, когда об этом был подписан секретный приказ РВСР № 197/27, стал считаться днем рождения советской (теперь – российской) военной разведки.

В дальнейшем главный орган военной разведки неоднократно менял свое название и подчинение: Разведуправление штаба РККА (1921 г.), Разведывательный отдел Управления 1-го помощника начальника Штаба РККА (1922 г.), IV Управление Штаба РККА (1926 г.), Информационно-статистическое управление РККА, Разведуправление РККА (1934 г.), 5-е Управление Наркомата обороны СССР (1939 г.), Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии (1940 г.)

Первоначально советской военной разведкой руководил Арвид Янович Зейбот (1921–1924 гг.), а затем по его рекомендации руководством страны на этот пост был назначен Я.К.Берзин, 11 лет

(1924–1935 гг.) возглавлявший эту важную военно-государственную структуру [10; 14]. Благодаря высоким профессиональным и человеческим качествам этого человека советская разведка достигла значительных успехов: был создан высококвалифицированный центральный аппарат РУ, сформирована информационная сеть в ряде стран Европы.

Параллельно с военной разведкой создавалась вторая составная часть этого важнейшего направления государственной жизнедеятельности – политическая разведка. 20 декабря 1920 г. председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии Ф.Э.Дзержинский подписал приказ № 169 о создании Иностранного отдела ВЧК. В последствии эта структура именовалась ИНО ОГПУ (1923–1934 гг.), 7-м отделом Главного управления государственной безопасности (1934–1939 гг.), 1-м управлением НКГБ, 1-м управлением НКВД (1941–1943 гг.). Ее внутренней функцией было выявление направленных против СССР заговоров, диверсионной и террористической деятельности. Внешняя функция первоначально ориентировалась на борьбу против белой эмиграции, в проникновении и в разложении которой были достигнуты значительные результаты [9].

Подобный «дуализм» объективно порождал соперничество этих спецслужб, стремление (порой агрессивное) занять ведущее место в государственной системе. Но он не являлся специфической чертой только советской разведки. Как показывает международная практика, «множественные» разведывательные службы существовали и существуют во многих государствах. Соревнуясь между собой, они расширяют границы информативной источниковой базы, совершенствуют формы и методы работы, используют опыт деятельности конкурирующей организации, что в целом позитивно отражается на их функциональных возможностях и достигаемых результатах. Примером подобного «дуализма» является деятельность Абвера и РСХА (VI управления Главного управления имперской безопасности) в фашистской Германии времен II Мировой войны, или функционирование Разведывательного сообщества США на современном этапе, включающего 17 государственных учреждений, занимающихся разведкой, в том числе Центральное разведывательное управление (ЦРУ) и Агентство национальной безопасности (АНБ).

Советские разведывательные спецслужбы заработали в полную мощь в 1930-е гг., создав за рубежом эффективные сети, обеспечивавшие регулярный информационный поток. Военная разведка свою легальную сеть имела в виде атташе в составе посольств, именовавшихся тогда полпредствами. Они вели «официальную» военную разведку, т.е. сбор данных о вооруженных силах изучаемого государства. Одновременно разведчики в качестве легальных представителей направлялись под «крыши» недипломатических учреждений («Интурист», ВОКС и т. д.).

Третьей составной частью аппарата военной разведки были нелегальные резидентуры. Как правило, они возглавлялись военными офицерами, проживающими с иностранным паспортом под чужим именем. После прихода к власти в Германии фашистов (1933 г.) большинство нелегальных резидентур профилировались на добыче информации о ее потенциале и реальных планах. После начала II Мировой войны их деятельность еще более активизировалась. С сентября 1939-го г. по июнь 1941-го г. количество резидентур на территории Германии увеличилось в 1,5 раза.

Подобные группы действовали в Швеции, Великобритании, Китае, Японии и США, а также в оккупированных фашистами Голландии, Болгарии, Югославии и Западной Польше. Наиболее эффективны были резидентуры Л.Треппера во Франции, А.М.Гуревича в Бельгии, Ш.Радо в Швейцарии, замаскированные под коммерческие предприятия. Связь с центром осуществлялась по радио, однако в виду несовершенства тогдашней аппаратуры использовались и курьеры.

Примерно также действовали сотрудники политической разведки. Исключение составляло лишь то, что они, осуществляя вербовку и руководство уже существующей агентурой, не имели официальных постов и камуфлировались «под дипломатов». Нелегальные резидентуры формировались засекреченными сотрудниками НКВД-НКГБ и помимо них включали завербованных граждан иностранных государств. К 1941 г. политическая разведка СССР имела за рубежом несколько десятков резидентур. Две работали в Германии, одну из которых возглавлял талантливый советский разведчик В.М.Зарубин [15].

Всего за границей работали 914 разведчиков, и лишь 316 из них были сотрудниками легальных резидентур. Следует отметить, что несмотря на соперничество, имевшее место внутри советской разведки, и известное стремление чекистского руководства поставить под контроль военную разведку, обе «ветви» в ходе повседневной работы достаточно плодотворно сотрудничали. Отталкиваясь от традиций, заложенных еще во времена Берзина и Артузова, обе стороны обменивались агентами и сведениями, просили об их проверке, сообщали друг другу свои оценки и суждения по той или иной ситуации, обращались за помощью при решении возникающих проблем. В частности, когда началась война, военная разведка, сохранившая большинство своих резидентур в Германии, активно помогала восстановлению агентуры НКГБ, в значительной мере утраченной в предвоенный период. Между разведслужбами возникали и конфликтные ситуации, порождавшие непонимание и напряженность, такие как, например, необоснованный арест уже после войны представителя военной разведки А.М.Гуревича («Кент»), активно работавшего с представителями знаменитой «Красной капеллы» и незаслуженно обвиненного в ее провале и измене Родине [5].

Успешной работе резидентур обеих «ветвей» советской разведки благоприятствовали факторы идеологического противостояния. Многие сотрудники спецслужб пришли на эту работу по «зову сердца», искренне считая, что реализация на практике идей коммунизма обеспечит социальный прогресс и всеобщее благоденствие, а Советский Союз – это страна, способная возглавить и повести за собой к «светлому будущему» все человечество. Так пришли в военную разведку Р.Зорге, Р.Абель, А.Дейч. Идеи пролетарской солидарности и интернационального долга определяли позиции и многих других граждан иностранных государств, шедших на сотрудничество с советской разведкой.

В тоже время обе ветви советской разведки при поиске своих источников не ограничивались только идеологией. Значительную роль играли методы игры на человеческих слабостях и материальной заинтересованности. В частности, завербованный в Берлине сотрудник гестапо оберштурмфюрер СС Вилли Леман («Брайтенбах»), оператором которого был В.М.Зарубин, выдавал ценнейшую информацию о структуре, кадрах, операциях РСХА, гестапо и абвера, о военном строительстве и оборонной промышленности Германии исключительно за денежное вознаграждение. На материальной основе строились отношения советской разведки и с немецким дипломатом, бароном Рудольфом фон Шелиа, тоже продававшем ценную информацию, в том числе о разработке гитлеровским руководством «Директивы № 21». Стремился улучшить свое материальное благосостояние и выходец из древней самурайской семьи, офицер японской армии некто «Абэ». Он передавал советской разведке за вознаграждение документы Генерального штаба Японии, Главного жандармского управления, полиции, генерал-губернаторства Кореи, органов военной разведки и контрразведки [6].

Характеризуя деятельность разведывательных органов СССР в предвоенный период, нельзя не отметить, что их эффективному развитию был нанесен тяжелый удар репрессиями 1937–1939 гг. В Разведуправлении и его органах было арестовано более 600 человек. Среди них – начальник РУ Я.К.Берзин, а затем и четыре сменивших его руководителя (С.П.Урицкий, С.Г.Гендин, А.Г.Орлов, И.И.Проскуров). Пострадали заместители начальника РУ, многие начальники отделов, рядовые сотрудники, руководители ряда зарубежных аппаратов.

Репрессиям подвергалась и верхушка ИНО ГУГБ. Последовательно были ликвидированы руководители ИНО (А.Х.Артузов, А.А.Слуцкий, С.М.Шпигельглас), фактически разгромлены его зарубежные резидентуры. Были отозваны в СССР и репрессированы лучшие специалисты «невидимого фронта». На их место направлялись неопытные работники из НКВД с плохо продуманными «легендами», не обладавшие хорошим знанием языка, не имевшие специальных навыков. Таким образом, в один из самых ответственных периодов существования советского государства необоснованные репрессии привели к структурной и кадровой слабости, потере важных источников обоих видов разведки.

И все же, как ни была ослаблена советская разведка репрессиями, обе ее части продолжали работать и добывать важнейшую информацию о намерениях Германии и ее союзников, о действиях англо-французского блока и ряда других стран. По линии РУ продолжали успешно функционировать в рамках нелегальной сети агенты «Альта» (в Германии), «Кент» (в Бельгии), «Отто» и «Золя» (во Франции), «Дора» (в Швейцарии), «Рамзай» (в Японии), «Гарри и «Соня» (в Англии). По линии НКГБ практически была восстановлена резидентура в Германии, в составе которой активно действовал советский разведчик А.М.Коротков («Эрдберг»). Сохранились важнейшие источники информации «Старшина», «Корсиканец», «Брайтенбах», «Юна», «Грек», «Зенхен» и другие [12].

С июня 1939 г. по май 1940 г. советской разведсетью было охвачено 32 страны, где действовали 116 резидентур, а к началу войны резидентуры имелись уже в 45 странах. За период с июня 1940 года по июнь 1941 г. разведка передала более 300 конкретных сообщений, подтверждающих намерения фашистского руководства Германии начать военную агрессию против Советского Союза, в их числе всем известные предупреждения агентов «Альта» (И.Штёбе), «Ариец» (Р. фон Шелиа), «Рамзай» (Р.Зорге) и других разведисточников.

Кроме обширной информации советских разведчиков, поступающей из-за рубежа (шифртелеграмм, разведсводок, разведсообщений и т.п.), военно-политическому руководству страны докладывались и аналитические документы. В частности, 20 марта 1941 г. начальник РУ Генштаба Красной армии генерал-лейтенант Ф.И.Голиков сделал доклад под названием «Высказывания, [оргмероприятия] и варианты боевых действий Германской армии против СССР», в котором обобщались данные всех видов разведки, рассматривались три варианта нападения Германии на СССР и указывалось, что возможным сроком вторжения может быть период с 15 мая по 15 июня 1941 г. Представленный в докладе третий вариант возможного развития событий практически показывал план «Барбаросса», который немцы применили при нападении на Советский Союз 22 июня 1941 года1 [16].

Подобного рода сведения содержались и в докладе военного атташе в Германии генерала В.И.Тупикова, направленном 9 мая 1941 г. наркому обороны С.К.Тимошенко и начальнику Генштаба Г.К.Жукову. Документ фактически вновь излагал действия немецких армий в соответствии с планом «Барбаросса» и указывал, что разгром Красной армии и захват Москвы враг планирует осуществить в 1–1,5 месяца.

Следует отметить, что если доклад Ф.И.Голикова, очевидно в угоду всем известной концепции И.В.Сталина, при всей важности доложенных фактов, завершался странными выводами о их дезин-

формационной сущности и возможности нападения Германии на СССР только после победы над Англией, то доклад В.И.Тупикова безоговорочно предупреждал о необходимости принятия всех необходимых мер для отражения готовившейся агрессии.

Таким образом, можно смело утверждать, что несмотря на серьезные проблемы объективного и субъективного характера, советская разведка в годы, предшествующие II Мировой войне, в целом, выполнила поставленные перед ней задачи. Удалось создать обширную, активно работающую агентурную сеть и получить достаточный объем информации, позволявший при правильном ее понимании и рациональном использовании сделать объективные выводы об истинных планах фашистской Германии и эффективно использовать их в организации обороны Советского Союза. Оценивая уровень профессионализма советской разведки, один из руководителей немецкой разведслужбы времен II Мировой войны, ближайший сподвижник знаменитого руководителя Абвера адмирала Вильгельма Канариса, Оскар Райле отмечал, что равной по силе и возможностям шпионской организации в тот промежуток времени не имела никакая другая страна мира [13].

Другое дело, что разведка является лишь предпосылкой эффективной государственной политики. Решающим же фактором этой эффективности является способность государства максимально использовать имеющиеся разведданные. К сожалению, высшее руководство СССР не сумело в полной мере результативно воспользоваться имевшимся объемом разведывательной информации, что породило серьезные военно-политические ошибки и привело к поражениям Красной армии в начале Великой Отечественной войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авдеев В.А., Карпов В.Н. Секретная миссия в Париже. Граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915–1917 гг. М.: Вече, 2009. 395 с.
2. Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М.: Рус. разведка, 1998. Кн. 1. 398 с.
3. Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М.: Рус. разведка, 1998. Кн. II. 560 с.
4. Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М.: Акад. Проект, 2006. 477 с.
5. Гуревич А.М. Разведка – это не игра. Мемуары советского резидента Кента. СПб.: Нестор, 2007. 501 с.
6. История Российской внешней разведки. Т. III. 1933–1941 гг. М.: Международные отношения, 2018. 504 с.
7. Каширин В.Б. Дозорные на Балканах. М.: Викмо-М, 2014. 624 с.
8. Колобов Б.В. Законодательство Петра I. М.: Юрид. лит., 1997. 878 с.
9. Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Все о внешней разведке. М.: АСТ: Олимп, 2002. 635 с.
10. Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры // Свободная мысль. 1998. № 5–6. С. 9.
11. Лота В. Особенная канцелярия // Родина. 2012. № 10. С. 6–9.
12. Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь. М.: Русский мир, 2002. 608 с.
13. Райле О. Секретные операции абвера. Тайная война немецкой разведки на Востоке и Западе. 1921 – 1945. М.: Центрполиграф, 2002. 510 с.
14. Серов Е., Волгин В. Тайны военной разведки. 1918 – 1945 гг. // Армия. 1995. № 19–20.
15. Ставинский Э. Зарубины. Семейная резидентура. М.: Олма-Пресс, 2003. 480 с.
16. Энциклопедия секретных служб России. М.: АСТ, 2003. 800 с.

Andrey V. Speransky
Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: avsperansky@mail.ru

FOREIGN INTELLIGENCE IN THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY IN RUSSIA: TRANSFORMATION OF AGENCIES AND MODELS OF ADMINISTRATION

The paper analyses process of formation and development of intelligence in Russia as the most important component of the national security system from the time of Old Russian state to the period of strengthening of the Soviet political system in the 1930s. The paper also presents main government agencies engaged in intelligence activities in different periods of Russian history. The paper characterizes models of administration of foreign intelligence before and during the First World War as well as in the Soviet period, preceding the Great Patriotic War.

Keywords: state security agencies, intelligence, spy, intelligence information, disinformation, residence, intelligence network.

МАРКСИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ*

С приходом в 1917 г. к власти большевиков, базировавшихся в своей практической деятельности на марксистской теории, российский социум более чем на семьдесят лет оказался в полной зависимости от этих воззрений, ставших непререкаемой доминантой практически во всех сферах человеческой деятельности. Экономические, политические, идеологические, социальные, философские постулаты, высказанные К.Марксом, считались в первом в мире «государстве рабочих и крестьян» истиной в последней инстанции, аксиомой, не требующей доказательств. Естественно, что и историческая наука советской державы ограничивалась «прокрустовым ложем» историко-материалистического подхода, при помощи которого анализировались общественные отношения, связанные с формами собственности, не выходя за рамки социально-экономического детерминизма.

В начале 1990-х гг. «коммунистическая империя», казавшаяся незыблемой, рухнула, увлекая вслед за собой в бездну политического небытия и самое «верное и прогрессивное» учение. Фиаско марксизма в целом не могло не отразиться и на его важнейших составляющих. В частности, утратила свою фундаментальную основу и советская историческая наука. Марксистская методология, господствовавшая в историографии советского периода, потеряла приоритет, не выдержав, главным образом, политических и идеологических ударов. Возникший вакуум стал быстро наполняться различными концепциями и моделями как давно устаревшими и отвергнутыми наукой, так и претендующими на модерн. В итоге в методологическом поле исторических исследований сформировался «российский феномен», выразившийся в замене тоталитарной методологии «концептуальной анархией» [7, с. 8, 9].

Сущностью этого методологического хаоса стало то, что, в отличие от западной науки, последовательно меняющей концепции друг за другом, в исторической науке России, утратившей название «советская», стали одновременно функционировать и конкурировать между собой десятки научных и псевдонаучных вариаций.

* Статья была впервые опубликована: История и современное мировоззрение. 2019. № 1. С. 31–35.

Российские историки отнеслись к этому концептуальному синдрому неоднозначно. Эмпирики – довольно спокойно, как к очередной мало что дающей схоластике. Теоретики – с опаской, объявив кризис в отечественной методологии. При этом одна часть из них заявила о всеобъемлющем кризисе, приведшем отечественную методологию истории к полному краху, другая – о его частичном проявлении, поразившем лишь только те отрасли истории, которые были напрямую связаны с государственной политикой, потерявших власть коммунистов [5, с. 104].

Возникновение концептуального многообразия, обозначившего наличие методологического кризиса, требовало поиска выхода из создавшегося положения. Поэтому в конце XX – начале XXI в. предпринимаются попытки по оценке действующих исторических концепций для установления хоть какого-то порядка на «методологической кухне». Концептуально-историографическая инвентаризация наглядно продемонстрировала утрату формационной теорией ранее непоколебимого приоритета в объяснении механизмов развития мирового исторического процесса. Одновременно она зафиксировала прочное закрепление в методологическом пространстве идеи многоконцептуальности, позволяющей применение самого разнообразного научно-творческого инструментария.

Кроме того, проведенная систематизация имеющихся схем, моделей и концепций явственно показала, что в ходе естественного отбора, произошедшего в этот период, наибольшую жизнеспособность, основанную на логике аргументирования и достоверности источниковой базы, проявили три макротеории, теоретически близкие друг другу.

Действенные методы «постижения истории» предъявила цивилизационная доктрина. Представляясь первоначально в постсоветской исторической науке в виде некой эклектичной альтернативы марксизму, она затем логично вписалась в традицию локально-исторического восприятия мировой и российской истории. Серьезное воздействие на осмысление исторического процесса стала оказывать модернизационная версия эволюции человеческого общества, довольно удачно синтезировавшая наиболее приемлемые теоретические выкладки цивилизационного и формационного подходов. По причине глубокой научной проработанности и обоснованности, несмотря на утрату монополии на истину, сохранил место в методологическом поле истории и марксизм.

Следует отметить, что названные концепции выходят за пределы только исторического осмысления человеческой эволюции. Поэтому, находясь, помимо историков, в поле зрения представителей других гуманитарных наук (философов, политологов, социологов, правоведов и т.п.) могут, не без оснований, претендовать на роль метатеорий [11, с. 154].

Возвращаясь к основному предмету нашего повествования – марксистскому (формационному) взгляду, подчеркнем, что он перестал играть определяющую роль в методологии отечественной истории уже в конце 1980 – начале 1990-х гг., подвергнувшись критическому «обстрелу» по всем ключевым составляющим, таким как экономический детерминизм, линейный прогрессизм и формационный редукционизм. В результате, попавшие под сомнение приоритет экономического фактора в процессе эволюции человеческого социума, идея его перманентного прогресса и примитивное восприятие «пятичленной» формационной схемы как непререкаемой модели мировой истории перестали быть основой осмысления исторического процесса.

И все же оказавшись под прессингом современных политических и идеологических реалий, марксизм остался одной из ведущих концепций в методологическом поле российской истории. Начиная со второй половины 1990-х гг., резкое неприятие формационных представлений, базировавшееся, в первую очередь, на политической конъюнктуре, постепенно нивелировалось, и в ученом мире возобладал рационализм, направленный на применение действующих выводов марксизма при анализе отечественной истории и конструировании новых моделей ее научного восприятия.

Конечно, здравомыслящие историки должны признать, что ортодоксально-официальный марксизм, господствовавший в советской исторической науке, максимально сдерживал многоконцептуальное осмысление противоречивого процесса русской истории и низводил его понимание до вульгарной редукции. Однако при этом не следует отрицать и то, что марксистская методология позволяла обнаруживать главные тенденции и закономерности сложного и противоречивого процесса мировой истории.

Признавая противоречивость марксистского воздействия на реконструкцию исторической картины мира, обратим внимание и на то, что марксизм как методология истории никогда не являлся единым монолитом. Он всегда состоял из различных течений научной мысли, имеющих как сходство, так и специфику. В связи с этим, нам представляется возможным выделение западного, советского официального и советского творческого марксизма, дающее возможность выявить не только слабые, но и сильные стороны не популярной сегодня методологии, сдавшей свои позиции в России не столько вследствие проигранной научной конкуренции, сколько в результате беспрецедентного политического и идеологического прессинга.

Представляется, что именно это стало одной из главных причин, объясняющих стремление большинства ныне активно действующих российских историков дистанцироваться от марксистской методологии, хотя «уши» формационного подхода явственно прослеживаются в их современных концептуальных моделях, претендующих на инновационность и сопоставимость с лучшими достижениями мировой науки.

Стоит напомнить, что марксизм никогда не являлся и не является

изгоем на Западе. Корифеи западной исторической науки, известные в нашей стране, всегда уважительно относились к нему как к одной из хорошо обоснованных разновидностей исторической методологии. Так, крупный английский историограф Дж. Иггер среди всех концепций, имеющихся в мировом методологическом поле, назвал марксизм в тройке лидеров, наряду со структурализмом и методологией квантификации [17, с. 24, 26]. Высокую оценку методологическим возможностям формационного подхода всегда давали М.Блок, Ф.Бродель, М.Вебер и др. Значительное число знаменитых западных исследователей, таких как И.Валлерстайн, Э.Томпсон, Э.Хобсбоум и др., были и остаются адептами марксистской методологии.

Марксизм значительно укрепляет свои методологические позиции на Западе с середины XX в. как альтернатива релятивизму и субъективизму, господствовавшим в историческом познании. На волне этого «ренессанса» исторические школы, базирующие свою исследовательскую деятельность на марксистских постулатах, достаточно уверенно заявили о себе в таких странах, как США, Англия, Франция и Италия. Конечно, эта реанимация формационного понимания мировой истории не являлась механическим возрождением ранее отвергнутых доктрин. Она представляла собой их модификацию на основе синтеза с теоретическо-методологическими воззрениями, оформившимися вне пределов марксистской методологии.

Очень рельефно в трудах современных западных марксистов проявляются теоретические взгляды французской «школы Анналов». Они с известной долей успеха используют междисциплинарный подход, применяют принцип «тотальной истории», акцентируют внимание на явлениях ментальности и роли человеческого фактора в развитии исторических процессов. Это взаимопроникновение четко прослеживается в трудах английских историков-марксистов А.Мортона, Дж. Рюде, Э.Томпсона, К.Хилла, Р.Хилтона, Э.Хобсбоума и др., организовавших журнал «Паст энд Презент», ставший популярным в научной исторической среде не менее знаменитых французских «Анналов» [21, с. 154, 155, 158].

В Советском Союзе, при господстве тоталитарной коммунистической идеологии, историческая наука не могла развиваться вне воздействия на нее марксистской методологии. Большинство ученых, кто искренне, кто под воздействием политической конъюнктуры разделяли идеологемы официального марксизма, добровольно выбрав платформу догматизма, линейного прогрессизма и формационного редукционизма. Вне всякого сомнения, ортодоксы, пользуясь поддержкой политического режима, следовали в фарватере его «генеральной линии». При необходимости, по команде сверху, они обрушивались на ревизионизм как западных, так и своих чересчур «самостоятельных» и «непослушных» коллег.

Однако стенания советских ортодоксов практически не влияли на мировоззрение западных марксистов, активно взаимодействовавших с другими направлениями исторической мысли. Более того, ростки инновационного осмысления марксизма стали постепенно проявляться и внутри советской исторической школы. Значительный вклад в современное понимание отечественной истории внесли методологические исследования, проведенные сектором методологии истории Института истории АН СССР. С 1964 по 1969 гг. творческий коллектив этого научного подразделения, руководимый М.Я.Гефтером, успел опубликовать целый ряд интересных и неординарных по тем временам работ. Однако заявления о «новом прочтении» марксизма и критика методологии «мобилизации цитат классиков марксизма-ленинизма» при написании исторических трудов вызвали недовольство руководства, безжалостно упразднившего «мятежный» сектор [3].

Творческим осмыслением марксистской методологии истории были теоретические изыскания А.Я.Гуревича, позволившие ученому усомниться в научной эффективности автоматического приложения основных постулатов марксизма к историческому многообразию [2; 23]. Неожиданные заявления А.Я.Гуревича, идущие в разрез с доминирующей методологией, породили дискуссионную волну, обрушившуюся на безраздельное господство вульгарного детерминизма и подтолкнувшую ученых-гуманитариев к более пристальному изучению и пониманию категорий исторической «закономерности», «вероятности» и «случайности». Эта работа, продолженная в постсоветский период, во многом способствовала обоснованию теории альтернатив исторического развития России [1].

Бастионы «догматического марксизма» исподволь расшатывались и жаркими спорами об азиатском способе производства, часто нарушавшими границы формационного мышления и порождавшими критические высказывания в адрес примитивного «пятичленного» понимания мирового исторического процесса. Особенно ярко проявлялась неспособность историков при помощи традиционных марксистских канонов объяснить многообразие и противоречивость путей развития стран «третьего мира». Это приводило к попыткам использования методологического инструментария других теорий, в частности концепции цивилизационного осмысления истории человечества.

Так, вышедшая в 1986 г., монография И.К.Пантина, Е.Г.Плимака и В.Г.Хороса «Революционная традиция в России» стала первой попыткой использования методологического инструментария, созданного для описания истории так называемых «развивающихся стран», применительно к России. Именно в этом исследовании Россия, согласно цивилизационном представлениям, была впервые отнесена к странам «второго эшелона развития капитализма» [9].

Выводы дискуссий о смене общественно-экономических формаций и месте азиатского способа производства в разви-

В перерыве между заседаний. С профессорами В.В.Запарием и А.В.Трофимовым

На вручении демидовских премий. В центре – академик РАН В.А.Чарушин, справа – чл.-корр. РАН И.В.Побережников

Встреча у танка. С профессором А.В.Федоровой

Встреча с зам. министра МНиВО К.И.Могилевским (второй справа).
Третий справа – директор ИИиА УрО РАН И.В.Побережников, крайний справа – ректор УрФУ В.А.Кокшаров

**В снегах Сыктывкара.
Справа – профессор В.И.Меньковский (Беларусь)**

**С зам. председателя Совета ветеранов
Управления ФСБ России
по Свердловской области М.А.Домниным**

Среди профессоров, докторантов и аспирантов Цзилиньского университета (Китай)

На заседании Совета отделения Российского исторического общества по Свердловской области

Слово предоставляется ... Справа зам. директора ЦДООСО, к.и.н. В.В. Копляков

Союз науки, образования и культуры. Справа налево: министр культуры Свердловской области С.Н.Учайкина, ректор УрГАХУ С.П.Постников, ректор УрГЭУ Я.П.Силин, А.В.Сперанский, ректор УрГМУ С.М.Кутепов

В резиденции Губернатора. С участниками конференции, посвященной 300-летию Екатеринбурга

На юбилее у академика. В центре – академик В.В.Алексеев. Крайний слева – А.В.Сперанский

Встреча с однокашниками. В центре профессор УрГЭУ В.Г.Благодатских, справа – начальник Управления архивов Свердловской области к.и.н. А.А.Капустин

Совет да любовь. С супругой Ириной Васильевной

Отец и дети. С дочерью Екатериной и сыном Петром

TV интервью

Театральные встречи. В центре знаменитый драматург и режиссер Н.В.Коляда

В антракте

тии человеческого общества были использованы Н.А.Симония для характеристики так называемого «советского периода» в отечественной истории [20]. В научных кругах была поддержана критика Б.Ф.Поршневым «истории одной страны», способствовавшая началу научного изучения истории России в тесном взаимодействии с мировыми трансформациями. Достаточно популярными среди историков-методологов стали призывы «гуманизировать» и «психологизировать» концепцию К.Маркса, активно использовать его ранние произведения для глубокого изучения психологии различных социальных групп, действовавших в разные периоды истории человечества.

Вышеизложенное показывает, что марксистская методология осмысления истории не стояла на месте даже в условиях полного доминирования в советской исторической науке официально-догматических суждений. Поэтому не удивительно, что она, утратив монополию на истину, осталась в методологическом поле современной истории, основываясь теперь не на догмах потерявшего силу официоза, а на творческом развитии своих теоретических положений.

Конечно, большинство крупных российских исследователей продолжают дистанцироваться от объявленной ранее «единственно верной» теории. Однако идеологические штампы и политические ярлыки, навешанные на нее в годы «безудержной демократизации», перестают действовать, и пока в завуалированной форме марксизм вновь начинает проявляться в современной российской историографии. Изложение марксизма на основе новой терминологии характерно, на наш взгляд, для постсоветских произведений известного историка и философа Ю.И.Семенова. В работе «Россия: что с ней случилось в двадцатом веке» он, опираясь на марксистскую концепцию об азиатском способе производства и исследования феномена восточного деспотизма, используя идеи Л.Д.Троцкого, М.Джиласа, М.С.Восленского о бюрократическом перерождении реального социализма, мысли П.А.Сорокина, Н.А.Бердяева о классовом расслоении, эксплуатации и угнетении, характерном для социализма, попытался объяснить историю и крах советского коммунизма.

Построенная Ю.И.Семеновым историческая конструкция опирается на взгляды итальянца Б.Рицци, который, будучи приверженцем марксистской теории, тем не менее, попытался обосновать ряд положений, выходящих за ее пределы. В частности, основой социалистических обществ итальянский марксист видит некий антагонистический («политарный») способ производства, базирующийся на общеклассовой частной собственности, при которой класс эксплуататоров совпадает с ядром государственного аппарата. При этом способе производства господствующий класс («политаристы») в лице государственных чиновников владеет средствами производства и использует созданную ими же политосистему, возглавляемую политархом, для укрепления своих позиций во всех сферах государственного развития. Принимая концепцию Б.Рицци, Ю.И.Семенов считает, что именно такая система была сформирована на территории Советского Союза в 1920–1930-е гг. [18].

На наш взгляд, с позиций марксистской методологии осуществлены исследования В.З.Роговина. Пытаясь раскрыть феномен сталинизма, автор в своих трудах активно использует альтернативный марксизм Л.Д.Троцкого, базировавшийся на идеях бюрократической эволюции сталинизма и перерождении реального социализма [13–16]. Тенденция к совершенствованию марксизма прослеживается и в изысканиях Л.В.Милова, настаивающего на его обогащении отечественной дореволюционной традицией. Не отрицая формационные представления об историческом процессе, он сетует на ограниченные возможности применения «всесильного» учения при анализе аграрных отношений в России. По мнению ученого, характерный для него вульгарный детерминизм, упиравшийся в описания классовой борьбы и отражение процессов расслоения крестьянства, приводил к выпадению из поля зрения исследователей многих важных проблем, таких как технология крестьянского производства, повседневная жизнь жителей русской деревни, роль природно-климатического фактора и т.д. [6].

Марксистский призрак стоит и за спиной концептуально-методологического теоретизирования И.Д.Ковальченко, осуществленного в пост-советский период. Известный в прошлом марксистский методолог попытался обосновать новую модель объяснения исторического процесса, назвав свои рассуждения цивилизационным подходом. Однако признав линейность как основу исторического прогресса, ученый не смог вписаться в классическую модель цивилизационной теории, основывающейся на идее цикличности, и, по нашему мнению, сохранил методологическую близость с марксизмом, только завуалировав его новыми названиями этапов истории человечества (доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный, информационный) [4]. Фантомы марксизма можно, на наш взгляд, без особого труда обнаружить и в модернизационной модели осмысления мировой и российской истории, тесно связанной с цивилизационным подходом, но также не отрицающей линейно-стадиальный характер общественного развития [10; 19; 22].

Таким образом, марксистская методология как самостоятельная и эффективная система взглядов и способов познания, разъясняющая эволюционную сущность человеческого бытия, продолжает занимать видное место при всестороннем анализе проблем теоретического осмысления мировой истории. Более того, элементы формационной составляющей достаточно зримо проявляются и в научных конструкциях современных исторических моделей, показывая ее методологическую ценность и склонность к концептуальному диалогу [12]. Это доказывает высокий научный потенциал марксистского подхода в понима-

нии исторического процесса, его способность к интеграции, совершенствованию и развитию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М.: Политиздат, 1987. 310 с.
2. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М.: Искусство, 1989. 366 с.
3. Историческая наука и некоторые проблемы современности. М.: Наука, 1969. 428 с.
4. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
5. Козлов В.А. Российская история. Обзор идей и концепций, 1992–1995 годы // Свободная мысль. 1996. № 4. С. 104–120.
6. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
7. Могильницкий Б.Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 9–10.
8. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX в.: курс лекций. Вып. I: Кризис историзма; Вып. II: Становление «новой исторической науки». Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. 178 с.
9. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. 1783–2883. М.: Мысль, 1986. 341 с.
10. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 237 с.
11. Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.
12. Рамазанов С.П. Проблема ценности в зарубежной и отечественной марксистской методологии истории: конфронтация или поиск диалога // Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. статей. Вып. 28. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 78–82.
13. Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М.: Терра, 1992. 400 с.
14. Роговин В.З. Власть и оппозиции (1928–1933 гг.). М.: Тов-во «Журн. «Театр», 1993. 398 с.
15. Роговин В.З. Сталинский неонэп. М.: Б. И., 1994. 382 с.
16. Роговин В.З. Главный враг Сталина: как был убит Троцкий. М.: Алгоритм, 2017. 239 с.
17. Селунская Н.Б. Методическое знание и профессионализм историка // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 24–41.
18. Семёнов Ю.И. Великая октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г. и возникновение неополитаризма в СССР (Россия: что с ней случилось в XX веке) // Политарный (азиатский) способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М., 2008. С. 149–235.
19. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М.: КДУ, 2003. 749 с.
20. Симония Н.А. Что мы построили? М.: Прогресс, 1991. 432 с.
21. Согрин В.В. История исторической мысли XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 153–159.
22. Сперанский А.В. Модернизация в России: перекресток мнений // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. С. 27–39.
23. Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969. 320 с.
24. Iggers G. Historiography in the Twentieth Century: From Scientific Objectivity to Postmodem Challenge. NewHaven:Wes-leyan University Press,1997. 182 p.

Andrey V. Speransky
Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: avsperansky@mail.ru

MARXISM IN THE MODERN SYSTEM OF CONCEPTUAL UNDERSTANDING OF HISTORY

The paper analyses influence of the Marxist methodology on historical researches. The paper shows that during existence of the "state of workers and peasants" in Russia the formation theory prevailed in Soviet historiography and had an unshakable priority in explaining mechanisms of development of the historical process. After collapse of the "communist empire", Marxism lost its monopoly on the truth, unable to withstand primarily political and ideological attacks. However, the author of paper concludes that due to its scientific validity, ability for creative development and propensity to dialogue with other concepts, Marxism remained in the methodological field of understanding of history, being in the first row of the dominant macro-theories.

Keywords: history, methodology, historical researches, formational theory, socio-economic determinism, orthodoxy, inventory, multi-conceptualism, macro-theory.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА – ФРОНТУ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНЫХ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Победа, достигнутая нашей страной в Великой Отечественной войне, стала результатом беспрецедентного единения не только всех политических, экономических и военных ресурсов, но и максимальной мобилизации культурного потенциала, важнейшей составляющей которого является наука. Все ученые, работавшие в научных учреждениях как центра, так и периферии встали в ряды защитников Отечества, стремясь принести максимальную пользу в деле обороны страны. Не стал исключением и Уральский регион.

К началу войны академическая наука края, несмотря на ряд достигнутых успехов, находилась в стадии становления. Остро чувствовался кадровый и технический дефицит, непосредственно влиявший на недостаток инновационных открытий, способных двигать научно-технический прогресс. Военные действия, начавшиеся против напавшей на СССР фашистской Германии, потребовали предельной концентрации научных сил, максимальной реализации представившихся возможностей. Понимание уральскими учеными изменившейся обстановки предельно ясно выразил академик Л.Д.Шевяков. На антифашистском митинге, состоявшемся 26 октября 1941 года в Свердловске, он заявил, что «...теоретическая наука только выиграет от решения новых оборонных задач...» и призвал ученых «...целиком отдать себя реализации всех этих громадных возможностей» [1, с. 158; 11, л. 4–5; 26, с. 3].

Перевод академической науки Урала на военные рельсы проходил в сложных и противоречивых условиях. В начале войны кадровый потенциал Уральского филиала академии наук был значительно ослаблен. Из 180 научных работников, трудившихся в 1941 году в трех его институтах (Химическом, Геохимическом, Геофизическом), 140 были мобилизованы или добровольно ушли в ряды действующей армии. При этом из ушедших на фронт, 25 погибли либо пропали без вести, а многие из оставшихся в живых получили серьезные ранения, утратив возможность полноценно трудиться. Это нанесло УФАН ощутимый удар, лишив его перспективных научных кадров [19, с. 8].

Однако кадровая проблема была достаточно быстро устранена за счет эвакуации на Урал целого ряда отраслевых институтов и учреждений АН СССР. За период с июля 1941 года по декабрь 1942 года на территории края были размещены несколько десятков научных организаций, среди которых активно действовали Президиум АН СССР, Институт металлургии, Институт горного дела, ряд лабораторий Института геологических наук, Совет филиалов и баз Академии, Совет Академии по научно-технической пропаганде, Свердловское отделение издательства Академии, отделение истории и философии, оборонные

* Статья была впервые опубликована: Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20. № 3. С. 63–69.

комиссии отделения геолого-географических наук, группа по истории техники при отделении технических наук, группа геофизики, сейсмическая станция Сейсмологического института. Здесь также были размещены лаборатории Харьковского института черной металлургии, подразделения научно-исследовательского института военно-воздушных сил Красной армии, представительства оборонно-промышленных наркоматов. К концу 1942 года на Урале находилось более 240 научных сотрудников академии, в том числе 35 академиков и членов-корреспондентов [3, л. 2; 16, с. 101; 20, л. 25, 31; 21, л. 87; 23, с. 95—160; 33, с. 984].

Следует отметить, что ученые, чью роль в повышение оборонно-промышленного потенциала страны, напрямую влиявшего на мощь вооруженных сил, трудно было переоценить, не имели никаких привилегий. Вместе со всем народом они испытывали и стойко переносили все невзгоды военного времени, преодолевая тяготы стесненного жилья и продуктовый дефицит. Большинство научных работников ютились в «уплотненных» помещениях, вмещавших несколько семей, вынуждены были из-за перебоев в работе городского транспорта пешком добираться до работы. Продовольственный паек был настолько скуден, что во время обедов, организовываемых властями во время проведения каких-либо собраний или совещаний, ученые отказывались от приема пищи и забирали продукты домой, чтобы поддержать своих близких. Так как продукты питания во время войны выдавали по карточкам, и нормы были чрезвычайно скудные, научные сотрудники, как и другие трудящиеся, собственными силами выращивали картофель и другие овощи. Обеспечение научных сотрудников картофелем было одной из главных забот профсоюзной организации Уральского филиала академии наук, поэтому огороды организовывались везде, даже вокруг здания УФАН. Для хранения собираемого урожая во дворе этого помещения было организовано овощехранилище [27, с. 174].

Подавляющее большинство научных учреждений и организаций, работавших на Урале, дислоцировались в Свердловске. Поэтому забота об их функционировании целиком и полностью ложилась на власти города и Свердловской области, которые по мере возможности старались помочь ученым наладить творческий процесс и решить бытовые проблемы. Так, для упорядочивания эвакуации решением Свердловского ОК ВКП(б) в июле 1941 года была организована комиссия по расселению населения, прибывающего с территорий, оккупированных врагом. Этот орган оперативного реагирования, в составе которого работали председатель Свердловского облисполкома И.Л.Митраков, секретари Свердловского обкома Ф.Д.Навозов, В.В.Косов, председатель Свердловского горисполкома В.П.Головин и другие ответственные лица, сыграл огромную роль в размещении научных учреждений, ученых и членов их семей. Многие вопросы обсуждались на заседаниях бюро областного и городского комитетов партии, их руководители неоднократно лично участвовали в разрешении наиболее острых проблем. Активно участвовал в решении академических проблем первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В.М.Андрианов. Он постоянно встречался с президентом АН СССР В.Л.Комаровым, курировал научно-организационные, материально-бытовые вопросы УФАН и эвакуированных в регион научных учреждений АН СССР.

В результате, в целях обеспечения нормального питания научных сотрудников и членов их семей в Свердловске только в 1942 году при непосредственном участии органов власти было заготовлено 500 тонн овощей, построено овощехранилище, организована столовая. По указанию секретаря Свердловского горкома ВКП(б) В.В.Косова ученым был выделен дополнительный транспорт для оперативного решения научных и организационных проблем. Достаточно оперативно и качественно решались вопросы предоставления ученым жилых и производственных помещений. В центральных районах г. Свердловска (Ленинском, Молотовском, Октябрьском и Сталинском) получили квартиры ведущие сотрудники Президиума АН СССР, в том числе академики А.Н.Заварицкий, Э.В.Брицке, А.М.Терпигорев, Н.С.Державин, Н.П.Чижевский. Прибывшим в областной центр научным учреждениям были выделены вполне функциональные производственные площади. При содействии руководства Свердловского облисполкома Президиум АН СССР въехал в добротный дом № 7 по Почтовому переулку, руководство отделения геолого-географических наук заняло находившийся в хорошем состоянии дом № 55 по ул. Вайнера, комиссия по мобилизации ресурсов Урала была размещена в здании Театра юного зрителя (ул. К.Либкнехта). Удобные для работы здания заняли и другие подразделения АН СССР и отраслевые институты [2, л. 13; 4, л. 5, 17; 23, л. 126; 27, с. 175, 176].

Понимание властными структурами роли науки в решении оборонных задач, их стремление обеспечить научные исследования всем необходимым сочеталось со страстным желанием самих ученых отдать весь свой талант, опыт и силы максимальной мобилизации ресурсов страны, всемерному укреплению мощи Красной армии. В августе 1941 года по инициативе президента АН СССР академика В.Л.Комарова, была создана упомянутая выше комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны. Этот орган управления советской наукой, неофициально именовавшийся «комиссией Комарова», а затем переименованный в комиссию по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана (апрель 1942 г.), объединил в своих рядах 60 научных учреждений и более 800 специалистов науки и техники. Для Государственного комитета обороны им был подготовлен труд «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны», суммировавший результаты геологических, горных, почвенных, технологиче-

ских, энергетических, транспортных, экономических исследований и определивший масштабы возможного повышения уровня производства основных отраслей краевого народного хозяйства [1, С. 167; 22, л. 49; 25, с.107].

Важное значение для эффективного развития научных исследований в экстремальных условиях войны имело общее собрание Академии наук СССР, прошедшее в Свердловске 3–8 мая 1942 г. Участвовавшие в нем 69 академиков и 40 членов-корреспондентов полностью поддержали поставленные перед советской наукой две основополагающие задачи: осуществлять научные разработки в области военно-промышленного комплекса и оказывать конкретную консультативную помощь Красной армии и военно-морскому флоту. Практическим результатом принятых решений стало формирование технической военно-морской и военно-санитарной комиссий. Первая, возглавляемая академиком А.Ф.Иоффе, сосредоточилась на решении проблем безопасности кораблевождения и усиления мощи советского флота, вторая, руководимая академиком Л.А.Орбели, стала заниматься проблемами предупреждения эпидемий, лечения раненых, поиском новых пищевых ресурсов и лекарств [13, с. 83, 84].

Принятые решения стали мощным стимулятором всех научных изысканий направленных на повышение количественных и качественных показателей военно-промышленных предприятий. Две трети рабочего времени научные работники АН СССР как уральских, так и эвакуированных организаций, проводили в командировках по месторождениям и заводам, занимаясь оборонной тематикой. Под руководством выдающихся ученых был целенаправленно и эффективно реализован всесторонне обоснованный план мобилизации оборудования, сырьевых, транспортных и людских ресурсов, что дало возможность значительно повысить производительность труда на стратегически важных для обороны страны уральских предприятиях.

Самоотверженный труд ученых, работавших на Урале, был по достоинству оценен советским правительством. 10 апреля 1942 года целой группе научных работников была присуждена Сталинская премия. Ее лауреатами стали 24 человека: А.А.Байков, И.П.Бардин, Э.В.Брицке, В.И.Вейц, В.П.Волгин, В.М.Гальперин, Б.А.Гуревич, И.А.Дорошев, В.И.Козлов, Б.Г.Кузнецов, Н.Н.Колосовский, В.Л.Комаров, В.А.Обручев, В.Н.Образцов, Р.Л.Певзнер, А.Е.Пробст, М.К.Расцветаев, В.В.Рикман, А.А.Скочинский, М.А.Стекольников, П.И.Степанов, С.Г.Струмилин, Д.М.Чижиков, Л.Д.Шевяков [1, с. 163].

Свой конкретный и неоценимый вклад в научные изыскания, проводимые на Урале в годы Великой Отечественной войны, внесли сотрудники Уральского филиала АН СССР. Возглавляемые академиком И.П.Бардиным, ученые УФАН оказывали научно-техническую помощь 60 предприятиям, расположенным в регионе. С их помощью совершенствовались конструкции, внедрялась и осваивалась новая передовая техника, снижалась трудоемкость изготовления продукции, приводились в движение внутренние резервы промышленных предприятий. В научных подразделениях УФАН были изобретены технологии производства в обычных мартеновских печах высококачественных сталей; разработаны схемы поточного производства на промышленных предприятиях; найдены заменители остродефицитных материалов, необходимых для военного производства; внедрены новые способы изготовления и обработки сложных деталей для различных видов вооружений; созданы различные приборы контроля качества военной продукции. Значительными успехами уральской науки военного времени также считаются открытия новых месторождений полезных ископаемых, запуск в производство новых лекарственных веществ.

Среди наиболее эффективных научных открытий, сделанных на Урале в годы войны, следует назвать использование метода дефектоскопии для контроля качества снарядных заготовок. Применение дефектоскопов, разработанных С.В.Вонсовским, Я.С.Шуром и Я.И.Хшиве, дало возможность увеличить выпуск артиллерийских снарядов за счет использования большого количества изделий, неправильно списывавшихся в брак, сократить затраты рабочей силы, ускорить производственные операции [30, л. 2]. Значительную роль при изготовлении боеприпасов сыграло изобретение Н.М.Родигина и В.Д.Садовского. Предложенный способ электронагрева при производстве позволил в десятки раз сократить время термообработки изделий, что давало фронту тысячи дополнительных снарядов, мин и различных деталей для военной техники [5, л. 7; 18, с. 70].

Огромный вклад внесли уральские ученые в развитие авиационной и танковой промышленности. Научные сотрудники Институтов металлургии и машиноведения совместно с опытными производственниками Уралмашзавода создали под руководством члена-корреспондента АН СССР А.А.Бочвара легкий сплав – цинковистый силумин. Его использование при изготовлении изделий значительно увеличивало выпуск танковых и авиационных моторов. Не менее значимо для военной промышленности было изобретение В.В.Михайлова и Г.В.Гайдукова. Ученые разработали и внедрили технологию выплавки феррохрома в домнах, что повысило производство броневой стали необходимой для производства танков и самолетов. Группа исследователей под руководством профессора В.И.Архарова изобрела способ хромирования отдельных деталей боевой техники, сделанных из обычной стали [1, с. 173, 179—181; 10, л. 25; 12; 17].

В производстве танков также большую роль сыграл метод высокочастотной закалки, разработанный членом-корреспондентом АН СССР В.П.Вологдиным. Он позволял уменьшать время нагрева, проводить поточную термообра-

ботку, а в ряде случаев заменять дефицитные легированные стали углеродистыми. Закалка токами высокой частоты только одной крупной детали экономила свыше 420 килограммов легированной стали на бронемашину. Совершенствованию процесса производства танков в значительной мере способствовало впервые внедренное на Уральском танковом заводе № 183 изобретение академика Е.О.Патона. Предложенная им автоматическая сварка бронекорпусов под флюсом в несколько раз поднимала производительность труда сварщиков, улучшало качество сварных швов, уровень которого до конца войны так и не был достигнут специалистами немецкой оборонной промышленности [7, л. 84; 29, с. 290].

Огромную помощь уральским производителям танков и самолетов оказывали геологи УФАНа. Под руководством профессора Л.Е.Малахова были детально изучены крупнейшие месторождения кобальта, важнейшего оборонного сырья, повышающего качество стали. Также были найдены новые месторождения первоклассных бокситов («Красная шапочка» и др.), сыгравшие огромную роль в развитии алюминиевой промышленности, обеспечивавшей необходимым сырьем авиазаводы. Была проделана огромная работа по получению в нужном количестве такого важного стратегического металла, как медь. На основе теоретических выводов академика А.Н.Заварицкого на Урале было открыты новые Учалинское и Сибаевское медные месторождения [9, л. 63; 24, л. 1–17; 18, с. 105].

Успешно внедрялись в производство и другие предложения уральских ученых. Для уничтожения железнодорожных составов, бронетранспортеров и автомашин неприятеля Институтом металловедения, металлургии и металлофизики УФАН был разработан новый тип магнитной мины, сразу же поступившей на вооружение красноармейцев и партизан. В военную практику была немедленно внедрена разработанная И.Г.Факидовым конструкция зеркальных гальванометров, позволившая эффективно обнаруживать и обезвреживать вражеские мины. Удачно прошел испытания магнитометр, сконструированный группой сотрудников Уральского филиала АН СССР под руководством профессоров П.А.Халилеева и Р.И.Януса. Этот прибор повысил эффект обнаружения затонувших на больших глубинах кораблей. Значительной результативностью обладал сконструированный сотрудником УФАН М.Н.Михеевым коэрцитиметр. Прибор, активно использовавшийся на Челябинском тракторном и других оборонных заводах, способствовал возвращению на производство каждого третьего ошибочно забракованного болта.

Сотрудники Химического института УФАН СССР, руководимые Г.И.Чуфаровым, сумели организовать непрерывный процесс гидролиза виниловых эфиров, получив исходный материал для производства пластмасс и взрывчатых веществ. Они также внедрили на Первоуральском новотрубном заводе метод фосфатизации труб, сокративший продолжительность процессов волочения и их цикличность. Особо отличились сотрудники лаборатории лесохимии, разработавшие технологию и аппаратуру получения из лесохимического сырья смазочных масел и жидкого горючего [5, л. 7; 18, с. 70; 27, с. 177; 32, л. 12–14].

В результате исследований, проведенных профессором С.В.Карпачевым на Уральском алюминиевом заводе, была создана технология, снизившая затраты электроэнергии при производстве алюминия, что обеспечило возможность дополнительного изготовления сотен самолетов. Экономить потребляемую мощность тока позволяли и внедренные на электролитных заводах Урала бесшунтовые килоамперметры и счетчики мегаватт-часов, сконструированные членом-корреспондентом АН СССР И.К.Кикоиным и его коллегами В.С.Обуховым и С.В.Губарем. Эти эффективные внедрения, стимулирующее повышение количественных показателей авиапрома, были дополнены научным открытием профессора Н.М.Караваева. Группа свердловских ученых, работавших под его руководством на Уфимском нефтяном заводе, добилась снижения содержания сернистых соединений в башкирской нефти с 3 до 0,3 %, что сделало возможным изготовление топлива для самолетов самого высокого качества.

Целый комплекс исследований, связанных с синтезом добавок к авиационному бензину и получением высококачественных смазочных материалов, осуществили в лабораториях Химического института и Института металлофизики, металлургии и металловедения эвакуированные в Свердловск эстонские ученые О.Киррет и Э.Раннак, а их соотечественник А.Альтма успешно занимался изучением проблем магнетизма металлов [4, л. 7; 10, л. 25; 27, с. 185].

Огромный вклад в развитие химии и медицины внес в годы войны профессор И.Я.Постовский. Возглавляя группу ученых (Б.Н.Лундин, З.В.Пушкарева, В.И.Хмелевский, Н.П.Беднягина), он сумел разработать оригинальные методы синтеза сульфамидов, наладить на Свердловском химфармзаводе производство сульфамидных препаратов (сульфидина, стрептоцида, норсульфазола). Для лечения длительно не заживающих ран им была осуществлена комбинация сульфамидных препаратов с бентонитовой глиной. Полученный препарат, вошедший в историю под названием «паста Постовского», эффективно применялся для лечения широкого спектра заболеваний и спас жизни сотням тысяч раненых солдат и офицеров.

Всего за годы Великой Отечественной войны учеными УФАН было внесено более четырехсот рационализаторских предложений, способствовавших усилению военной мощи Красной армии и укреплению обороноспособности страны [14, с. 99; 15, л. 34; 32, л. 12–14].

Научные инновации, внедряемые учеными в военное производство, требовали фундаментальных знаний и постоянного повышения профессиональной квалификации. Поэтому подготовка научных кадров имела приоритетное значение

даже в экстремальных условиях военного лихолетья. За годы войны 15 ученых УФАН защитили докторские диссертации, 43 сотрудника стали кандидатами наук. Это давало самые позитивные результаты. Несмотря на реэвакуацию в августе 1943 года учреждений АН СССР из Свердловска в Москву, сеть учреждений Уральского филиала не только не сократилась, но даже расширилась. В годы войны под руководством профессора Н.Н.Колосовского начал функционировать сектор технико-экономических исследований, во всех институтах заработали вновь созданные лаборатории. В июне 1944 года решением СНК СССР в Свердловске был открыт Институт биологии, в состав которого вошли Ивдельский стационар и Ботанический сад. Огромную роль в организацию лабораторий, формирование коллектива, определение направлений исследований этого научного подразделения внесли В.А.Мовчан, В.И.Патрушев, Д.Т.Филиппов и другие ученые [31, л. 11–11об].

К концу войны, наряду с Институтом биологии, в УФАН СССР активно действовали еще четыре института естественнонаучного направления: Горно-геологический, Химический, Металлофизики, Металлургии и металловедения. В штате филиала состояло 287 научных сотрудников (1 академик, 2 члена-корреспондента, 27 докторов, 51 кандидат наук) и более 20 аспирантов. Самоотверженный труд уральских ученых в годы войны был по заслугам отмечен высшим руководством СССР. Несколько научных сотрудников филиала были удостоены Сталинской премии, в том числе председатель президиума филиала академик И.П.Бардин, академик Л.Д.Шевяков, член-корреспондент И.К.Кикоин, профессор В.В.Михайлов, научные сотрудники Г.В.Гайдуков, С.А.Иванов, В.С.Обухов, А.А.Сигов, П.А.Халилеев. Более двухсот научных сотрудников УФАН СССР были награждены орденами и медалями [6, л 17; 8, л. 11; 16, с. 109, 110; 22, л. 49].

Достижения уральской науки в период войны стали обоснованием возникшей идеи об образовании «Уральской академии наук СССР». В марте 1945 г. с официальным предложением по этому поводу к председателю СНК СССР И.В.Сталину и президенту АН СССР академику В.Л.Комарову обратилась инициативная группа. В письме, направленном высшему руководству страны, значилось 30 подписантов, среди которых были представителей оборонных предприятий (Б.Г.Музруковов, Л.Р.Гонор, Ф.Ф.Петров), науки и высшего образования (А.Ф.Головин, О.А.Есин, С.В.Карпачев, А.С.Качко, И.К.Кикоин, В.Н.Козлов, А.П.Комар, Д.Н.Оглоблин, И.Я.Постовский, П.А.Смирнов, Г.И.Чуфаров), медицины и здравоохранения (А.Т.Лидский, Б.П.Кушелевский).

Идея создания автономной от АН СССР региональной академии в рамках сверх централизованного сталинского государства была не только смелой, но и достаточно опасной. 8 мая 1945 года, за день до Великой Победы, академик-секретарь АН СССР Н.Г.Бруевич сообщил директору Уральского индустриального института А.С.Качко о том, что Президиум Академии Наук СССР не разделяет эту точку зрения. По мнению научного руководства страны, главное внимание при развитии уральской науки должно было концентрироваться на укреплении УФАН [1, с. 438; 6, л. 19, 19об.].

Таким образом, как и следовало ожидать, инициатива уральцев не была поддержана сверху. Господствовавший в СССР политический режим не мог допустить расшатывания централистских основ, на которых держался. Однако и вполне ожидаемых репрессий против составителей «крамольного» документа не последовало. Очевидно, это объяснялось тем, что вопрос обсуждался в дни окончательного разгрома Германии и, греясь в лучах Великой Победы над внешним врагом, государство сочло возможным не реагировать слишком резко на непродуманные вольности периферии.

К тому же, правящая элита победившей страны отчетливо понимала масштабы вклада ученых в разгром врага и потенциальные возможности науки в дальнейшее укрепление ее обороноспособности. В одной из своих речей, подводящих итоги войны, И.В.Сталин заявил о необходимости дальнейшего строительства «...всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы», отметил способность советских ученых «...не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны» [28]. Эта уверенность вождя базировалась на том, что советская наука успешно справилась с требованиями военного времени, показала свою зрелость и способность решать самые сложные задачи. Важное место в ее рядах занимали и уральские ученые, сумевшие мобилизовать свою работу на выполнение необходимых фронту и тылу оборонных заданий, обеспечив переход уральской академической науки на новую качественную ступень.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Академическая наука Урала: очерки истории / под ред. В.В.Алексеева. Екатеринбург; Санкт-Петербург: Людовик, 2007. 480 с.
2. АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 33.
3. АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6.
4. АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 13.
5. АРАН. Ф. 188. Оп. 3. Д. 98.
6. АРАН. Ф. 188. Оп. 1-41. Д. 90.
7. АРАН. Ф. 395. Оп. 1. Д. 5.
8. АРАН. Ф. 413. Оп. 2. Д. 23.
9. АРАН. Ф. 541. Оп. 1. Д. 1.
10. АРАН. Ф. 541. Оп. 2. Д. 21.
11. АРАН. Ф. 1501. Оп. 1. Д. 37.
12. АРАН. Ф. 188. Оп. 3. Д. 98.
13. Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / под ред. А.В.Сперанского. Екатеринбург: Баско, 2005. 256 с.
14. Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / под ред. А.В.Сперанского. Изд. 2-е дополн., перераб. Екатеринбург: Формат, 2010. 272 с.
15. ГАРФ. Ф. 8080. Оп. 1. Д. 62.
16. Жук А.В. Вклад уральской академической науки в разгром фашизма / А.В.Жук // Воспитательный потенциал исторического образования. Ч. II. Екатеринбург, 2008. С. 100–112.
17. Запарий В.В. Инновационные процессы в металлургии Урала в военные годы (1941–1945) / В.В.Запарий // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 1 (86). С. 43–56.
18. Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. 382 с.
19. Наука Урала. 2005. № 13. С. 8.
20. НА УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43.
21. НА УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44.
22. НА УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55.
23. НА УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56.

24. НА УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 531а.
25. Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. Документы и материалы. 1932–2002. Екатеринбург: УрО РАН, 2002 454 с.
26. Сперанский А.В. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Екатеринбург, 1997. 50 с.
27. Сперанский А.В. На войне как на войне... Свердловская область в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е, дополн., перераб. Екатеринбург: Сократ, 2015. 408 с.
28. Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. 1946. М., 1946.
29. Урал в панораме XX века / под ред. В.В.Алексеева. Екатеринбург: СВ-96, 2000. 496 с.
30. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 588.
31. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 680.
32. ЦДООСО. Ф. 413. Оп. 2. Д. 23.
33. Черешнев В.А. Наука Урала: все для фронта, все для победы // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. № 11. С. 984–993.

Andrey V. Speransky
Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: avsperansky@mail.ru

ACADEMIC SCIENCE – FOR THE FRONTLINE. THE WORK OF SCIENTISTS OF THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper analyses development of academic science in the Urals during the Great Patriotic war. The paper shows process of its transition from the stage of formation reached in the pre-war period to the stage of final formation, which made it possible to implement innovative discoveries and move forward scientific and technical progress. The paper pays special attention to the creative interaction of central management structures, institutes and laboratories of Academy of Sciences of the USSR, evacuated to the Urals, with local scientific organizations. The paper also analyses issues of solving everyday problems, training and placement of scientific personnel, and describes material and technical support of research works, scientific results and their practical use. The paper concludes that Ural scientists coped with the requirements of wartime, successfully solving many issues of defence, and finally ensured promotion of Ural academic science to a new qualitative level.

Keywords: Great Patriotic war, the Urals, Academy of Sciences, scientists, branch, science, scientific discovery, state defence task, production.

РАСПАД СССР: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ*

Распад Советского Союза Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин назвал крупнейшей геополитической катастрофой XX века [8]. Это действительно так. Гибель Советского государства наступила в результате действия необратимых процессов системной дезинтеграции в народном хозяйстве, в общественно-политической сфере, в социальной структуре. Эти процессы медленно, но верно подтачивали фундамент «первого в мире государства рабочих и крестьян», а обрушение его несущих конструкций произошло как всегда «вдруг», то есть неожиданно и стремительно.

8 декабря 1991 г. лидеры трех славянских республик СССР приняли решение о выходе из состава СССР и образовании Содружества независимых государств. 21 декабря 1991 г. была подписана «Алма-атинская декларация», присоединившая к СНГ еще 8 республик и окончательно разрушившая Советский Союз. 25 декабря 1991 г. первый и последний президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев, оставшись без каких-либо рычагов управления страной, в телевизионном выступлении вынужден был подать в отставку по «принципиальным соображениям».

Вечером этого же дня над Кремлем был спущен флаг Советского Союза. Причем этот акт был показан в прямой трансляции по Центральному телевидению. И все население страны могло воочию наблюдать исторический факт кончины великого государства, существовавшего 69 лет. 26 декабря 1991 г. произошел последний акт трагедии. Самораспустился Верховный Совет СССР. Последний, еще формально действовавший, после провала ГКЧП, союзный орган управления. В результате не стало супер-державы, обладавшей 2-й экономикой в мире, не стало биполярной системы мирового развития, было нарушено равновесие сил на международной арене, обеспечивавшее стабильность ее функционирования.

Причин распада СССР очень много. Они имеют как внутреннее, так и международное содержание, носят экономический, политический и идеологический характер. Чтобы объяснить каждую из них, вскрыть ее сущность требуется не одно монографическое научное исследование. Поэтому в данной статье главное внимание акцентируется лишь на последних попытках спасти разрушавшуюся державу в рамках сохранения социалистической экономики и обстоятельствах, приведших к их неудаче.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. наша страна вступила в полосу острейшего кризиса, поразившего все главные области функционирования советского государства. В основе возникшей критической ситуации лежало замедление темпов производственного роста, снижение жизненного уровня трудящихся масс и, как следствие этого, резкое падение в народном сознании авторитета марксистско-ленинской идеологии.

Кризис возник не вдруг. Его всполохи то тут, то там мелькали в разные периоды советской истории. Однако наиболее явственно «уши» системного кризиса проявились в конце 1960-х – начале 1970-х годов, когда провалилась либеральная экономической реформа, предпринятая в стране по инициативе председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина.

Так называемая «широкая» экономическая реформа Косыгина должна была обеспечить движение экономики СССР по двум основным направлениям. Первое предполагало введение на предприятиях хозрасчета, предоставлявшего им самостоятельность управления, планирования, производства и даже доведения продукции до потребителя. При этом полученная прибыль могла использоваться при жилищном строительстве, возведении объектов социального назначения, увеличения зарплаты, расширения премиального фонда и т.п. То есть, за счет расширения общественных фондов потребления предприятия получали возможность материально стимулировать труд своих работников и тем самым влиять на увеличение количества и повышение качества результатов их труда. Второе направление ос-

* Статья была впервые опубликована: Историческая наука и историческое образование в условиях глобальных трансформаций: XXV Всероссийские с международным участием историко-педагогические чтения / Уральский государственный педагогический университет; главный редактор Г.А.Кругликова. – Электрон. дан. – Екатеринбург: [б. и.], 2021. – 1 CD-ROM. – Текст: электронный. С. 313–320.

новывалось на производственной интенсификации, предполагавшей реконструкцию предприятий, повышение квалификационного уровня трудящихся, улучшение функционирования управленческих звеньев [9, с. 21].

В начале хозрасчет и интенсификация оправдывали себя. Прирост национального дохода СССР за период выполнения 8-го пятилетнего плана (1966–1970 гг.) составил 41%, что в значительной мере превосходило итоговые показатели предыдущих пятилеток. Однако затем «что-то пошло не так». Темпы прироста национального дохода заметно снизились. Причин этому было предостаточно, но главная заключалась в ожесточенном сопротивлении либеральным реформам партийно-бюрократического аппарата управления.

Дело в том, что совершенствование системы управления предполагало ликвидацию лишних звеньев. Каждое из них представляло собой высокие должности, ответственные посты и связанные с ними номенклатурные привилегии (высокий уровень зарплат, персональные автомобили, закрытые источники снабжения и т.п.). Терять все эти блага социалистической экономики в планы попадавших под сокращение руководителей не входило. А хозрасчет и интенсификация производства ослабляли монополию на власть партийно-государственной номенклатуры, что естественно вызывало яростное противодействие, выливавшееся в блокирование неугодных ей экономических преобразований.

Не желавшую расставаться с номенклатурными привилегиями партократию одолеть «кавалерийским наскоком» было невозможно. Опираясь на поддержку как «снизу», так и «сверху», она уверенно противостояла либеральным инновациям. Недовольство «косыгинскими преобразованиями» высказывал и рабочий класс. Поставленный в условия реконструкции и необходимости совершенствования трудовых навыков, гегемон имел значительные материальные потери, что вызывало протестную реакцию и нежелание менять годами отлаженную систему труда.

Ревностное чувство к авторитету А.Н.Косыгина, завоеванному еще в период правления И.В.Сталина, испытывал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев. Не желая укрепления позиций своего визави, Леонид Ильич к тому же не понимал его экономические инновации, считал их уступками «частнособственнической психологии» и по мере возможности старался ограничить сферу практического применения идей «кремлевского умника» [9, с. 13.; 3, с. 365.].

Увы, под давлением обстоятельств А.Н.Косыгин не сумел решительно бороться за свои экономические принципы и вынужден был пойти на компромисс с консервативной номенклатурой. Острые дискуссии и конфликтные ситуации, связанные с перспективой продолжения либеральных преобразований, часто возникавшие в Совмине, Косыгин обычно сворачивал со словами: «Не будем спорить, товарищи! Надо посоветоваться с Леонидом Ильичом». Эти советы с Брежневым очень дорого обошлись как всей стране, так и лично самому реформатору. В конечном итоге, либеральные преобразования были свернуты, а их инициатор лишился поста главы Правительства [1].

В результате провала «косыгинских реформ» в СССР сохранились экстенсивный путь развития экономики, командно-административные методы управления, плановое народное хозяйство. Потеря материального стимула привела экономику страны к интенсификации процесса деградации, грозящего ее полному разрушению. Как отмечают современные экономисты, вторая половина 1970-х годов отличалась предкризисным состоянием советской экономики, 1980-е годы – характеризовались всеобъемлющим кризисом, перешедшим в состояние экономического хаоса, а начало 1990-х – было отмечено экономической катастрофой, предрешившей судьбу «супердержавы».

Падение прироста национального дохода Советского Союза за последние четыре пятилетки наглядно показывает безвыходность создавшегося положения. Результаты 8-й пятилетки (1966–1970 гг.) демонстрируют 41% прироста; 9-й (1971–1975 гг.) – 27%; 10-й (1976–1980 гг.) – 21%; 11-й (1981–1985 гг.) – 17%. То есть за указанный период национальный доход СССР уменьшился в 2 раза!

Экономический кризис нарастал, углублялся и с неумолимой последовательностью проникал во все сферы народного хозяйства, даже в самое сердце советской индустрии – военно-промышленный комплекс. Однако правящая советская элита была не в состоянии что-либо изменить. Средний возраст советских руководителей к началу 1980-х годов составил 70 лет, что исчерпывающе характеризует их потенциальные возможности и способности. Сущность сложившейся в стране геронтократии заключалась в консерватизме мышления и инертности практической деятельности. Эта одряхлевшая власть уже не стремилась к коренным преобразованиям и доживала последние годы своего правления [4].

Состарившиеся коммунистические вожди пытались стабилизировать ситуацию, предотвратить полный развал экономики. Однако делали это отжившими командно-административными методами, что естественно не давало необходимых результатов. Классическим примером подобного рода действий являются попытки наведения порядка в стране, предпринятые Ю.В.Андроповым. Сменивший у руля государственного управления, скончавшегося 10 ноября 1982 года Л.И.Брежнева, новый Генеральный секретарь ЦК КПСС первый из советских лидеров смело заявил о имеющихся негативных явлениях в советской экономике.

Эти сентенции сначала прозвучали в речи на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г., а затем были теоретически обоснованы в статье «Учение Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», размещенной в

1983 году в журнале «Коммунист», а затем опубликованной в виде отдельной брошюры [2].

Анализируя экономическую ситуацию, возникшую в Советском Союзе в начале 1980-х гг., Ю.В.Андропов пытался выявить совершенные просчеты и определить реальный выход из создавшегося положения. Основную причину имевших место в советской экономике негативных явлений он видел в нарушениях трудовой дисциплины, поэтому стремился «закрутить гайки» при помощи командно-административных мер. По указанию вождя ноябрьским Пленумом ЦК КПСС 1982 года были приняты жесткие решения, а затем на их основании развернулась активная кампания по наведению порядка в стране. Государственная жесткость применялась по отношению к виновникам простоев, прогулов, опозданий, людям, уличенным в пьянстве на производстве. Нарушивших производственную трудовую дисциплину переводили на менее оплачиваемую должность, лишали дефицитных социальных благ, даже увольняли с работы.

В стране создавались специальные комиссии, контролирующие соблюдение режима работы на предприятиях, специальные бригады, получившие в истории название «андроповских бригад». Они задерживали людей, находящихся в дневные часы на улице, в магазинах, кинотеатрах, выявляли причины их отсутствия на рабочем месте, составляли протоколы и «черные списки», отправлявшиеся на предприятия для наказания нерадивых работников.

Однако жесткий командно-административный контроль, установленный андроповским режимом, несмотря на усиление административного прессинга, не мог кардинально изменить экономическую ситуацию. «Реформы» Андропова не давали трудящимся главного – материального стимула, заставлявшего без какого-либо принуждения повышать производительность труда и улучшать качество, выпускаемой продукции. То есть, имея поверхностный характер, они не устраняли главные препоны, мешавшие позитивному развитию советской экономики: директивную систему управления, плановость и экстенсивность производственных процессов. К тому же, как не раз случалась в отечественной истории, преобразования замыкались на конкретном историческом персонаже, двигались на основе его личных амбиций, стремлений и убеждений. Поэтому смерть Ю.В.Андропова самым непосредственным образом отразилась на отказе нового руководства страны от интенсивного использования административного ресурса при реформировании экономики [6;7].

В результате плановые показатели 11-й пятилетки не были достигнуты. Прирост национального дохода составил 17%, вместо запланированных двадцати. Не дотянули до плановых цифр ведущие отрасли советской индустрии: металлургия, машиностроение, химическая промышленность. Руководители предприятий, ориентируясь на требуемый с них по плану валовый продукт, продолжали игнорировать контроль за качеством производимого продукта, усугубляя проблему качественного выпуска товарной массы и способствуя формированию удивительного феномена социалистической экономики, когда при видимом ее изобилии сохранялся тотальный потребительский дефицит.

В результате господствующая в СССР социалистическая система подвергалась тройному удару одновременно. Первый – экономический. Его сущность заключалась в огромных государственных затратах на производство товарной массы. Деньги тратились на добычу сырья, изготовление продукции, ее складирование и функционирование магазинов. При этом уровень продаж был крайне низок из-за плохого качества товаров, что приводило к нерентабельности большинства советских предприятий, продолжавших свое существование только за счет государственных дотаций. К началу 1980-х гг. страна накопила не качественного, а значит никому не нужного товара на 60 миллиардов рублей.

Второй удар по системе носил социальный характер. Как следствие тотального дефицита качественных товаров, в стране объективно сложился «черный» рынок, обеспечивавший граждан импортной продукцией по спекулятивным ценам, активно действовала целая сеть подпольных цехов, производившая «имитацию» изделий «брендовых» западных фирм. При этом «цеховики» умело обходили действующие тогда законы, успешно избегали контактов с контрольно-карательными органами. «Теневая» экономика давала не менее 25% от всей выпускаемой в СССР потребительской продукции [5].

Очень опасным был и третий удар – идеологический. В обществе утверждалось мнение, что любой западный товар значительно качественнее отечественного, а значит формировалась твердая уверенность в отсталости и бесперспективности социализма, безнадежно проигрывавшего западным социально-экономическим и общественно-политическим моделям. К сожалению, эти мысли, подтверждавшиеся реалиями жизни, становились убеждением, которое было невозможно разрушить никаким идеологическим воздействием.

Системный кризис социалистической государственной модели зиждился и на объективных моментах, отрицательно воздействовавших на экономику. Уже в 1970-е гг. Советский Союз вступил в полосу затяжного демографического кризиса, приведшего к тому, что за период 9-й–11-й пятилеток разница между тружениками, приходившими на производство и уходившими на пенсию, в среднем составляла 8 млн человек. В условиях экстенсивного развития экономики это была крайне опасная тенденция, негативно влиявшая на производственный процесс.

Советская экономика испытывала и «сырьевой голод». К середине 1970-х гг. сырьевые источники, открытые и активно используемые с времен первых пятилеток, были практически исчерпаны. Индустриальные гиганты, построенные рядом с ними, оказались в крайне

тяжелом положении, требующем смены старой промышленной политики. Необходимо было искать и разрабатывать новые месторождения, транспортировать вновь найденные полезные ископаемые на значительные расстояния. Это привело к тройному удорожанию сырья и нарушило ритмичность производственных процессов.

Важную роль в «пробуксовке» экономики СССР сыграла «холодная» война с Западом, вступившая в новую фазу всеобъемлющего противостояния в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Участвуя в изматывающей гонке вооружений, советская супердержава только по официальным данным вынуждена была тратить на военные нужды не менее 17–18% государственного бюджета. С учетом же скрытого или полускрытого в мирных отраслях военного производства, эта цифра приближалась к 50% [4].

Итак, попытка Ю.В.Андропова при помощи директивных методов вытащить социалистическую экономику из ямы глубочайшего кризиса не увенчалась успехом. Но он первый из коммунистических вождей, пусть и не осознавая до конца весь трагизм ситуации, публично заявил об этом, что заставило новое руководство Советского Союза, пришедшее к власти весной 1985 года, продолжить реформирование.

Горбачевская «перестройка», базирующаяся на идее социально-экономического ускорения, была поддержана обществом. Но ускорение не состоялось, так как сдерживалось командно-административными методами управления, жесткой плановой системой хозяйствования и недостатком финансовых средств. Из-за падения стоимости нефти на международном рынке, из-за непродуманной антиалкогольной компании, из-за, как всегда, не вовремя случившихся, техно-природных катастроф произошел обвал государственного бюджета.

Все дальнейшие попытки преодолеть системный кризис на основе реализации радикальной экономической реформы и выполнения программы «чрезвычайных мер» были уже явным отходом от методов социалистической экономики. Они окончательно добили экономическую систему социализма и, оставшись без экономического фундамента, Союз Советских Социалистических Республик неизбежно рухнул, похоронив под своими обломками коммунистическую перспективу развития человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андриянов В.И. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2003. 368 с.
2. Андропов Ю.В. Учение Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М.: Политиздат, 1983. 31 с.
3. Антонов М.Ф. Капитализму в России не бывать! Выход есть! М.: Эксмо, 2005. 669 с.
4. Боффа Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964–1994. М.: Международные отношения, 1996. 320 с.
5. Кенни Т., Киран Р. Продавшие социализм: Теневая экономика в СССР. М.: Эксмо, 2009. 304 с.
6. Млечин М.Л. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: Центрполиграф, 2008. 511 с.
7. Медведев Р.А. Андропов. М.: Молодая гвардия, 2006. 434 с.
8. Послание Федеральному собранию Российской Федерации. Текст выступления Президента РФ Владимира Путина перед депутатами Федерального Собрания в Кремле 25 апреля 2005 года // Российская газета. 2005. 26 апреля.
9. Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: КНОРУС, 2017. 352 с.

Andrey V. Speransky
Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: avsperansky@mail.ru

THE COLLAPSE OF THE USSR: ECONOMIC ASPECT OF A GEOPOLITICAL CATASTROPHE

The paper describes irreversible processes that led to the collapse of the USSR. The focus is on analysis of the economic crisis of the socialist system. The paper shows attempts of the Party and state leadership of the country to overcome crisis in the Soviet economy. The paper also reveals reasons for failures in solving these tasks. The paper concludes that liberalization of economic relations was not compatible with the socialist foundation of economy, based on command-administrative methods of management, so it could not contribute to its strengthening, but rather accelerated the process of its destruction.

Keywords: Soviet Union (USSR), systemic crisis, economic reform, cost accounting, intensification, partocracy, planned system, extensiveness of development, directive method, disintegration.

УРАЛ В ВОЙНАХ РОССИИ XVIII – XX ВВ.: СИЛА ОРУЖИЯ И ДОБЛЕСТЬ ВОИНОВ*

Святая Русь, Великая Россия в яростных столкновениях с врагами всегда опиралась на свои регионы, черпая в них могучую силу непобедимых полков и всесокрушающую мощь смертоносного оружия. Уральский край неоднократно становился тем остовом, на который опиралась Россия, вступая в смертельную схватку с грозным противником в годину суровых испытаний.

В период славных дел, «…когда Россия молодая, в бореньях силы напрягая, мужала с гением Петра…», Урал стал важнейшей опорой в создании горнозаводской промышленности молодой державы. Невьянский, Каменский, Верхнекамский, Алапаевский, Уктусский заводы, построенные в «рудном крае» в годы Северной войны, обеспечивали новую армию русского царя огнестрельным и холодным оружием, в его ожесточенном противостоянии со шведами.

Предпринимательская инициатива Никиты Демидовича Антуфьева и его сына Акинфия Никитича Демидова позволила быстро развернуть на Урале частновладельческие мануфактуры. Благодаря героям Северной войны капитану Василию Никитичу Татищеву, принимавшему участие в Полтавской битве, и полковнику Вильгельму Георгу де Геннину, участвовавшему во взятии Выборга, Кексгольма, в сражении при Гангуте, начали активно действовать казенные заводы, и установилась «горная власть». [4, с. 22–24]

За годы Северной войны 1700–1721 гг. Урал произвел свыше тысячи пушек, мортир, гаубиц, а также более 1 миллиона штук (около 180 тысяч пудов) снарядов – ядер, бомб, гранат, картечи. Все это было использовано Петром I в борьбе с

* Статья была впервые опубликована: «Уральцы бьются здорово…»: вклад Урала в военную мощь России. 13-е Уральские военно-исторические чтения, посвященные 80-летию победы под Сталинградом и 210-летию победы в Бородинском сражении. Сборник научных статей. Екатеринбург: Сократ, 2022. С. 14–24.

одной из лучших европейских армий, способствовало заключению победного Ништадтского мира со Швецией и широко распахнуло для России «окно в Европу». [11, с. 126]

Не остался в стороне Уральский регион и в лихую пору наполеоновского нашествия. Вновь, как и в прежние времена, заводы Урала стали важнейшими поставщиками вооружений для русской армии. Пушки, ружья, холодное оружие, произведенные уральскими мастерами, высоко ценились солдатами и офицерами. За период военных действий против Бонапарта только Каменский и Верхнетуринский заводы отлили около 2 тысяч орудий. В 1812–1814 гг. значительную роль в снабжении русской армии оружием сыграл Ижевский завод. Он произвел около 24 тысяч ружей и более 8,5 тысяч тесаков.

Важно отметить, что вторжение французов в пределы России вызвало небывалый патриотический подъем среди населения страны. Урал активно участвовал во всех начинаниях, связанных с поддержкой воюющей армии. В частности, в крае был организован сбор средств для военнослужащих и пострадавших от войны. Безвозмездное выполнение нарядов осуществлялось на заводах Александра и Сергея Яковлевых. Никита Демидов подарил армии около 8 тысяч пудов разных военных снарядов. [4, с. 55, 63]

Если в Северной войне Урал в основном вооружал бьющиеся с неприятелем воинские подразделения, то в период «грозы 1812 года», край сам направил в действующую армию, сформированные на земле «каменного пояса» полки. Яркую страницу в летопись наполеоновских войн вписал славный Екатеринбургский пехотный полк. Под руководством шефа полка грузинского князя, генерал-майора И.С.Гурьялова и командира полка майора В.И.Богдановича уральцы приняли участие во многих жарких баталиях, в том числе в знаменитом Бородинском сражении и «битве народов» под Лейпцигом. Дойдя до самого Парижа и побывав на Монмартре, екатеринбуржцы, овеянные славой, возвратились домой. [4, с. 37–39; 41, 42]

В войнах 1812–1814 гг. участвовало немало и других воинских подразделений, носивших имена уральских городов. Пермский, Вятский, Уфимский пехотные полки, Оренбургский драгунский полк отчаянно дрались с неприятелем как на родной земле, так и на территории Европы. Лихо атаковали наполеоновских «басурман» полки Оренбургского и Уральского казачьих войск. Подлинный ужас наводило на врага Башкиро-мещерякское войско. В мохнатых шапках или металлических шлемах, в разноцветных одеждах и кольчугах «северные амуры», как называли их французы из-за имевшихся на вооружении луков, сеяли панику среди даже самых отборных войск Наполеона. [6; 8]

Войны второй половины XIX и начала XX веков были не столь успешны для России. Урал вместе со всей страной вынужден был пережить неудачи в Крымской и Русско-японской войнах, поражения Первой мировой войны и трагедию Гражданской войны.

Крымская война 1853–1856 гг., начатая Россией против Турции с целью установления контроля над черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы, обеспечивавшего в случае успеха свободный выход из Черного в Средиземное море и усиление русского влияния в центре Европы, после ряда блестящих побед обернулась серьезными неудачами и итоговым тяжелым поражением. Европейские державы, не желавшие усиления «русского медведя», поддержали Османскую империю. Англия и Франция прямым военным вторжением в Крым, Австрия и Пруссия – угрозами осуществления агрессии.

В результате, согласно условиям Парижского мира, потеряв ряд собственных территорий, Россия лишалась права иметь военный флот и укрепления на Черном море, отказывалась от притязаний на Балканский полуостров и идеи создания там дружеских православных государств. Под вопрос ставилась и возможность быстрого завершения покорения Кавказа. Поражение Российской империи в Крымской войне подорвало престиж страны и значительно ослабило ее влияние на международной арене.

Одной из главных причин поражения было отсутствие железных дорог, связывающих российскую глубинку с южными районами страны, что затрудняло переброску необходимого вооружения и войск на театр военных действий. Однако, несмотря на это, Уральский регион все же оказывал посильную помощь русской армии, воюющей с англо-франко-турецкими войсками в далеком Крыму. В полную мощь работал Ижевский оружейный завод, производивший до 20 тысяч капсюльных ружей и пистолетов в год. В 1854 г. на Урале приступили к строительству нового завода, получившего название Николаевский, в честь правившего императора. Предполагалось, что он будет снабжать оружейное производство ствольным металлом и ежегодно производить до 50 тысяч нарезных ружей.

К сожалению, выпуск нарезных ружей уральцы наладили только в 1857 г. Поэтому в ходе боевых действий русская армия значительно уступала противнику, вооруженному новым стрелковым оружием. Меткость и дальность стрельбы англо-французских штуцеров была намного выше русских гладкоствольных ружей. Это приводило к большим потерям личного состава в русской армии, что в конечном итоге обусловило неудачный исход всей военной кампании. [5, с. 219–225]

Все тяготы и неудобства войны в полной мере сказались и на участвовавших в ней уральских воинских подразделениях. Екатеринбургский пехотный полк, сражавшийся в составе 10-й дивизии, у четвертого бастиона обороны Севастополя нес серьезные потери. В одной из контратак екатеринбуржцы, выбив с Инкерманских высот англичан, потеряли при этом 1068 солдат из 3298 личного состава. К весне 1855 г. в ротах полка оставалось по 30–35 человек, вместо 200 положенных по штату.

В августе 1855 г. полк отступил на Северную сторону Севастополя, а в апреле 1856 г. после подписания мира ушел из Севастополя в Польшу и был расквартирован в городе Лодзь.

Кроме Екатеринбургского пехотного полка в Крымской войне участвовали оренбургские гарнизонные батальоны, сводный полк № 2 Оренбургского казачьего войска, 2 полка из Уральского казачьего войска и другие воинские подразделения. У берегов Балтийского моря несли сторожевую службу Башкирские полки № 1 и № 3. [4, с. 77, 78]

Противоречивые впечатления оставила о себе война с Японией 1904–1905 гг. Уральский край, как всегда, напрягал свои силы по обеспечению действующей армии необходимым вооружением и боеприпасами. Более 500 единиц 76-мм («трехдюймовых») скорострельных полевых пушек и большое количество трехдюймовой шрапнели выпустил за годы войны Пермский (Мотовилихинский) пушечный завод. Около 140 тысяч знаменитых винтовок Мосина произвел в 1905 г. Ижевский оружейный завод. Сабельные клинки, шашки, кинжалы выпускала Златоустовская оружейная фабрика, увеличив при этом в 3 раза и производство снарядов. [3, с. 434–437]

Сформированные на Урале воинские части (Оренбургская казачья дивизия, 214-й Мокшанский, 282-й Черниговский, 139-й Моршанский, 219-й Юхновский, 220-й Епифановский пехотные полки и другие воинские подразделения) принимали участие во всех крупных сражениях русско-японской войны. Уральцы бесстрашно бились на бастионах Порт-Артура, сражались под Вафангоу, Ташичао, Ляояном, Мукденом, на реке Шахе, в морских сражениях на крейсере «Варяг», при Цусиме. [4, с. 121]

Однако и героизм воинов, и самоотверженность оружейников были нивелированы бездарностью царского руководства и военного командования, приведшим в конечном итоге к жестокому поражению. Горечь бессмысленных потерь, непонимание солдат, за что они гибнут в чужой и далекой для них стране, нашли отражение в уральском народном фольклоре и в литературных произведениях. Но особенно ярко драматизм и трагизм военных событий подчеркнул щемящий душу вальс «На сопках Маньчжурии», написанный И.А.Шатровым, капельмейстером 214-го Мокшанского пехотного полка, прибывшего на театр военных действий с Урала. [1]

Страшной трагедией для всего человечества стала Первая мировая война. Вызванная острым соперничеством между великими державами за передел мира, она втянула в свою зловещую орбиту 33 страны, где проживало свыше 1,5 миллиардов человек. Боевые действия, развернувшиеся на территории Европы, Азии и Африки, общей площадью в 4 миллиона квадратных километров, с активным применением новых вооружений – автоматического стрелкового оружия, авиации, танков, подводных лодок, химических средств поражения – привели к невиданным доселе людским потерям. В среднем, на фронтах Первой мировой ежедневно убивалось солдат и офицеров в 45 раз больше, чем в годы Крымской войны, в 23 раза больше, чем в период русско-японской войны. Общие людские потери составили 10 миллионов человек. 20 миллионов человек получили ранения. В 1914–1918 гг. произошло абсолютное сокращение рождаемости, составившее 21 млн не родившихся жителей нашей планеты. [4, с. 136]

Развязанная в интересах правящих классов мировая бойня русскому народу была не нужна. Тем не менее, он в очередной раз оказался в самом пекле грозных событий. Все регионы Российской империи, став заложниками непродуманной политики властей, были вынуждены выполнять свой гражданский долг под надуманными лозунгами «войны до победного конца» и «военного оборончества».

Урал вновь сыграл одну из ведущих ролей в мобилизации сил и средств государства для успешного ведения боевых операций на фронте. Все крупные казенные заводы региона стали наращивать выпуск военной продукции. Так, Мотовилихинский завод изготовил в 1914–1917 гг. более 3 тысяч орудий разных калибров и модификаций. Около 1,5 млн винтовок, 200 тыс. пулеметов произвел Ижевский оружейный завод. Более 1 млн штук холодного оружия (шашек, клинков, тесаков, кинжалов), 4,4 млн штук шанцевого инструмента сделали рабочие Златоустовского завода. В годы войны уральские казенные заводы (Саткинский, Кусинский, Верхнетуринский, Баранчинский, Воткинский) выпустили 5,2 млн артиллерийских снарядов.

К выпуску военной продукции были привлечены и все уральские частновладельческие заводы, наладившие производство касок, щитков, котелков, фляжек, шанцевого инструмента, колючей проволоки, подков, полевых кухонь, военных повозок и т.п. Особое значение имело производство снарядов. В дополнение к 8 действующим уральским казенным снарядным заводам, в 1916–1917 гг. добавились еще 8 частновладельческих, выпустивших за этот период около миллиона снарядов. [3, с. 437–444]

Значительно усилила военно-промышленный потенциал региона эвакуация из Прибалтики и Петрограда целого ряда военных, механических и машиностроительных заводов. В результате уральская промышленность стала одним из ведущих поставщиков вооружений для российской армии. Ее доля в военном производстве России за годы войны увеличилась с 15 до 30%.

Урал поддержал русскую армию и своими славными воинскими подразделениями. С начала войны до февраля 1917 г. в регионе было подготовлено и отправлено на фронт свыше 700 тысяч солдат. В начале 1917 г. в крае дислоцировалось 25 запасных пехотных полков, 8 ополченских дружин и 1660 команд военных заведений и учреждений.

Воинские части, сформированные на Урале, отлично зарекомендовали себя в сражениях Первой мировой войны. В Восточно-Прусской операции участвовали 2-й

Оренбургский казачий полк, Отдельный Оренбургский казачий дивизион и 2-я сотня лейб-гвардии Сводного казачьего полка. В Галицийской операции 1914 г. отличился 195-й Оровайский пехотный полк. В сражениях также участвовали девять Оренбургских казачьих полков, две Оренбургские казачьи батареи и другие воинские подразделения. [4, с. 152, 159]

Для России, воевавшей на стороне Антанты, последствия этой войны стали поистине роковыми. Разразившийся в стране общенациональный кризис стал катализатором революционного взрыва, приведшего к свержению монархии, обострению борьбы за власть, братоубийственному гражданскому противостоянию.

Гражданская война 1918–1922 гг. занимает особое место в истории войн, пережитых седым Уралом. Впервые военные действия развернулись непосредственно на уральской земле. Особенностью этих сражений было и то, что война шла не против иноземного завоевателя, покусившегося на богатства «каменного пояса», а против своих же граждан, иначе представлявших перспективы развития России после падения монархии. В период с ноября 1918 г. до конца июля 1919 г. на территории региона в братоубийственной схватке столкнулись представители красного и белого движений, вовлекая в нее как местное население, так и иностранцев, волей судьбы оказавшихся в самой гуще событий. Сначала пламя Гражданской войны полыхнуло в Оренбуржье, где попытка большевиков вооруженным путем взять власть натолкнулась на отчаянное сопротивление казачества. Затем возникло восстание Чехословацкого корпуса, давшее мощный толчок для антибольшевистских выступлений по всему Уралу.

В результате край более чем на год стал ареной крупномасштабных военных действий. Именно здесь летом-осенью 1918 г. и весной-летом 1919 г. был апогей Гражданской войны, именно здесь решалась судьба России. Как в калейдоскопе, менялись правительства, претендовавшие на верховную власть, менялась тактика военных действий, менялись вожди, бравшие на себя ответственность за судьбу России. Не менялось лишь основа гражданского противостояния – тотальный взаимный террор враждующих сторон. «Война всех против всех» разрушила производительные силы региона, привела в смятение мысли и чувства людей, заставила их в яростном ослеплении уничтожать друг друга.

В этой войне не было победителей. Обе стороны потерпели поражение, оставив результатом своей кровавой междоусобицы трагедию утверждения насилия как основы властного управления и драму общественного раскола, не преодоленного до настоящего времени. Братоубийственная война не может выдвинуть и всенародно любимых героев, так как в истории человечества победы над соплеменниками и массовое убийство родственников еще никогда и никому не приносили подлинной славы. Поэтому и героизация в советское время красных командиров В.К.Блюхера, В.И.Чапаева, Р.И.Берзина, В.М.Азина, и современная апологетика белых полководцев А.В.Колчака, В.О.Каппеля, А.И.Дутова, М.В.Ханжина определялись и определяются идеологической и политической конъюнктурой, а не искренними чувствами народа [7].

Совсем другое дело – Великая Отечественная война. Великая Победа над фашизмом имеет всемирно-историческое значение, так как, заплатив страшную жертву в 27 млн жизней, Советская держава спасла от «коричневой чумы» не только себя, но и весь цивилизованный мир. Война была не только страшной трагедией, но и блистательной победой нашего государства, военного искусства, экономики, науки, культуры. Эта победа усилила процесс внутренней консолидации Советского Союза, позволила ему создать крепкий блок союзных государств, укрепила его влияние на международной арене. Наша страна превратилась в «супердержаву» с мощной экономикой, что обуславливало уважительное отношение к ней со стороны мирового сообщества и чувство гордости со стороны собственного народа. Все это в совокупности обеспечивало национальную безопасность нашего государства, гарантировало нам возможность мирного созидательного труда на долгие годы.

Говоря о Великой Победе, отметим, что она была достигнута колоссальным напряжением сил всех регионов страны. Однако именно Урал стал «опорным краем» СССР и «становым хребтом» его обороны. В результате «великого переселения на Восток», регион стал важнейшим звеном формирования оборонно-индустриального комплекса, не имевшего аналогов в мировой истории. К концу 1942 г. на его территории было размещено более 830 предприятий и более 2 млн эвакуированных.

На предприятиях Урала трудилась 1/5 всех промышленных рабочих страны, обеспечивших превышение довоенного уровня выпуска оборонной промышленности в 6 раз, что в целом составило около 40% всей военной продукции, выпускавшейся в стране. Промышленность Урала производила 2/3 советских танков, что превысило все немецкое производство этого вида вооружений. На уральских заводах делались все тяжелые и средние самоходные артиллерийские установки, 3/4 стрелкового оружия, не менее 50% артиллерийских систем и боеприпасов.

В годы войны Урал стал и настоящей кузницей боевых резервов. Здесь было сформировано более 500 воинских частей и соединений. В их составе на фронт ушло более 2 млн уральцев, из которых 600 тыс. сложили головы на поле брани. Особенно отличились бойцы Уральского добровольческого танкового корпуса. Начав боевой путь на Курской дуге, они с боями прошли по дорогам Украины и Польши и закончили войну на улицах поверженного Берлина и освобожденной Праги. 38 добровольцев-танкистов стали Героями Советского Союза.

Всего за годы войны этой выс-

шей наградой Родины были отмечены более 1 тыс. чел., воевавших в частях и соединениях, сформированных Уральским военным округом. Уральская земля дала и крупных военачальников, прославившихся громкими победами в годы Великой Отечественной войны. Среди них маршал авиации Ф.Я.Фалалеев, вице-адмирал Ф.С.Седельников, генералы Ф.И.Голиков, М.С.Шумилов, А.И.Родимцев и другие. [2; 9]

С момента окончания Великой Отечественной войны вплоть до наших дней Урал продолжал быть и остается мировой кузницей по изготовлению оружия и признанным центром по подготовке профессиональных военных кадров.

Уральские оборонные заводы оснащали и оснащают армию первоклассным стрелковым оружием, высокоэффективной бронетехникой и мощной артиллерией. Технические инновации М.Т.Калашникова значительно подняли планку конструкторской мысли в области стрелкового дела и принесли созданному ими оружию всемирную славу. Танки, сделанные на нижнетагильском Уралвагонзаводе, прекрасно проявили себя в различных локальных конфликтах второй половины XX в., успешно конкурируя с лучшими западными образцами. Настоящими символами уральской «оборонки» и мощнейшим фактором сдерживания потенциального агрессора стали произведенные уральской «оборонкой» реактивные системы залпового огня и ракетно-зенитные комплексы.

Во второй половине XX в., на основе масштабных научных открытий, в Уральском регионе сформировался целый научно-производственный ракетно-ядерный комплекс, аналогов которому не знала мировая история. Здесь были построены комбинаты по производству расщепляющихся материалов, наладились производство и сборка серийных ядерных боеприпасов. Под руководством выдающихся конструкторов В.П.Макеева, Н.А.Семихатова, Л.В.Люльева были разработаны разнообразные типы ракет, различного базирования, способные прорвать оборону и поразить неприятеля на любом расстоянии.

Второе пятидесятилетие «космического столетия» избежало мировых войн, но это отнюдь не означало глобального перемирия. Напротив, противоборство усилилось и приобрело характер системного противостояния. Возникла «холодная война» между лидером мировой системы капитализма Соединенными Штатами Америки и лидером мировой системы социализма Советским Союзом. Конфронтация явственно проявлялась во всех сферах человеческой жизнедеятельности: экономике, политике, идеологии, культуре, спорте. Порой напряжение достигало кульминационного предела и выплескивалось в локальный военный конфликт. Как правило, возникшая в какой-либо точке земного шара война велась второстепенными государствами, но мировые лидеры зорко следили за боевыми действиями и косвенно участвовали в них, поставляя соперникам вооружение и военных специалистов. Советское и американское оружие воевало друг с другом в руках солдат третьих стран, в локальных рамках «горячих точек» апробировались и новые военные доктрины, разрабатываемые в Москве и Вашингтоне. Так было во время корейской, вьетнамской войны, в арабо-израильских столкновениях, ирано-иракском конфликте и других местах международной напряженности. [10]

Урал очень ограниченно участвовал в этих конфликтах, поставляя в «горячие точки» небольшие партии вооружений и отдельных военных специалистов. Исключением стала только афганская война 1979–1989 гг., неоправданно широко втянувшая СССР в местную междоусобицу. Для поддержания лояльного к себе политического режима советские руководители ввели в Афганистан Ограниченный контингент советских войск (ОКСВ), принявший участие в широкомасштабных боевых действиях.

Через горнило афганской войны прошли 7 тыс. уральцев и 1,5 тыс. военнослужащих частей Уральского военного округа. Более 4 тыс. уральских воинов – участников боев в Афганистане награждено орденами и медалями СССР и республики Афганистан. Многие уральцы погибли на чужой земле, получили серьезные ранения, оказались в плену у моджахедов. [4, с. 295]

Таким образом, Урал не раз помогал России одерживать блестящие победы над опасным врагом, способствовал укреплению ее национальной независимости и международного авторитета. Не утратил он этой важной роли и сегодня. В настоящее время военно-промышленный комплекс региона по-прежнему бесперебойно оснащает Российскую армию всеми необходимыми видами вооружений, а Центральный военный округ, штаб которого располагается в Екатеринбурге, обеспечивает ее отлично подготовленными, профессионально знающими свое дело воинскими подразделениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бирюков Ю. «На сопках Маньчжурии» // Родина. 1995. № 2. С. 119–122.
2. Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Изд. 2-е. Екатеринбург: Формат, 2010. 272 с.
3. Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург: УрО РАН; АМБ, 2005. 615 с.
4. Военная история Урала. События и люди. Екатеринбург: Сократ, 2008. 320 с.
5. Металлургические заводы Урала. XVII–XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2001. 536 с.
6. Отечественная история 1812 г. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. 880 с.
7. Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале (1917–1922). Энциклопедия и библиография. Т. 1–3. Екатеринбург: Банк культурной информации. 2007.
8. Рахимов Р.Н. 1-й Башкирский полк в Отечественной войне 1812 года // Бородино и наполеоновские войны. Можайск, 2006. С. 283–292.
9. Сперанский А.В. Опорный край державы // Урал в панораме XX века. Екатеринбург: СВ-96, 2000. С. 264–289.
10. Сперанский А.В. Оружие Великих Побед: производство вооружений на Урале как фактор могущества России // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2014. С. 41–48.
11. Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург: Раритет, 2008. 466 с.

Andrey V. Speransky
Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: avsperansky@mail.ru

THE URALS IN THE WARS OF RUSSIA IN THE XVIII – XX CENTURIES: POWER OF WEAPON AND VALOR OF THE WARRIORS

The paper analyses the role of the Urals in the military history of Russia of the XVIII – XX centuries. The paper shows contribution of the region to strengthening Russian military-industrial potential and to the formation of military units that fought as part of Russian (Red, Soviet) army that defended sovereignty of Russian (Soviet) state. The paper also proves that from the Northern War to the local conflicts of the second half of the twentieth century, the Urals have always produced high-quality weapons and formed professionally trained army units, which invariably contributed to the strengthening of Russian armed forces.

Keywords: Russia, Urals, war, army, weapons, servicemen, military operations, victory, defeat, heroism.

«МУЗА ТОЖЕ ТАМ ЖИЛА …»: ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО СВЕРДЛОВСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Казалось бы, война не предполагает лирических сантиментов и музы должны молчать, трепеща перед грохотом пушек. Однако отечественная история неоднократно опровергала это расхожее выражение, приписываемое Цицерону, показывая человечеству многочисленные образцы самозабвенного служения литературы и искусства делу народного единения в борьбе с захватчиками. Ярким примером позитивного воздействия духовного потенциала на процессы объединения общества для отпора врагу является Великая Отечественная война. В этот суровый период испытаний, когда реально встал вопрос о жизни и смерти Отечества, многонациональная культура нашего государства стала мощной силой, противодействующей фашистскому агрессору. Наряду с военно-организационными и общественно-политическими, культурные процессы цементировали единство действий фронта и тыла, обеспечивали идейно-политическое единство воюющего общества.

Говоря словами замечательного поэта-фронтовика Александра Межирова, «муза тоже там жила…» и не просто жила, а отчаянно боролась с опасным противником. На современном этапе, когда наша страна опять оказалась на передовой схватки с возродившимся неофашизмом, для победы вновь необходимо полное общественное объединение. Оно невозможно без участия в этом процессе деятелей культуры, поэтому как никогда актуальный сегодня опыт Великой Отечественной войны требует пристального внимания и активного использования на практике.

Проблемы культурного развития СССР в годы фашистского вторжения достаточно хорошо изучены в общестрановом масштабе. Историография вопроса включает в себя интересные и глубокие по содержанию монографии Г.Д.Комкова [3], Н.И.Кондаковой, М.Н.Маина [4], Л.В.Максаковой [5], В.С.Меметова [6] и других исследователей. Однако региональная составляющая проблемы и особенно вклад в укрепление духовного потенциала воюющей с фашизмом страны отдельных крупных городских центров находится пока на фрагментарно-жанровой стадии, нуждается в более пристальном внимании историков и их обобщающих трудах в обозначенном направлении.

Среди крупных тыловых городов, игравших значительную роль в противостоянии с фашистской Германией, особое место принадлежит столице Урала – Свердловску (ныне Екатеринбург). Авторитет этого города в военные годы поддерживался не только функцией «кузницы оружия», что хорошо известно, но и сформировавшимся здесь мощным духовным фундаментом, оказывавшем прямое воздействие как на уральцев, так и на жителей всей страны. Причем, если количественные социокультурные показатели развития России в целом имели объективную тенденцию к снижению, то в Свердловске наблюдался удивительный, на первый взгляд, подъем.

На фоне лишений военного времени всплеск культурного развития провинциального города выглядит парадоксально. Однако он объясняется тем, что еще в довоенный период здесь был создан солидный культурный фундамент, который в сочетании с эвакуированным сюда духовным потенциалом западных районов был максимально использован для мобилизации всех сил и средств страны на отпор врагу. В годы военного лихолетья Свердловск перестал быть периферией, выйдя на передовые позиции как в области промышленного производства, так и в сфере культурного развития.

В годы войны здесь активно развивались литературные процессы. Уже 24 июня 1941 года в свердловской газете «Уральский рабочий» было опубликовано знаменитое «Слово советских писателей», в котором литераторы заявили о своей уверенности в неизбежном разгроме врага. «… Мы все свое творчество, все свои мысли и чувства направим на создание оборонно-патриотических произведений и, если понадобиться, сменим перо на винтовку…» – говорилось в воззвании. Этот пламенный призыв был напрямую воспринят большинством членов Свердловской литературной организации. Добровольно ушли на фронт В.К.Очеретин, И.С.Панов, А.Ф.Савчук, В.А.Стариков, Ю.Я.Хазанович и многие другие. В результате Свердловское отделение Союза писателей понесло серьезные потери, значительно ослабившие ее творческие возможности. К осени 1941 года в его рядах насчитывалось всего 15 человек.

Однако эвакуация на Урал из западных районов, наряду с промышленными предприятиями, учреждений и деятелей культуры в корне изменила ситуацию. Свердловск становится пристанищем для большого количества представителей писательских организаций городов, расположенных в непосредственной близости от театра военных действий. Сюда прибыли литераторы Москвы, Ленинграда, Киева и ряда других городов: Агния Барто, Юрий Верховский, Федор Гладков, Леонид Гроссман, Лев Кассиль, Анна Караваева, Аркадий Коц, Евгений Пермяк, Мариэтта Шагинян и другие. В результате состав

* Статья была впервые опубликована: Вопросы истории. 2023. № 8–2. С. 26–39.

Свердловского отделения Союза писателей увеличился до 64 чел., среди которых были 36 москвичей, пятеро ленинградцев, двое киевлянин, один смолянин и 20 свердловчан. На этой основе в Свердловске был создан Уральский литературный центр, который возглавили известные всей стране писатели Павел Бажов, Анна Караваева и Евгений Пермяк[1] [7, с. 74].

В условиях войны произведения свердловских авторов приобрели публицистический характер и, в первую очередь, стали отражать события текущего момента, связанные с фронтовой и трудовой героикой, с деятельностью простого человека, отдающего все силы для достижения победы. Эти сюжеты, наиболее ярко представленные в повести Федора Гладкова «Клятва», были основной линией большинства литераторов, работавших в Свердловске. Причем во всех литературных жанрах от публицистики до поэзии главное внимание акцентировалось на значении Урала как «станового хребта страны», способного обеспечить ее всем необходимым для разгрома врага.

Тема творческого труда, направленного на защиту Родины, поднималась в книгах Бориса Рябинина («Месть Дмитрия Босого»), Евгения Пермяка («Уральские записки»), Федора Гладкова («Строители боевых машин»), Мариэтты Шагинян («Уральский народ», «Урал в обороне»), очерках Анны Караваевой («Уральские мастера»). Самоотверженность тружеников тыла нашла отражение в сборниках стихов автора русского текста «Интернационала» Аркадия Коца («Тебе, Урал»), свердловчан Константина Мурзиди и Ефима Ружанского («Город на Урале», «Уральские подарки», «Мастера») [9, с. 227].

Значительное место в литературной жизни Свердловска занял альманах «Уральский современник». Все пять его номеров, вышедших в годы войны, содержали произведения оборонной, антифашистской и общеполитической тематики. Среди них наибольший общественный резонанс имели фронтовые рассказы Александра Савчука и рассказ Нины Поповой «По дорогам войны». Серьезную роль в укреплении морального духа уральцев сыграл историко-публицистический сборник «Сталинский Урал». На его страницах были помещены статья Виктора Данилевского «Урал в обороне Родины», очерк Мариэтты Шагинян «Люди Урала» и другие публикации, отражавшие военные будни региона.

Проблемы славного прошлого и героического настоящего Урала подымались и в других интересных изданиях. Сборники рассказов и очерков «Боевые ребята», «Приблизим час победы», «Сыны Урала», «Непобедимый народ» имели большое значение в деле общественной консолидации[2]. 7 ноября 1942 года в Свердловске был опубликован коллективный литературно-художественный сборник «Говорит Урал», посвященный 25-й годовщине Октябрьской революции. По мнению главного редактора издания Павла Бажова, оно показало фронту, «как живет тыл в дни великой страды». Произведения всех 25 авторов (Павла Бажова, Федора Гладкова, Анны Караваевой, Аркадия Коца, Виктора Данилевского, Людмилы Татьяничевой, Мариэтты Шагинян, Агнии Барто, Юрия Верховского, Нины Поповой, Константина Мурзиди, Ольги Высотской, Виктора Старикова, Ильи Садофьева и других) показали фронтовикам крепость тыла и его способность обеспечить Красную армию вооружением, обмундированием и продовольствием. Публикация литературного сборника «Говорит Урал» стала ярким культурным явлением для всей страны. Его комплементарно встретили центральная пресса и массовый читатель. Один из авторов Борис Рябинин, показывая значимость этого издания, впоследствии отмечал, что «… музы не молчали. Они тоже сражались, тоже боролись за народное счастье и свободу – в поту, в огне и дыму сражений…»

Литературные произведения, написанные на злобу дня, отражавшие актуальные проблемы, без промедления принимались издательствами и публиковались массовыми тиражами. За период войны издательствами, базирующимися на территории Свердловска и Свердловской области, было выпущено 14 млн 853 тыс. экземпляров изданий[3] [8, с. 130, 131, 134; 8, с. 159].

Идеологическое воздействие деятелей литературы на читательские массы не ограничивалось только литературными произведениями. Поэты, драматурги, прозаики активно участвовали в конкретной агитационно-пропагандистской, массово-политической работе среди широких слоев населения. Они читали лекции и доклады, принимали участие в митингах, собраниях, манифестациях. Убежденные, страстные голоса деятелей литературы звучали по радио, в госпиталях, воинских частях, в рабочих и колхозных клубах. Одной из самых распространенных форм общения писателей с массовым читателем были литературные вечера. В Свердловске они регулярно проводились в помещениях театров оперы и балета и музыкальной комедии, в большом зале консерватории, в здании филармонии, в клубе имени Ф.Э.Дзержинского. Сборы от выступлений перед читателями, как правило, переводились на производство вооружений и формирование новых воинских частей, в фонд обороны страны [9, с. 124].

Наряду с литературой в боевом строю находилось и уральское искусство. Важную роль играли театры. Преодолев все трудности начального периода войны, связанные с сокращением государственных дотаций и передачей театральных зданий под военные нужды, они активно участвовали в идейно-воспитательной и агитационно-массовой работе. В Свердловской области к концу во-

[1] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 5. Д. 416. Л. 81, 82; Оп. 15. Д. 603. Л. 53.

[2] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4851. Оп. 1. Д. 317. Л. 24, 25; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 37. Д. 101. Л. 29.

[3] 8. ГАРФ. Ф. 4851. Оп. 1. Д. 565. Л. 43; Д. 598. Л. 36.

йны театральная сеть включала 14 коллективов, пять из которых работали в Свердловске. Это количество театров почти на 8% превышало уровень 1940 года и составляло более 23% от их общего количества на Урале.

Были преодолены трудности в кадровой политике. Актерские коллективы Свердловска и Свердловской области, почти на 50% сократившие свои штаты в начале войны, во второй ее половине не только восстановили кадровый состав, но и значительно расширили его. В 1945 году руководящий и актерско-музыкальный состав театральных учреждений более чем на 30% превосходил штатное расписание довоенного периода [10, с. 189, 191]. Театры Свердловска стабилизировали свою материальную базу, пополнили репертуар произведениями современной и классической драматургии, что способствовало повышению качества постановки спектаклей и усилению роли театров в агитационно-массовой и военно-шефской работе.

Театральное искусство как важный фактор мобилизации масс находилось под пристальным вниманием партийно-государственной власти. Бюро Свердловского обкома и горкома ВКП(б) много раз рассматривало вопросы, связанные с деятельностью театров, указывая на нарушения финансовой и трудовой дисциплины, несвоевременное начало спектаклей, даже на допуск в зал публики после третьего звонка. Резкой критике подвергалось снижение качества театральных постановок, предлагались меры, направленные на повышение профессионального мастерства актеров. Высшие должностные лица уделяли много внимания нуждам театров. Глубоким пониманием проблем театрального искусства отличались В.М.Андрианов, И.С.Пустовалов, В.И.Недосекин и другие партийные и советские руководители.

Одним из театральных флагманов был Свердловский драматический театр. Он обладал хорошо подобранным актерским коллективом, где выделялись Адольф Георгиевский, Всеволод Ордынский, Борис Ильин, Мария Токарева, Елизавета Амман-Дальская и др. В годы войны здесь ставили патриотические спектакли. Особенно хорошо зритель принял пьесу В.А.Соловьева «Фельдмаршал Кутузов». «Одухотворенный чувством любви к Родине спектакль – творческая удача его создателей», – отмечалось в рецензии, опубликованной в свердловской газете «Уральский рабочий». Публика высоко оценила также спектакли «Фронт» А.Е.Корнейчука, «Офицер флота» А.А.Крона, «Парень из нашего города», «Русские люди», «Жди меня» К.М.Симонова.

Большое внимание театр уделял постановкам русской классики. С его сцены по-новому зазвучали «Ревизор» Н.В.Гоголя, «Женитьба Бальзаминова» А.Н.Островского, «Зыковы» А.М.Горького. Занявший первое место на Всероссийском конкурсе театрального искусства в Москве (1944 г.), спектакль по пьесе А.П.Чехова «Дядя Ваня» был признан лучшей работой театра за 1940-е гг. Исполнительское мастерство Бориса Ильина, сыгравшего главную роль, получило множество положительных оценок как среди критиков, так и в широких зрительских кругах[1].

На сцене Свердловского театра оперы и балета ставились оперные спектакли, воспевающие героическое прошлое русского народа: «Иван Сусанин» М.И.Глинки, «Борис Годунов» М.П.Мусоргского, «Князь Игорь» А.П.Бородина, «Суворов» С.Н.Василенко, «Емельян Пугачев» М.В.Коваля, «Дубровский» Э.Ф.Направника и др. Внимание уделялось и современной героике. Зрительский успех имела опера И.И.Дзержинского «Надежда Светлова», воспевающая защитников Ленинграда.

В репертуаре театра имелись и классические произведения. Музыкальная общественность высоко оценила постановку оперы свердловчанина Виктора Трамбицкого по пьесе А.А.Островского «Гроза». Творческим достижением театра стала опера Дж. Верди «Отелло». В 1946 году ее создатели – художественный руководитель театра Арнольд Маргулян, режиссер Ефим Брилль, хормейстер Александр Преображенский, а также артисты Наталья Киселевская и Арнольд Азрикан – получили Сталинскую премию.

Плодотворно трудилась и балетная труппа театра. На его сцене осуществлялись постановки балетов П.И.Чайковского («Лебединое озеро»), А.И.Хачатуряна («Гаяне»), А.Адана («Корсар») и других композиторов. Особый резонанс вызвала постановка балета свердловского композитора Александра Фридлендера «Каменный цветок», написанного по сказам Павла Бажова. Уральский сказочник, побывав в августе 1944 года на премьере, был покорен прекрасной музыкой и мастерством балерины Нины Млодзинской. Балет полюбили и зрители. Критики писали о нем как о большом достижении, прославляющем величие народного творчества.

«Легкий жанр» был представлен Свердловским театром музыкальной комедии. Руководство и артисты театра сосредоточились на постановке спектаклей современных авторов. В годы войны в репертуаре появились: «Девушка из Барселоны» Б.А.Александрова, «Жених из посольства» В.Я.Шебалина, «Бронзовый бюст» И.Н.Ковнера, «Запорожец за Дунаем» С.С.Гулака-Артемовского, «Сорочинская ярмарка» А.П.Рябова, «Веселый петух» М.Л.Старокодомского, «Холопка» Н.М.Стрельникова и другие.

Всенародное признание получил спектакль «Табачный капитан», поставленный в 1944 году (композитор В.В.Щербачев). Вызывая патриотические чувства у зрителя, он способствовал единению, укреплял веру в победу. В 1946 году впервые в истории этого жанра лауреатами Сталинской премии стали постановщик спектакля Георгий Кугушев и актеры, игравшие в нем главные роли: Мария Викс, Сергей Дыбчо и Полина Емельянова.

Всего за военные годы в театрах Свердловска и Свердловской

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 44. Д. 1221. Л. 12; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 9. Л. 148.

области было поставлено около 1 тыс. пьес, проведено более 16 тыс. спектаклей. В совокупности их просмотрели более 10 млн зрителей, обеспечивших валовый сбор более 9 млн руб. [10, с. 202, 204].

Позитивный эффект имела временная эвакуация в Свердловск Центрального театра Красной армии и Московского художественного академического театра. Их деятельность способствовала совершенствованию уральской школы актерского и режиссерского мастерства, повышению зрительского интереса. ЦТКА за 1,5 года (октябрь 1942 г. – май 1943 г.) нахождения в городе осуществил семь новых постановок, показал зрителям 555 спектаклей. Пьесы, поставленные в Свердловске режиссером А.Д.Поповым («Падь Серебряная», «Сталинградцы», «Укрощение строптивой», «Крылатое племя», «Фронт», «Бессмертный» и др.), отличались достоверностью и выразительными образами. Особенно понравился свердловчанам спектакль по пьесе А.Д.Гладкова «Давным-давно», премьера которого состоялась в Свердловске 4 октября 1942 г. Пьеса, главную роль в которой играла Любовь Добржанская, была пронизана патриотизмом, отличалась замечательной музыкой Т.Н.Хренникова, постановочным и актерским мастерством [9, с. 257, 258].

Событием стал приезд в Свердловск МХАТа. И хотя его ветераны во главе с В.И.Немировичем-Данченко и О.Л.Книппер-Чеховой были эвакуированы в Тбилиси, звездных актеров хватило и для столицы Урала. Мхатовцы были размещены в гостинице «Большой Урал», и с августа по октябрь 1941 г. провели на свердловской сцене 79 спектаклей, в которых блистали Иван Москвин, Михаил Тарханов, Алла Тарасова, Николай Хмелёв, Алексей Грибов, Михаил Яншин, Ольга Андровская и др. Заработанные в Свердловске деньги артисты передали на строительство боевого самолета «Советский артист». Здесь же начались репетиции пьесы «Фронт», на которых присутствовал сам автор Александр Корнейчук. Однако премьера спектакля прошла уже Москве 7 ноября 1941 г., куда был реэвакуирован театр[1].

Большое значение театральные коллективы Свердловска и Свердловской области придавали военно-шефской работе. Здесь были сформированы 32 артистические бригады, давшие на фронте более 6 тысяч концертов. Шефские выступления проводились и в тылу. Очень популярны были «дни раненого бойца и командира». С лекциями и концертами перед ранеными выступали артисты Свердловского драматического театра, Свердловского театра оперы и балета, Свердловского театра кукол, ТЮЗа. Только артисты Свердловского театра музыкальной комедии за первые три года войны дали в палатах госпиталей около 1 тыс. концертов. Всего за военный период в госпиталях, на промышленных и аграрных предприятиях, на различных оборонных объектах свердловские артисты провели более 43 тыс. концертов и спектаклей[2].

Артисты участвовали и в патриотических начинаниях. Коллектив Свердловского театра музыкальной комедии передал 55 тыс. руб. на строительство танковой колонны «Свердловский артист». Один из танков был построен на личные сбережения артистов Полины Емельяновой, Анатолия Маренича, Николая Мягкого, Леопольда Большова и Александра Матковского. Всего за годы войны коллектив музкомедии перечислил в различные благотворительные фонды более 3 млн руб., получив личную благодарность председателя ГКО И.В.Сталина. Сбор денежных средств в фонд обороны, в фонд помощи семьям фронтовиков проводили и другие театральные коллективы. За период военных действий артисты театров Свердловска и Свердловской области собрали на эти цели более 9 млн руб.[3] [5, с. 339, 340].

К началу войны на Среднем Урале работало 16 музеев, шесть из которых располагалось в Свердловске (областной краеведческий, антирелигиозный, историко-революционный музеи, музей писателя Д.Н.Мамина-Сибиряка, картинная галерея и промышленно-техническая выставка). В условиях военного лихолетья содержание их культурно-просветительской работы было значительно перестроено. Многие, передав помещения под оборонные нужды и лишившись денежных субсидий, потеряли возможность стационарного обслуживания. За период с 1941 по 1942 год в Свердловской области прием посетителей прекратили восемь музеев, а количество работников музейной сети сокращается на 50%.

Учитывая ситуацию, уже к концу 1941 г. все музейные учреждения Свердловска, чьи фонды тоже были законсервированы, основываясь на Приказе Наркомпроса РСФСР «О мероприятиях по улучшению работы музеев» (от 13 сентября 1941 г.), делают основной акцент на создании передвижных выставок, связанных с текущим моментом. Основными темами временных экспозиций и передвижных выставок музеев были: «Великая Отечественная война», «Партизанское движение», «Всенародная помощь фронту», «Героическое прошлое русского народа», «Великие русские полководцы» и т.п.

Также устраивались выставки, связанные с работой тыла – об уборке урожая, о развитии промышленности, о патриотических движениях и т.п. За период войны музеи Свердловска и Свердловской области подготовили более 600 выставок, провели 8 тысяч экскурсий, приняв около 1 млн военнослужащих, раненых из госпиталей, учащихся, работников промышленности и сельского хозяйства[4] [11, с. 643–651].

Свердловск, ставший в военный период культурным центром страны, принял бесценные сокровища Эрмитажа, включавшие 1 млн 118 тыс. экспонатов. Первый эшелон состоявшей из 22 багажных ва-

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 1221. Л. 12; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 9. Л. 148.

[2] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 220. Л. 39; Оп. 38. Д. 109. Л. 31; Ф. 161. Оп. 6. Д. 1344. Л. 26; Ф. 334. Оп. 1. Д. 5. Л. 60; Ф. 4364. Оп. 1. Д. 13. Л. 59; Д. 18. Л. 16 об.

[3] ЦДООСО. Ф. 4364. Оп. 1. Д. 20. Л. 30 об.

[4] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 10. Д. 105. Л. 37; Д. 118. Л. 48; Д. 134. Л. 47, 48.

гонов, вместивших более 500 тыс. экспонатов, пришел из Ленинграда 6 июля, второй – 30 июля 1941 года. Прибывшие шедевры разместили в зданиях картинной галереи, антирелигиозного музея (Дом Ипатьева), бывшего римско-католического костела и бережно сохраняли до октября 1945 г.

В картинной галерее, принявшей основную часть экспонатов, на первом этаже разместили тяжелые скульптуры, на втором – картины. Несколько ящиков поставили в столярной мастерской за галереей. В одном из них хранилась мраморная скульптура Вольтера, сидящего в кресле, сделанная в конце XVIII в. Ж.-А. Гудоном. Эвакуация коллекций Эрмитажа в Свердловск осуществлялась в строгой секретности, и о ее нахождении в городе никто не знал. У ящиков, сделанных из толстой фанеры и обитых железом, стояла круглосуточная охрана, выделенная из числа сотрудников милиции. Все здания были закрыты для посещения, а экспонаты не вынимались из ящиков до момента реэвакуации.

Исключение составила лишь выставка «Героическое военное прошлое русского народа», организованная в августе 1943 г. В здании картинной галереи были представлены оружие князя Д.М.Пожарского, картина Пьера Дени Мартена-младшего, отображающая сражение у деревни Лесной, мундир и шляпа Петра I, его бюст работы К.Б.Растрелли, портреты М.И.Кутузова и М.Б.Барклая-де-Толли кисти Джорджа Доу, личное оружие Наполеона и другие экспонаты.

Вместе с коллекцией в Свердловск приехали 18 сотрудников Эрмитажа во главе с одним из крупнейших специалистов по западноевропейскому искусству В.Ф.Левинсоном-Лессингом. Они сверяли по спискам и проверяли состояние экспонатов, среди которых находились картины Леонарда да Винчи, Рафаэля, В.Тициана, П.Рубенса, Х.Рембрандта, Д.Веласкеса, скульптуры Ж.А.Гудона, А.Кановы, памятники греко-римской скульптуры. Ленинградские специалисты также проводили научные семинары для местных музейных работников, преподавали в вузах, читали бесплатные лекции. После реэвакуации Эрмитажа в собственность Свердловска перешла часть коллекции, включавшая знаковые работы западноевропейского и русского искусства (скульптуры, картины и предметы декоративно-прикладного искусства)[1] [5, с. 40, 41, 45].

В годы войны в Свердловск были также доставлены 8 т имущества Херсонесского историко-археологического музея, вывезенного из окруженного немцами Севастополя. 23 декабря 1941 года в сопровождении всего одного человека, старшего научного сотрудника Станислава Францевича Стржелецкого, в город привезли более 11 тыс. артефактов, 7 тыс. фотонегативов, 3,5 тыс. томов библиотеки, около 600 архивных дел и 600 единиц научной картотеки. Свердловчане внимательно отнеслись к размещению этих коллекций, выделив помещение и обеспечив их сохранность. Помощь музею оказали заведующий ОблОНО Н.Ф.Хлёсткин, директор краеведческого музея А.П.Курбатова и студенты Свердловского педагогического института, руководимые доцентом Е.Г.Суровым. В результате заботы и отзывчивости этих людей бесценные сокровища Херсонеса были проверены и спасены[2] [2, с. 47–57].

Большой вклад в победу над фашизмом внесли свердловские художники. Уделив много внимания выпуску агитационно-пропагандистских произведений, они добились того, что наглядная агитация стала конкретней, убедительней, приобрела наступательный характер. Особое место в этой деятельности занимает выпуск агитвитрин «В бой за Родину», инициированных Геннадием Ляхиным и Александром Вязниковым. Учитывая огромную востребованность, власти Свердловской области приняли решение печатать их типографским способом. Это позволило подготовить за годы войны около 5 тыс. экземпляров агитвитрин, распространявшихся даже в самых отдаленных районах Среднего Урала.

Свердловские живописцы выпускали также однолистные плакаты, портреты передовиков, героев фронта и другую наглядную агитационно-пропагандистскую продукцию. В самом Свердловске чрезвычайную популярность приобрели «Окна сатиры», которые демонстрировались в витрине, расположенной около краеведческого музея. Бытовая и политическая карикатура, выходящая из-под кисти Виктора Зинова, Геннадия Ляхина, Александра Вязникова, сопровожденная сатирическими стихами Константина Мурзиди, резко бичевала лодырей и дезорганизаторов производства, заставляла отстающих подтянуться, способствовала наращиванию ударных темпов труда передовиков.

Произведения наглядной агитации, выставлявшиеся в местах сосредоточения народа, как правило, были результатом деятельности целых авторских коллективов, работавших в специально созданных мастерских. Однако уральские художники занимались и индивидуальным творчеством, проявляя при этом огромную работоспособность и незаурядный талант. Плодотворно трудился Герман Мелентьев, создавший ряд уникальных полотен, среди которых наибольшую известность приобрела картина «Новогодний рапорт уральцев», воплотившая единства фронта и тыла. Большой вклад в изобразительное искусство внес Николай Голубчиков. Его творчество, посвященное труду уральцев в тылу, нашло яркое отражение в картине «Наступление начинается здесь». Петр Васильев регулярно посещал заводы и под впечатлением, произведенным на него гигантской кузницей оружия, создал целую серию мобилизационных произведений, которые отобразили процессы сборки самолетов, артиллерийских орудий, танков, работу в угольных шахтах, на колхозных полях. Его рисунки были объединены в альбом «Урал

[1] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 169, Л. 83–88; Ф. 161. Оп. 1658. Л. 146–151об.

[2] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 454. Л. 31.

в Великой Отечественной войне» и изданы большим тиражом.

Высоким мастерством, наполненным идеей служения Отечеству, отличались работы Олега Бернгарда, Юлия Бершадского, Виктора Говоркова, Анатолия Давыдова и других свердловских и эвакуированных художников. Они демонстрировались на многочисленных выставках и были действенной формой патриотического воспитания народа. Повышенный интерес у специалистов и зрителей вызвали вернисажи, проведенные в Свердловске: «Защита Родины» (1941 г.), «Урал – кузница оружия» (1944 г.) и другие [1, с. 166].

В годы войны особую значимость в общественном развитии Урала приобрело кино. В деятельности свердловских кинематографистов важнейшим направлением стало создание документальных кинофильмов. Работники единственной на Урале студии кинохроники, расположенной в Свердловске, стремились отразить в своих киножурналах тему «Урал в обороне», показать людей, самоотверженно работавших для достижения общей победы. Первый номер киножурнала «Сталинский Урал», полностью посвященный проблемам начавшейся войны, вышел на экраны уже 25 июня 1941 года. Всего за годы войны свердловскими кинематографистами было выпущено 242 киножурнала, включавших 552 сюжета, которые рассказывали о беззаветном труде уральцев на заводах и фабриках, колхозных полях, в шахтах и научных лабораториях, о крупных стройках военного времени, о рождении новых заводов, о братской помощи освобожденным районам. Фильмы уральских кинематографистов отправляли на фронт, показывали бойцам на самой передовой. Большим успехом пользовался у фронтовиков фильм «Столица Урала», отразивший трудовые будни Свердловска. Всего за годы войны свердловскими кинодокументалистами было отснято 1484400 м пленки.

В феврале 1943 г. в Свердловске была образована студия художественных фильмов, первоначально объединившая под своей крышей эвакуированных на Урал кинодеятелей Москвы, Ленинграда и Одессы. Первым художественным руководителем уральской «фабрики грез» стал известный советский режиссер А.А.Ивановский, первым директором – А.С.Шитов. В 1944 г. Александром Ивановским была снята кинокартина «Сильва», ставшая первым и единственным художественным фильмом, произведенным за период войны на Свердловской киностудии. Премьера состоялась в Свердловске 13 ноября 1944 г. В феврале 1945 г. фильм был показан в Москве. Первая в мире экранизация знаменитой оперетты Имре Кальмана имела невероятный успех, благодаря блестящей игре московских (Зоя Смирнова-Немирович, Нияз Даутов, Маргарита Сакалис, Сергей Мартинсон) и свердловских (Сергей Дыбчо, Георгий Кугушев) актеров. Весной 1945 г. фильм демонстрировался офицерам и солдатам Красной армии в освобожденной Венгрии. Однако на широкий экран он вышел уже после войны. Первые массовые сеансы прошли 13 ноября 1945 г. в свердловских кинотеатрах «Октябрь» (ныне «Колизей»), «МЮД» (ныне «Салют») и «Темп»[1].

В годы войны в свердловских кинотеатрах проводилась разнообразная агитационно-пропагандистская работа. Перед сеансами проводилось информирование по вопросам внешней и внутренней политики. В фойе кинотеатров оборудовались выставки агитплакатов, фотодокументов, отражающих события проходившей войны. Часто при кинотеатрах организовывались агитпункты, кружки ПВХО, ГСО, в витринах выставлялись агитокна. Наряду с военно-патриотическими мероприятиями, перед демонстрацией кинофильмов проводились лекции и беседы на агротехнические и санитарные темы. Очень популярны были патриотические кинофестивали, оборонные рейды, фронтовые месячники. Для удобства зрителей осуществлялся прием коллективных заявок по телефону. В свердловском кинотеатре «Октябрь» была организована даже доставка билетов на дом.

К концу войны расширилась и укрепила свою материально-техническую базу свердловская киносеть. Успешно решался вопрос с ее обеспечением киномеханиками. В 1943 г. в Свердловске были открыты централизованные курсы механиков звукового кино. Все это позволило работникам системы кинофикации Среднего Урала не только сохранить довоенные показатели, но уже к началу 1943 г. значительно превзойти их. Так, если в 1940 г. системой кинопроката были охвачены 13 млн 405 тыс. зрителей, то к концу 1942 г. эта цифра достигла 20 млн. Хорошая посещаемость кинотеатров обусловила и рост валового сбора от продажи билетов. В среднем за годы войны по Свердловску и Свердловской области он увеличился в три раза[2].

Война серьезным образом повлияла и на развитие музыкальной культуры. Свердловск стал настоящей музыкальной столицей всего Уральского региона, где успешно трудились 40 членов Союза композиторов СССР. Замечательные плоды давало творческое содружество эвакуированных и местных музыкантов. Т.Н.Хренниковым, А.И.Хачатуряном, В.Я.Шебалиным, Р.М.Глиэром, Д.Б.Кабалевским, В.Н.Трамбицким, М.П.Фроловым и другими композиторами на свердловской земле было написано и впервые исполнено большое количество симфонических произведений, опер, балетов и т.п. Всплеск пережило песенное искусство. Здесь появились многие песни, отразившие всю глубину патриотических чувств народа. В частности, именно в Свердловске Тихоном Хренниковым и Агнией Барто была написана знаменитая песня «Уральцы бьются здорово», ставшая боевым гимном воинских подразделений, сформированных в этом регионе.

Сначала стихи Барто были представлены на конкурс массовых песен, проходивший в Свердл-

[1] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 182. Л. 131; Оп. 39. Д. 110. Л. 9–12; Оп. 40. Д. 12. Л. 71; Ф. 161. Оп. 6. Д. 1592. Л. 15.

[2] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 182. Л. 1007; Ф. 4322. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

ловске под девизом «Урал – кузница оружия», и после победы опубликованы в газете «Уральский рабочий». Затем для написания к ним музыки был объявлен конкурс среди композиторов. После того как лучшим признали Т.Хренникова, песня уже с двумя авторами была вновь опубликована в «Уральском рабочем» и издана в виде отдельной листовки. Приобретя огромную популярность, она с успехом исполнялась Ансамблем красноармейской песни и пляски Уральского военного округа, хором и оркестром Театра оперы и балета имени А.В.Луначарского, многими самодеятельными коллективами заводских клубов Свердловска.

Заметное место в музыкальной жизни Свердловска занимала народная музыка. В городе были организованы Уральский народный хор, хор Областного радиокомитета и оркестр народных инструментов. Активно популяризировались шедевры русской и зарубежной классики. В этих целях в Свердловске был создан симфонический оркестр и хоровая капелла. В музыкальных концертах, проводившихся на Среднем Урале, участвовали не только уральские музыканты, но и многие выдающиеся исполнители страны. Так, за годы войны в Свердловске гастролировали хор имени Пятницкого, художественно-музыкальные коллективы под управлением Льва Оборина и Александра Свешникова, замечательные исполнители Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс и другие. В целом концерты народной, классической, эстрадной музыки играли большую роль в процессе приобщения к музыкальной культуре огромных масс населения. За годы войны в Свердловской области их посетили более 6 млн человек, что является уникальным достижением даже для мирного времени[1] [5, с. 339, 340].

Таким образом, произведения литературы и искусства, созданные в годы Великой Отечественной войны, играли огромную роль в идейно-политическом воспитании населения страны. Значительный вклад в дело укрепления морального состояния масс и их мобилизации на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками внесли деятели культуры, проживавшие в Свердловске. В творчестве литераторов, представителей театрального, изобразительного, музыкального искусства, кинематографистов, музейных работников на первом плане стояли вопросы защиты Родины, объединения всех сил и средств для смертельной схватки с грозным и беспощадным врагом.

[1] ЦДООСО. Ф. 4364. Оп. 1. Д. 20. Л. 30 об.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. изд. 2-е дополн., перераб. Екатеринбург: Формат, 2010. 282 с.
2. Дианова Т.В. Выставка «Херсонесский музей в годы Великой Отечественной войны» (по архивным материалам). // Крымский архив. 2016. № 1 (20). С. 47–57.
3. Комков Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной... М.: Наука, 1983. 279 с.
4. Кондакова Н.И., Маин В.Н. Интеллигенция России. 1941–1945 гг. М.: Луч, 1995. 249 с.
5. Максакова Л.В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1977. 344 с.
6. Меметов В.С. Партийное руководство деятельностью художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 172 с.
7. Подвиг трудового Урала. Свердловск: Сред.-Урал. изд-во, 1965. 295 с.
8. Рябинин Б.С. Говорит Урал // Своим оружием. М., 1961. С. 121–134.
9. Сперанский А.В. На войне как войне... Свердловская область в 1941–1945 гг. изд. 2-е, дополн., перераб. Екатеринбург: Сократ 2015. 408 с.
10. Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1996. 347 с.
11. Шаманаев А.В. Музеи Свердловской области в начальный период Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Т. 1. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020. С. 643–651.

Andrey V. Speransky
Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: avsperansky@mail.ru

"MUSE ALSO LIVED THERE...": LITERATURE AND ART OF SVERDLOVSK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

This article gives a detailed description of the cultural processes that contributed to the mobilization of Soviet society to fight against Nazi aggression during the Great Patriotic War. The author notes that during this period, a successful ideological and educational center was formed in Sverdlovsk, one of the largest cities in the Urals, as a result of a combination of local spiritual potential and evacuated cultural values. The article concludes that creative work of literary and artistic figures in the defense-patriotic direction actively contributed to the unification of all forces of the country to defeat the enemy.

Keywords: Great Patriotic War, evacuation, literature, theatre, museum work, fine arts, cinema, music, patriotism.

ОЛИМПИЙСКИЕ ВОЙНЫ СССР И США: СПОРТ КАК АРГУМЕНТ ПОЛИТИКИ*

Ведущие страны мира в своей внешней политике, помимо традиционных форм силового воздействия на соперника, эффективно используют и так называемая «мягкую силу», представляющую собой, по мнению политолога Дж. Ная, культурное и политическое воздействие на другие народы с целью побуждения их принимать определенные ценности и следовать в рамках обозначенного фарватера. И хотя сам термин был введен американским ученым сравнительно недавно, методы «мягкой силы» активно использовались и ранее, ярким свидетельством чему является холодная война между СССР и США во второй половине XX в.[2]

Одним из важнейших инструментов политики «мягкой силы» считается спорт, играющий огромную роль в создании образа страны, являющийся предметом национальной гордости и способом укрепления международных позиций. Именно поэтому, желая сохранить свое доминирующее положение на мировой арене, страны «коллективного Запада» стремятся сегодня, наряду с экономическим и политическим фундаментом, максимально ослабить и спортивные позиции оппонентов, разделяющих концепцию многополярного мира[3].

При этом, не имея возможности нанести поражение в честном состязании, они активно используют неспортивные методы, на-

* Статья была впервые опубликована: Уральский исторический вестник. 2024. № 4(85). С. 175–184.

[2] См.: Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Poli- tics. New York, 2004. P. 11.

[3] См.: Буганов А.В. Российский спорт глазами этнолога // Вестник РГНФ. 2016. № 2. С. 31; Шатилов А.Б., Башмаков Д.А. Квазиполитика азарта: современный спорт в политической жизни // Грани политического: политика и «сопредельные поля». М., 2003. С. 84–94.

правленные на дискредитацию достижений соперника и его изоляцию от остального мира. Наглядным примером целенаправленного применения подобных приемов в современных условиях является политика западных стран по отношению к России, «осмелившейся» отстаивать государственные интересы и укреплять национальную безопасность. Наиболее отчетливо грубые нападки проявляются в олимпийском движении, в рамках которого Российская Федерация после решительных действий, связанных с возвращением Крыма и поддержкой Донбасса, сначала была лишена права использования государственной символики на токийской Олимпиаде 2020 г.,[1] а затем, в связи с проведением специальной военной операции на Украине, и права выставлять свою национальную команду на Олимпиаде в Париже (2024 г.)

Следует отметить, что эпоха участия СССР в международном олимпийском движении, официально длившаяся с 1951 по 1992 гг., достаточно слабо освещена в исторической науке. Имеющиеся по этой теме публикации в основном относятся к жанрам спортивной журналистики[2], учебно-методической литературы[3] и мемуарных источников[4]. Как правило, они носят публицистический, описательный характер, отличаются фрагментарностью статистических данных, низким уровнем аналитики и обобщений. Поэтому данная статья, написанная при активном применении историко-сравнительного и историко-генетического методов, базирующаяся на архивных документах Комитета физической культуры и спорта СССР (фонд Р-7576), извлеченных из Государственного архива Российской Федерации в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, представляет собой одно из первых конкретно-исторических изысканий по обозначенной проблеме.

Проведенные исследования показали, что дискриминационные меры, принятые против современной России, не являются исключительными в практике мирового олимпийского движения. В 1920 г. МОК, в котором преобладали представители стран Антанты, не допустил на летнюю Олимпиаду в Антверпен страны, проигравшие Первую мировую войну: Германию, Австрию, Венгрию, Болгарию и Турцию. Проигнорировал МОК и заявку непризнанной Советской России. По политическим соображениям спортсменов «страны Советов» не приглашали и на все последующие Игры, состоявшиеся в 1920–1930-х гг.

Даже тогда, когда находившийся в эмиграции, но считавшийся членом МОК от России (до 1933 г.) князь Лев Урусов предложил выставить на Олимпиаде-1924 две сборные – советских спортсменов и атлетов-эмигрантов, олимпийские чиновники отвергли идею[5].

После поражения во Второй мировой войне в участии на летней Олимпиаде в Лондоне (1948 г.) было отказано Германии и Японии. В дальнейшем МОК не приглашал на летние Игры в Токио (1964 г.) ЮАР, проводившую политику апартеида, а на Олимпиаду в Барселону (1992 г.) – Югославию, подвергнувшуюся санкциям ООН. Югославы могли участвовать в соревнованиях только под олимпийским флагом, как и спортсмены бывшего СССР, включенные в ряды Объединенной команды СНГ. От летних Олимпийских игр в Сиднее (2000 г.) из-за дискриминации женского спорта отстранялся Афганистан, а на Олимпиаде в Рио-де-Жанейро (2016 г.) без флага выступал Кувейт, не выполнивший требования МОК. На Олимпиаде в Токио (2021 г.) лишенная государственной символики из-за «допинговых скандалов» команда России выступала под знаменем ОКР, а ее представители награждались под музыку П.И.Чайковского[6].

Интересно, что наряду с отстранениями и различного рода ограничениями, при проведении летних Олимпиад действовала и обратная тенденция, когда некоторые страны, как правило тоже по политическим соображениям, сами отказывались от участия в соревнованиях. В частности, Китай бойкотировал Олимпийские игры 7 раз подряд, протестуя против участия в них Тайваня (1956, 1960, 1964, 1968, 1972 и 1976 гг.) и внешней политики СССР (1980 г.). Бойкот Олимпиадам объявляли и другие страны. В Мельбурн (1956 г.) не приехали Египет, Ливан, Ирак и Камбоджа, недовольные «суэцкими событиями», а также Испания, Швейцария и Нидерланды, осудившие ввод советских войск в Венгрию. Протестуя против дискриминации своих спортсменов, покинули Токио (1964 г.) команды Индонезии и Северной Кореи. КНДР и поддержавшие ее страны (Албания, Куба, Никарагуа, Эфиопия) бойкотировали Олимпийские игры в Сеуле (1988 г.) из-за отказа организаторов провести часть спортивных состязаний на севере Корейского полуострова. При проведении Игр в Монреале (1976 г.) впервые случился массовый бойкот. В нем участвовали 29 африканских стран, 4 государства из Азии и 1 из Южной Америки, протестовавшие против спортивных контактов Новой Зеландии с режимом апартеида ЮАР[7].

Среди стран, принимавших участие в бойкотировании Олимпиад, особое место занимают США и СССР, чей отказ участвовать в Олимпийских играх, будь то в Москве (1980 г.) или Лос-Анджелесе (1984 г.), не только менял расстановку сил в мировом спорте, но и оказывал непосредственное вли-

[1] Из-за пандемии COVID-19 Олимпийские игры в Токио решением МОК от 24.03.2020 были перенесены на год позже и реально проводились с 23.07.2021 по 08.08.2021.

[2] См.: Хавин Б.Н. Все об Олимпийских играх М., 1979; Штейнбах В.Л. От Афин до Москвы. М., 1983; Олимпийский глобус. М., 1987; Чернышев Б.М. XXIV Олимпийские игры. Цифры, факты, комментарии. М., 1989.

[3] См.: Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982; Твой олимпийский учебник: учебное пособие для олимпийского образования. М., 2011.

[4] См.: Павлов С.В. На финишной прямой. М., 1977; Новиков И.Т. Олимпийский меридиан Москвы. М., 1983.

[5] См.: Штейнбах В.Л. От Афин до Москвы... С. 133.

[6] См.: Шамонаев О. История всех бойкотов Олимпиады: какие страны и когда пропускали Игры // Спорт-Экспресс. URL: https://dzen.ru/a/ZeMJADWIsm3bGIuA (дата обращения 02.03.2024).

[7] См.: Вагин Е. Игры не для всех. Какие страны не участвовали в Олимпиадах по неспортивным причинам // ТАСС. URL: https://tass.ru/sport/10197755 (дата обращения: 05.04.2022).

яние на политическую ситуацию в мировом сообществе. Противоборство за лидерство между этими странами началось сразу же с официальным вступлением Советского Союза в олимпийское движение. После побед советских спортсменов на целом ряде чемпионатов мира и Европы послевоенного периода МОК 7 мая 1951 г. включил олимпийский комитет СССР в свой состав, избрав в свои ряды в качестве члена его председателя К.А.Андрианова. По свидетельствам тогдашнего президента МОК шведа З.Эдстрема, Андрианов, несмотря на незнание иностранных языков, обладал «интуицией настоящего дипломата». Это, очевидно, и позволило ему проработать в этой организации до 1988 г., то есть до самого последнего участия СССР в летних Олимпийских играх[1].

Дебют сборной СССР на Олимпиаде в Хельсинки (1952 г.) сразу ознаменовался жестким противостоянием с командой США. К всеобщему удивлению, американские атлеты, считавшиеся фаворитами соревнований, лишь на 5 медалей обошли советских спортсменов, а в неофициальном командном зачете (НКЗ)[2] и вовсе набрали одинаковое с ними количество очков. Эта «боевая ничья» произвела фурор и предопределила бескомпромиссное противоборство двух «супердержав» на многие годы вперед. Первое поражение ранее непобедимые американцы потерпели на Олимпиаде в Мельбурне (1956 г.), где представители СССР завоевали на 24 медали больше, чем представители США, а в НКЗ довели отрыв до «неприличных» 125 очков[3] (табл. 1, 2).

Поняв, что их лидерство пошатнулось, американцы предприняли ряд околоспортивных манипуляций на римской Олимпиаде (1960 г.) в надежде выиграть первое место. Однако их предложение повысить значимость чемпионства до 10 очков было отвергнуто. В итоге отрыв СССР от США в «золоте» составил 9 медалей, по общему количеству наград – 32 медали, а по НКЗ – 219,5 очков. На фоне этого подавляющего преимущества очередная инициатива, озвученная президентом МОК американцем Э.Брендеджем, выявлять «самую спортивную страну» путем деления числа набранных очков на количество населения страны, выглядела просто нелепо. Разгром на Олимпиаде в Риме заставил руководство США интенсифицировать подготовку атлетов с расчетом на реванш в Токио. В столице Японии американцы максимально приблизились к сборной СССР, вновь победившей в общекомандном зачете и завоевавшей наибольшее количество медалей. Но разрыв в НКЗ составил только 26 очков, а по общему количеству наград – всего 6 медалей. Более того, атлеты из Америки превзошли представителей СССР по числу золотых медалей[4] (табл. 1, 2).

В эпицентре спортивных баталий в Мехико (1968 г.) вновь оказалась «битва титанов», в которой более молодая команда из Америки (средний возраст – 24 года) сумела оторваться от сборной Советского Союза (средний возраст – 26,1 года) на 122,5 очка и вернуть себе пальму первенства. Правда, американцы добывали свои награды в основном в двух видах спорта – в плавании (21 золотая медаль) и легкой атлетике (15). При этом из 29 плавательных дисциплин 11 были включены стараниями американских функционеров МОК в межолимпийский период. Именно они дали США 22 медали различной пробы и 129 очков, обеспечивших преимущество над СССР[5] (табл. 2).

Власти Советского Союза очень болезненно отреагировали на досадное поражение. Был проведен скрупулезный анализ причин, связанных с недостатками тренировочного процесса, поиском талантливой молодежи, низкой квалификацией тренерского состава, слабым развитием школьного и студенческого спорта. Резко критиковались просчеты советских представителей в МОК и международных федерациях, позволивших соперникам включить в программу Олимпийских игр новые «американские» дисциплины и заблокировать виды, дававшие преимущество советским спортсменам[6]. «Работа над ошибками», проведенная в четырехгодичный цикл подготовки к Олимпийским играм в Мюнхене (1972 г.), дала возможность исправить положение и хорошо подготовиться к бою за титул «первой спортивной державы»[7].

За указанный период значительно расширилась сеть детско-юношеских школ, школ высшего мастерства, центров подготовки олимпийского резерва. В 1969–1972 гг. спортивные вузы страны выпустили более 400 выпускников с высшим образованием, а школы тренеров – 533 специалиста высшей квалификации. Усилилась материально-техническая база советского спорта. Было возведено более 800 крупных спортивных сооружений, в том числе 2 гребных канала, 22 закрытых бассейна, 17 спортивных залов (42×24 м) и 42 многофункциональных корпуса[8]. Активизировалась спортивная наука. Вокруг Всесоюзного НИИ физической культуры сложился альянс научных и тренерских кадров, решавший проблемы совершенствования тренировочного процесса, применения средств профилактики и лечения травм, физиолого-психологического обо-

[1] См.: ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 659. Л. 36; Д. 742. Л. 13; Сперанский А.В. Советский спорт в послевоенные годы: выход на мировую арену // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 174; Штейнбах В.Л. От Афин до Москвы... С. 134.

[2] Официально МОК не признает НКЗ, так как, согласно Олимпийской хартии, «Олимпийские игры – это соревнования не стран, а спортсменов». Подсчет очков стали вести с 1908 г., используя различные системы. С 1924 г. утвердилась система подсчета, принятая всеми странами-участниками Олимпийских игр: 7+5+4+3+2+1. Учитывалось 6 первых мест. За победу начислялось 7 очков, за второе место – 5; за третье – 4 и т. д. С 1988 г. приоритет отдается медальному зачету. Более высокое место занимает страна, имеющая больше золотых медалей. Сначала считаются золотые, потом серебряные и бронзовые медали. При равенстве учитывается соотношение последующих.

[3] См.: Сперанский А.В. Советский спорт в послевоенные годы... С. 174; Хавин Б.Н. Все об Олимпийских играх... С. 461.

[4] См.: ГАРФ. Р-7576. Оп. 31. Д. 41. Л. 7, 8; Хавин Б.Н. Все об Олимпийских играх... С. 462.

[5] См.: ГАРФ. Р-7576. Оп. 31. Д. 41. Л. 7, 10, 13, 213, 216.

[6] См.: ГАРФ. Р-7576. Оп. 31. Д. 41. Л. 8, 10, 14, 15, 19, 20, 24.

[7] Там же. Л. 70.

[8] См.: ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 31. Д. 41. Л. 40, 41, 43, 44, 49, 76, 86.

снования высших спортивных результатов, морально-волевой подготовки спортсменов и т. п.[1]

Результаты работы отчетливо проявились на Олимпиаде в Мюнхене (1972 г.), где атлеты СССР как по медалям, так и по очкам вновь опередили соперников из США. Неожиданностью олимпийских состязаний стало то, что американцы уступили советским спортсменам в большинстве командных видов, даже в баскетболе, который являлся национальной гордостью и в котором они никогда не проигрывали. Серия побед СССР продолжилась на Играх в Монреале (1976 г.), где всему миру в очередной раз было продемонстрировано преимущество советской спортивной системы. В целом, несмотря на все старания, западные страны значительно уступили социалистическому лагерю, спортсмены которого завоевали 60% всех медалей. На этот раз сборная США, отстав от советской команды на 188,75 очков, проиграла и атлетам из ГДР, впервые завоевавшим второе общекомандное место[2] (табл. 1, 2).

Проигрывая в честной борьбе, представители «свободного мира» вновь попытались с помощью ухищрений создать иллюзию своего спортивного превосходства. Западные СМИ преуменьшали советские успехи, акцентируя внимание на отдельных победах американцев. Умышленно создавалась обстановка, затрудняющая объективную оценку результатов сборной СССР. Когда же стало ясно, что «реванш за проигрыш в Мюнхене» не удался, как по команде прекратилось вообще какое-либо комментирование результатов.

Кроме того, организаторы нарушали нормальные условия пребывания советских спортсменов в Канаде, оказывали на них морально-психологическое давление. Абсолютно беспочвенно раздувались проблемы Украины, а со стороны представителей украинской диаспоры осуществлялись провокации, такие как сожжение советского флага у олимпийской деревни, распространение антисоветских листовок и т. п. Более того, имели место попытки шантажа и физического воздействия на некоторых членов сборной СССР. Большой резонанс приобрел случай с прыгуном в воду Сергеем Немцановым, «выбравшим свободу» под давлением канадских спецслужб. Только благодаря оперативным мерам советского посольства удалось добиться возвращения несовершеннолетнего спортсмена на Родину[3].

Олимпийский дух на монреальской Олимпиаде постоянно проходил испытание на прочность попытками США и их союзников усилить рознь между странами, выбравшими разные модели развития. Это вынуждены были признать даже ангажированные руководители МОК, отмечавшие, что «игры были зажаты в железные тиски и дух игр был подорван». Недовольство президента МОК М.Килланина вызвали низкий уровень безопасности и обслуживания как на соревнованиях, так и в олимпийской деревне, плохая организация судейства, необъективность западной прессы, антисоветские выпады[4].

В итоге Игры-1976 стали важным рубежом, когда Западный мир, терпящий постоянные поражения в олимпийских состязаниях, перешел к тактике тотального спортивного сдерживания СССР, чтобы избежать очередного разгрома, грозящего ему в 1980 г. на Олимпиаде в Москве. Сначала пошли разговоры о проведении Олимпийских игр только в Греции, якобы для снятия политических и финансовых вопросов, а когда МОК решительно воспротивился этому, началась кампания по бойкотированию Москвы. Причем американцы начали антимосковскую пропаганду еще до ввода советских войск в Афганистан, представленного ими потом как главная причина бойкота.

Рекомендуя президенту США Д.Картеру бойкотирование московских Олимпийских игр, помощник по национальной безопасности З.Бжезинский считал, что отсутствие сборной США и других команд из ведущих стран мира поставит вопрос о целесообразности Олимпиады, а значит, приведет к ее фактическому срыву. Вот почему американцы начали «выкручивание рук» МОК и многим национальным олимпийским комитетам, заявляя, что отказ поддержать бойкот будет рассматриваться «как угроза национальной безопасности США». При этом особое внимание было уделено Африке, куда направилась «агитбригада» во главе с великим боксером Мохаммедом Али для убеждения африканцев не ехать в Москву[5].

Однако, несмотря на жесточайший прессинг, СССР активно готовился к Олимпиаде, впервые проводимой в социалистической стране. После того как в октябре 1974 г. на сессии МОК Москва с явным перевесом победила Лос-Анджелес[6], было принято Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по подготовке к проведению Олимпийских игр 1980 г. в г. Москве» (от 23 декабря 1975 г.), ставшее руководством к решению общенациональной задачи. Под руководством Оргкомитета, возглавляемого И.Т.Новиковым, в подготовке Олимпиады участвовали 12 центральных и республиканских партийных, правительственных и общественных организаций; 10 общесоюзных, 16 союзно-республиканских и 20 республиканских министерств, 10 государственных комитетов СМ СССР, 5 центральных учреждений при СМ СССР и 39 крупных организаций ведомственного порядка[7].

В результате в рамках «Сводной программы игр», включавшей множество взаимоувязанных мероприятий, было реализовано 129 проектов, обеспечивших проведение летних Игр-1980. В частности, была усовершенствована

[1] См.: Там же. Л. 52, 54–56, 57.

[2] См.: Хавин Б.Н. Все об Олимпийских играх... 1979. С. 463; ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 31. Д. 2701. Л. 3, 4, 29; Д. 2703. Л. 1; Д. 2704. Л. 4.

[3] См.: ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 31. Д. 2676. Л. 1–3.

[4] См.: Там же. Оп. 35. Д. 537. Л. 70, 71; Павлов С.В. На финишной прямой. М., 1977. С. 18.

[5] См.: Новиков И.Т. Олимпийский меридиан Москвы. М., 1983. С. 63; ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 35. Д. 1066. Л. 96, 108.

[6] За Москву проголосовало 39 членов МОК, за Лос-Анджелес – 20.

[7] См.: ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 31. Д. 5680. Л. 3, 4, 6, 21, 23, 27, 27об.; Штейнбах В.Л. От Афин до Москвы... С. 263, 264.

московская инфраструктура, проведена работа по строительству новых и реконструкции уже имевшихся спортивных сооружений, олимпийской деревни, пресс-центров и т. п. Практически все олимпийские объекты Москвы, принятые различными комиссиями МОК, по архитектуре, оснащению современной техникой и максимальным удобствам не только отвечали современным требованиям, но и, по сути, являлись проектами завтрашнего дня[1].

К неудовольствию западных оппонентов, Оргкомитет московской Олимпиады справился с поставленными задачами, обеспечив комфортное пребывание в столице СССР 207 тыс. туристов, 6 тыс. представителей СМИ и 3,5 тыс. судей. Особой гордостью организаторов стала Олимпийская деревня, возведенная в Юго-Западном районе Москвы. Она включала в свою инфраструктуру удобные помещения для жилья, питания, отдыха и тренировок 12 тыс. спортсменов и была соединена транспортной связью со всеми другими олимпийскими объектами. Для организации Олимпийских игр было задействовано более 500 тыс. чел. Из них: в организации соревнований – 14 тыс.; на железнодорожных перевозках – 60 тыс.; на авиарейсах – 6 тыс.; в общественном питании – 52 тыс.; в торговле – 15 тыс.; в медицинском обслуживании – 12 тыс. чел. В Оргкомитете Олимпиады функционировало более 50 служб, имевших в своем составе 13,5 тыс. специалистов[2].

Размах и качество проделанной работы поражали не только гостей Олимпиады, но и самих организаторов, сумевших в условиях бойкота сделать все для ее успешного проведения. Беседуя с президентом МОК М.Килланином, председатель СМ СССР А.Н.Косыгин полушутя признался, что «если бы он знал, что такое Олимпийские игры, то ни за что не стал за них бороться». Президент МОК не только знал, какие трудности испытали организаторы, но и сам активно участвовал в их преодолении. Чтобы не допустить срыва Олимпиады, по его словам, он «мотался по всей планете», убеждая всех, что «спортсмены не принимают политических решений и не должны от этого страдать». После встречи с Д.Картером, настаивавшем на бойкоте, М.Килланин заявил журналистам, что Игры-1980 состоятся в Москве, даже если на них он будет единственным иностранцем. Лорд сумел убедить всех членов МОК, поэтому вопрос об отмене Олимпийских игр в Москве никогда не обсуждался и даже не ставился. Роль этого человека в успехе московской Олимпиады огромна, поэтому, когда он произнес заключительную речь на церемонии закрытия Игр-1980, весь стадион встал и наградил ирландца фантастическими овациями. Вернувшись в ложу, президент МОК удивленно отметил, что его приветствовали так, как не приветствовали ни одну кинозвезду.

Конечно, политика бойкота не могла не отразиться на составе участников московской Олимпиады. Совместно с США, соревнования бойкотировали 65 стран, объясняя свое решение вводом советских войск в Афганистан. Некоторые государства направили свои команды под олимпийским флагом или флагами национальных олимпийских комитетов. Но все же главная цель противников – срыв Олимпиады, достигнута не была, и она состоялась в намеченные сроки. В состязаниях приняли участие 5748 спортсменов из 81 страны, установивших 74 олимпийских, 39 европейских и 36 мировых рекордов. В отсутствии сборной США на спортивных аренах доминировали советские атлеты, завоевавшие 195 медалей в 203 дисциплинах. Несмотря на попытки США сорвать или опорочить московскую Олимпиаду, она вошла в мировую историю как событие, поддержавшее высочайший авторитет СССР. Отказавшись от участия, американцы сами лишили себя права борьбы за первенство. Впоследствии эта ошибка была публично признана Д.Картером, а вот З.Бжезинский до конца считал бойкот Олимпиады-1980 чуть ли не самым главным достижением в своей политической карьере[3] (табл. 1, 2).

К сожалению, политика бойкотирования Олимпиад была продолжена и в следующем олимпийском цикле. Принято считать, что решение о бойкоте Игр-1984 в Лос-Анджелесе было заранее принято в Кремле как симметричный ответ на действия США в отношении Олимпиады-1980. Однако все было не так просто. На закрытии Олимпийских игр в Москве, несмотря на американский бойкот, в знак передачи олимпийской эстафеты был торжественно поднят флаг Лос-Анджелеса, и представителям этого города искренне пожелали успеха. Никто из руководителей СССР не говорил об ответных мерах, а один из представителей советского политического руководства Г.А.Алиев даже заявил в беседе с президентом МОК Хуаном Самаранчем, что «мы никогда не опустимся до уровня американцев». Поэтому вплоть до весны 1984 г. в Советском Союзе велась активная и целенаправленная подготовка всех сборных к Олимпийским играм в Лос-Анджелесе[4].

Однако по мере приближения Олимпиады геополитическая обстановка в мире ухудшалась. Были «заморожены» советско-американские переговоры в Женеве, а находившийся у власти в США с 1980 г. президент Р.Рейган публично объявил СССР «империей зла», что сразу же сделало поездку его представителей на недружественную территорию весьма проблематичной. Власти США стали создавать препятствия возможному приезду советской делегации: поиском в ее рядах «агентов КГБ», запретом чартерных авиарейсов для спортивных команд, неразрешением входа в местный порт теплохода «Грузия», являвшегося плавучей базой сборной СССР. Ухудшил ситуацию и от-

[1] См.: ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 31. Д. 2675. Л. 35, 36; Д. 5680. Л. 32.

[2] См.: Там же. Д. 5680. Л. 397, 398, 403, 512, 512об., 547, 547об.

[3] См.: Новиков И.Т. Олимпийский меридиан Москвы... С. 212; Штейнбах В.Л. От Афин до Москвы... С. 276, 277; ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 31. Д. 5680. Л. 163; Оп. 34. Д. 63. Л. 133.

[4] См.: ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 34. Д. 565. Л. 2–6.

Таблица № 1.

КОЛИЧЕСТВО МЕДАЛЕЙ, ЗАВОЕВАННЫХ СПОРТСМЕНАМИ СССР И США НА ЛЕТНИХ ОЛИМПИАДАХ 1952–1988 гг.

Игры	Город/Страна	Страна	Золото	Серебро	Бронза	Всего	Место
XV	Хельсинки/Финляндия 19.07-03.08.1952	США	40	19	17	76	1
		СССР	22	30	19	71	2
XVI	Мельбурн/Австралия 22.11-08.12.1956	СССР	37	29	32	98	1
		США	32	25	17	74	2
XVII	Рим/Италия 25.08-11.09.1960	СССР	43	29	31	103	1
		США	34	21	16	71	2
XVIII	Токио/Япония 10.10-24.10.1964	СССР	30	31	35	96	1
		США	36	26	28	90	2
XIX	Мехико/Мексика 12.10-27.10.1968	США	45	28	34	107	1
		СССР	29	32	30	91	2
XX	Мюнхен/ФРГ 26.08-11.09.1972	СССР	50	27	22	99	1
		США	33	31	30	94	2
XXI	Монреаль/Канада 17.07-01.08.1976	СССР	49	41	35	125	1
		США	34	35	25	94	3
XXII	Москва/СССР19.07-03.08.1980	СССР	80	69	46	195	1
		США	—	—	—	—	—
XXIII	Лос-Анджелес/США 28.07-12.08.1984	США	83	61	30	174	1
		СССР	—	—	—	—	—
XXIV	Сеул/Южная Корея 17.09-02.10.1988	СССР	55	31	46	132	1
		США	36	31	27	94	3

Таблица № 2.

КОЛИЧЕСТВО ОЧКОВ, НАБРАННЫХ КОМАНДАМИ СССР И США В НЕОФИЦИАЛЬНОМ КОМАНДНОМ ЗАЧЕТЕ (НКЗ) НА ЛЕТНИХ ОЛИМПИАДАХ 1952–1988 гг.

Страна	1952	1956	1960	1964	1968	1972	1976	1980	1984	1988
СССР	496,0	622,5	682,5	607,8	590,8	664,5	792,5	1219,5	—	—
США	496,0	497,5	463,5	581,8	713,3	638,5	603,7	—	1051,0	—

[*] Таблицы 1, 2 составлены автором по архивным и опубликованным источникам.

каз американцев дать письменные гарантии безопасности для олимпийцев социалистических стран после нескольких преступлений со смертельными исходами в непосредственной близости от Олимпийской деревни. Недовольство руководства СССР вызывала и идейная основа проведения Олимпиады-1984, объявленной коммерческим мероприятием, предполагавшим безраздельное господство культа наживы.

Конечно, были и опасения проиграть американцам спортивную дуэль, и не желание сделать это второй раз подряд, после поражения от ГДР на недавно завершившейся зимней Олимпиаде в Сараево. Вот почему, в силу стечения целого ряда обстоятельств, а не только по причине «мести за бойкот Олимпиады-1980», М.В.Грамов, совмещавший тогда посты председателя Комитета по физической культуре и спорту при СМ СССР и председателя НОК СССР, направил в Политбюро ЦК КПСС записку с обоснованием нецелесообразности участия советских спортсменов на Олимпиаде в Лос-Анжелесе. В конечном итоге было принято решение, поддержанное большинством социалистических стран, не участвовать в американской Олимпиаде, что привело к отсутствию на соревнованиях более 50% чемпионов мира и Европы[1].

Как и ожидалось, Игры-1984, ставшие показательным примером использования спорта в качестве средства ведения «культурной и идеологической войны», прошли в атмосфере безудержного американского национализма и разнузданной коммерциализации. «Олимпиада Кока-Колы», ставшая частью предвыборной компании Р.Рейгана, отличалась дороговизной, засильем звездно-полосатых флагов, поддержкой «только своих», необъективным судейством и полным отсутствием интереса к «неамериканским видам спорта». Ошеломленные царящей на играх атмосферой, представители других стран отмечали, что создавался образ «тупого, нахального и невежественного американского супермена... делающего рекламу Кока-Коле»[2].

В итоге американцы выиграли Олимпиаду, установив мировой рекорд по достигнутым победам в представленных спортивных дисциплинах. Они завоевали 83 золотые медали – на 3 больше, чем

[1] См.: Там же. Д. 62. Л. 6.

[2] Там же. Л. 2, 3, 15, 97, 129, 130, 135, 151; Марков А.С. Эволюция международного спортивного движения: от спорта ради мира к спорту как политическому инструменту // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2018. № 3. С. 73.

было у советских спортсменов на Олимпиаде в Москве. Но этот успех, ставший предметом особой гордости «звездно-полосатых», выглядит относительным, если учесть, что на московской Олимпиаде разыгрывалось 203 комплекта наград, а на лос-анджелесской – 221. К тому же американцы сделали это в отсутствии серьезной конкуренции, о чем свидетельствует второе место Румынии, никогда не поднимавшейся выше девятого места[1] (табл. 1, 2).

Не в пользу Олимпийских игр-1984 и статистика рекордов. В Москве было установлено 36 мировых и 74 олимпийских рекорда, в то время как в Лос-Анджелесе 11 и 45 соответственно. Если сравнить результаты СССР (в Москве) и США (в Лос-Анджелесе) по сопоставимым показателям (203 вида), то американцы выиграли меньше золотых медалей и набрали меньше очков в НКЗ (1051,0), чем советские атлеты (1219,5). Интересно и то, что проведенные для спортсменов социалистического лагеря соревнования «Дружба-84», безоговорочно выигранные СССР, были выше по качеству Олимпийских игр в Лос-Анджелесе, поскольку там было установлено 44 мировых рекорда[2].

Приведенные факты показывают, что даже если бы американцы прибыли на московскую Олимпиаду, то вряд ли смогли бы составить достойную конкуренцию советским спортсменам. А вот прибытие сборной СССР в Лос-Анджелес могло похоронить «американскую мечту». Поэтому взятый в Москве тайм-аут позволил штатам избежать очередного поражения и «поднакачать олимпийскую мускулатуру» для вожделенного успеха в родных стенах. Немаловажную роль в достигнутой США победе сыграл и хитрый расчет на вынуждение СССР и его союзников бойкотировать Олимпиаду-1984.

То, что советская спортивная система сильнее американской, было доказано уже на следующих летних Олимпийских играх, прошедших в Сеуле (1988 г.). И хотя с явной подачи американцев очки НКЗ в столице Южной Кореи уже не подсчитывались, а главным критерием определения победителя стало наибольшее количество золотых медалей, новая очная встреча непримиримых соперников опять закончилась блестящей победой атлетов из СССР. Советские спортсмены завоевали 55 золотых медалей, в то время как представители США – только 36. Причем «звездно-полосатые», уступив по всем медальным показателям и восточным немцам, заняли лишь третье общекомандное место[3](табл. 1).

Триумфальное выступление советской сборной на Олимпийских играх в Сеуле стало девятым и последним. В связи с распадом Советского Союза 12 марта 1992 г. Олимпийский комитет СССР прекратил свою деятельность. Но даже после крушения «супердержавы» созданная в ней при опоре на фундамент массового спорта система подготовки выдающихся атлетов продолжала успешно работать вплоть до летней Олимпиады в Барселоне (1992 г.). Здесь составленная из бывших спортсменов СССР Объединенная команда СНГ, выступавшая под олимпийским флагом, еще раз, на прощание, разгромила американцев, подведя окончательную черту в славной череде блистательных побед советского спорта.

Таким образом, в рамках сформировавшейся во второй половине XX в. биполярной системы международных отношений противостояние между СССР и США распространялось практически на все сферы человеческой жизнедеятельности, заставляя политические элиты прибегать к различным методам ведения борьбы. В условиях холодной войны важным рычагом противоборства стал спорт, целенаправленно использовавшийся соперниками как важнейший инструмент большой политики. Следуя лозунгу одного из самых популярных американских президентов Д.Кеннеди: «Престиж нации – это полет на Луну и золотые олимпийские медали», США всегда стремились демонстрировать через спорт мощь своей системы, доказывая остальному миру превосходство «американского образа жизни». В свою очередь, СССР тоже использовал спорт как инструмент демонстрации преимуществ социализма над «загнивающим капитализмом» и, если судить объективно, то ему это удавалось лучше[4].

В целом, если сравнивать количественные результаты «олимпийских войн» между СССР и США за период 1952–1988 гг., то победа советских олимпийцев очевидна. За указанный период МОК провел 10 летних Олимпиад, в 9 из которых (исключая по 1 бойкоту) в очном поединке сходились советские и американские атлеты. В итоге СССР опередил США по всем основным показателям: по очкам в НКЗ (5676,1 против 5045,3) (табл. 2); по общему количеству медалей (1010 против 874); по золотым (395 против 373); серебряным (319 против 224) и бронзовым (296 против 224) наградам. СССР семь раз выигрывал общекомандную борьбу, в то время как США лишь дважды праздновали победу (табл. 1).

К сожалению, пытаясь сохранить утвердившийся после распада СССР однополярный мир, США и сегодня продолжают использовать инструментарий, апробированный в годы холодной войны. В результате современная Россия, стремящаяся к установлению многополярного мира, объективно попадает «под прицел» не желающего сдавать позиции гегемона. Именно поэтому стремление России отвоевать позиции, занимаемые в мировом спорте СССР, встречает яростное сопротивление США и подчиненных им недружественных государств.

Вот почему для того, чтобы преодолеть все унизительные запреты и вновь стать лидерами мирового спорта, надо максимально использовать опыт побед Советского Союза как в организации

[1] См.: ГАРФ. Ф. Р-7576. Оп. 34. Д. 63. Л. 131, 132.

[2] См.: Там же. Л. 133; Д. 64. Л. 2, 4, 5, 76–80, 136.

[3] См.: Чернышев Б.М. XXIV Олимпийские игры. Цифры, факты, комментарии. М., 1989.

[4] См.: Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий. М., 2007. С. 35.

внутренней спортивной системы, так и в демонстрации ее лучших результатов на международной арене. Ибо великолепные победы отечественного спорта на состязаниях мирового уровня формируют общегражданскую идентичность и повышают национальную самооценку[1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Буганов А.В. Российский спорт глазами этнолога // Вестник РГНФ. 2016. № 2. С. 26 – 38.
2. Буганов А.В. Спорт в России этнологические, этнополитические и антропологические аспекты // Вестник антропологии. 2016. № 1(33). С. 37–57.
3. Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий. М.: Андалус, 2007. 128 с.
4. Кукушкин В.В. Олимпийский глобус. М.: Физкультура и спорт, 1987. 208 с.
5. Марков А.С. Эволюция международного спортивного движения: от спорта ради мира к спорту как политическому инструменту // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2018. № 3. С. 67–75.
6. Новиков И.Т. Олимпийский меридиан Москвы. М.: Физкультура и спорт, 1983. 240 с.
7. Павлов С.В. На финишной прямой. М.: Физкультура и спорт, 1977. 120 с.
8. Сперанский А.В. Советский спорт в послевоенные годы: выход на мировую арену // Уральский исторический вестник. 2022. № 3(76). С. 170–178.
9. Хавин Б.Н. Все об Олимпийских играх. М.: Физкультура и спорт, 1979. 608 с.
10. Чернышев Б.М. XXIV Олимпийские игры. Цифры, факты, комментарии. М.: Советский спорт, 1989. 206 с.
11. Шатилов А.Б., Башмаков Д.А. Квазиполитика азарта: современный спорт в политической жизни // Грани политического: политика и «сопредельные поля». М.: Издательство Ипполитова, 2003. С. 84–94.
12. Штейнбах В.Л. От Афин до Москвы. М.: Физкультура и спорт, 1983. 304 с.
13. Nye J.S.,Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 192 p.

Andrey V. Speransky
Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: avsperansky@mail.ru

OLYMPIC WARS BETWEEN THE USSR AND THE USA: SPORT AS A POLITICAL ARGUMENT

Using the example of the Olympic movement of the second half of the 20th century, the paper anal- yses the role of sport as a "soft power" instrument, used by world leaders to strengthen their posi- tions in the international arena. It draws parallels with modern attempts by the "collective West", led by the United States, along with numerous sanctions, to use sport as a mechanism of national discrimination and international isolation of Russia. It is demonstrated that the policy restricting participation in the Olympic Games has always been applied by dominant countries to defeated ri- vals and potential violators of the balance of power on the world stage. It is also noted that in some cases, a number of states have voluntarily boycotted the Olympics in order to protest racial dis- crimination, military aggression or disregard for their political interests.

Special emphasis is made on the geopolitical confrontation between the USSR and the United States within the framework of bipolar world that emerged after World War II. The "Cold war" between them, which inevitably covered the sports sphere, led to the "battles of giants", which unfolded most fiercely at the Sum- mer Olympics. An objective analysis of the results achieved by athletes of these countries during the 1950s–1980s "Olympic wars" showed a significant advantage of the USSR sports system. Therefore, the paper concludes that in the conditions of modern bullying of Russian sports, victorious experi- ence of the Soviet Union, based on professionalization of high-performance sports, mass physical culture movement and decisiveness in sports policy in the international arena, is more relevant and in demand than ever.

Keywords: USSR, USA, bipolar world, foreign policy, Cold War, soft power, sports, Olympic Games, boycott, competition

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГГ.: ПОДВИГ НАРОДА В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ*

Великая Отечественная война – одна из самых ярких и противоречивых страниц истории России, впитавшая в себя как горечь тяжелых поражений, так и радость полного разгрома врага. Трудная победа, достигнутая в смертельной схватке с сильным и опасным противником, сохранила перспективу дальнейшего развития нашей страны, и сегодня, в преддверии 80-летия Великой Победы, мы должны четко представлять причины имевших место неудач и видеть корни достигнутого успеха.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз привело к развертыванию громадного Восточного фронта, протянувшегося от Баренцева до Черного моря. Красная армия мужественно встретила немецкое нашествие, но ее бойцы, несмотря на массовый героизм и поразительную стойкость, не смогли сдержать наступление грозного врага. На основных направлениях противник углубился в территорию СССР на 400–600 км. Под пятой оккупантов оказались вся Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика, значительная часть территории России.

В боях начального периода войны Красная армия понесла тяжелейшие потери: погибло около 1 млн красноармейцев; во вражеском плену оказалось 3,8 млн солдат и офицеров. Войска потеряли 3,5 тыс. самолетов, более 6,0 тыс. танков, 9,5 тыс. орудий. Потери фашистской Германии, по оценкам начальника Генерального штаба вермахта Ф.Гальдера, были тоже велики (более 100 тыс. солдат и офицеров, 50% танков и 25% самолетов участвовавших в нападении), но они не сопоставимы с нашими утратами [2, с. 224, 225; 5, с. 388].

Долгое время поражения РККА и ее отступление по всему фронту историки пытались объяснить превосходством немцев в технике, лучшей подготовкой вермахта к войне, внезапностью нанесенного удара. Родоначальником этой «исторической» точки зрения является И.В.Сталин, назвавший указанные причины в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года. Конечно, это был политический маневр, попытка если не снять ответственность с себя и со своего окружения, то хоть как-то объяснить случившееся. Но были ли эти оправдания достоверны и справедливы?

Действительно, Германия хорошо подготовилась к войне. Еще в декабре 1940 года был утвержден план «Барбаросса» (Директива № 21), предусматривавший разгром ВС СССР в течение 8 недель и захват всей его европейской территории. Чтобы осуществить этот блицкриг, Германия к лету 1941 года сосредоточила на границе с СССР 188 дивизий, общей численностью 5,5 млн солдат и офицеров, более 3,5 тыс. танков, 4 тыс. самолетов, 30 тыс. орудий и минометов.

Что же мог противопоставить Советский Союз этой военной армаде? Оказывается, ничуть не меньшую, а даже большую силу. В западном направлении мы имели 170 дивизий, общей численностью 3,5 млн чел., 8,5 тыс. самолетов, более 9 тыс. танков и 47 тыс.

[1] См.: Буганов А.В. Спорт в России этнологические, этнополитические и антропологические аспекты // Вестник антропологии. 2016. № 1 (33). С. 55.

* Статья была впервые опубликована: Победа над фашизмом в контексте современных вызовов России. 14-е Уральские военно-исторические чтения. Сборник научных статей. Екатеринбург: Сократ, 2025. С. 14–20.

артиллерийских установок [11, с. 348; 8]. Элементарный анализ приведенных выше цифр показывает, что у СССР в июне 1941 года было достаточно материальных сил и средств, чтобы успешно отразить немецкую агрессию.

Что же касается внезапности фашистского нападения, то также возникает вопрос: кто мешал нам встретить врага во всеоружии? Решающим фактором стал сталинский режим. Основанный на единовластии одного человека, окруженный мифами о гениальности вождя. Он давил на политическое и военное руководство страны, лишал его инициативы в мышлении. Просчет одного человека мог стоить стране колоссальных жертв и разрушений, что, к сожалению, и произошло.

Строя свои отношения с Германией, И.В.Сталин опирался на концепцию «мир возможен, но и война вероятна». Поэтому он стремился избежать столкновения с противником или по крайней мере отодвинуть его на дальний срок. Вождь убедил себя в том, что Германия не решиться воевать на два фронта. Не посмеет нарушить договор о ненападении с СССР, не разгромив Англию. Поражение англичан, по его мнению, могло произойти не раньше конца 1942 года. Отсюда расчет строился на том, чтобы любыми средствами протянуть лето 1941 года. Под осень, считал Сталин, Германия не решится начать войну, а значит, Советский Союз получит еще год для укрепления своих рубежей.

Опасаясь дать фюреру повод для нападения, Сталин медлил с приведением войск в полную боевую готовность, а его окружение, боясь впасть в немилость, безмолвствовало или соглашалось с ним. Ситуация не изменилась даже тогда, когда советская разведка установила точную дату немецкого вторжения. Информация об этом, переданная Р.Зорге из Японии, а также сведения советских разведчиков из Берлина («Красной капеллы») были объявлены дезинформацией и проигнорированы [1, л. 50; 7, с. 286, 287].

Были предупреждения и по дипломатическим каналам со сторо-

А.В.Сперанский выступает на круглом столе

ны английского премьер-министра У.Черчилля, китайских руководителей Чжоу Эньлая и Чан Кайши, даже со стороны немецкого посла в Москве Ф.Шуленбурга. Однако все эти предупреждения разбивались о мнение Сталина и боязнь военного руководства СССР перечить лидеру.

Непоколебимость сталинской точки зрения привела к тому, что в первом эшелоне обороны из 170 дивизий, имеющихся в распоряжении советской стороны, находилось всего 56. Из них только 14 своевременно заняли свои позиции. В результате на главных направлениях удара численность немцев превосходила советские войска в 2,6 раза, а на некоторых из них, например, Луцко-Ровенском – в 4 раза [10].

Немецкий генерал Г.Гудериан отмечал, что 20 и 21 июня 1941 г. тщательное наблюдение за русскими убеждало его, что они ничего не подозревают о намерениях Германии. «Перспектива сохранения внезапности была настолько велика, что возник даже вопрос: стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку», – отметил впоследствии в своих мемуарах гитлеровский военачальник [6, с. 146, 147].

Таким образом, немцы нанесли внезапный удар, но эта внезапность во многом была создана искусственно. Фактор внезапности фашисты получили из рук советского руководства, не верившего в возможность такого развития событий.

Прямое отношение к военной катастрофе первого периода войны имел и оперативно-стратегический просчет в определении главного удара противника. Маршал Б.М.Шапошников предложил сосредоточить основные силы в западном направлении. Но И.В.Сталин отверг это предложение, сделав вывод, что немцам, если они вообще осмелятся напасть, потребуются уголь Донбасса и хлеб Украины, поэтому надо укреплять Юго-Западное направление. Мнение вождя никто не посмел оспорить, даже тогда, когда весной 1941 года стало известно, что главные силы враг сосредоточил именно на западном направлении [9, с. 82].

На боеспособности Красной армии сказалась и неверная военная доктрина, предлагавшая ведение войны только в наступлении. Возможность прорыва вражеских войск на большую глубину полностью исключалась, поэтому обороне не уделялось должного внимания. Даже 22 июня 1941 года, когда немцы стремительно наступали, нарком обороны С.М.Тимошенко, с одобрения И.В.Сталина, направил в войска директиву № 3, требующую от них перехода к наступательным действиям с целью переноса боевых операций на территорию врага, что было нереально из-за неподготовленности Красной армии [4].

Плохая боеспособность наших войск обуславливалась и кадровой проблемой, вызванной массовыми репрессиями, развязанными в 1930-е гг. Число безвинно погибших военнослужащих высшего командного состава к началу войны достигло примерно 50 тыс. чел. Репрессии смели всех командующих войсками военных округов, на 90% «обновили» начальников штабов, на 80% – руководящий состав корпусов и дивизий, на 91% – командиров полков. Были репрессированы также многие ученые, преподаватели академий и военных училищ.

В результате, к началу войны только 7% командиров РККА имели высшее военное образование, а 37% не прошли полного курса обучения даже в средних воен-

но-учебных заведениях. Таким образом, Красная армия к 1941 г. была практически обезглавлена. Это прекрасно понимал А.Гитлер. Опровергая предостережения своих генералов, фюрер заявлял: «Первоклассный состав высших советских военных кадров истреблен Сталиным в 1937 году. Необходимые умы в подрастающей смене пока отсутствуют» [8].

Война, неожиданно обрушившаяся на страну, ввела сталинское руководство в состояние шока. Однако среди мирного населения преобладала эйфория. Считалось, что немецкий пролетариат обязательно восстанет против фашистов, поэтому для разгрома агрессора потребуется не более 3–4 недель. Однако эта эйфория была быстро разрушена Директивой ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» и речью И.В.Сталина по радио 3 июля 1941 г., где особо подчеркивалось, что в начавшейся войне вопрос стоит о жизни или смерти советского государства.

В либеральной историографии существует мнение, основанное, главным образом, на мемуарных воспоминаниях Н.С.Хрущева, что И.В.Сталин в первые дни войны был подавлен и полностью отрешился от государственных дел. Конечно, нападение Германии разрушило его планы и расчеты, он был «обманут» и не мог не думать о последствиях своих ошибок. Однако объективности ради надо отметить, что вождь никогда не покидал своего поста. Весь день 22 июня 1941 г. он провел в Кремле, принимая решения по самым неотложным делам. Архивные документы подтверждают, что совещания под его руководством, решавшие вопросы организации отпора врагу, проходили каждый вечер. Именно эти совещания положили начало исправлению допущенных ошибок и дали толчок к военной перестройке СССР.

В целях централизации управления страной, решением ЦК ВКП(б), СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР был создан Государственный Комитет Обороны во главе с И.В.Сталиным, который сосредоточил в своих руках всю административную, хозяйственную, идеологическую и военную власть.

Первоочередной задачей стало всестороннее усиление Красной армии. Для ее руководства была создана Ставка Главного Командования ВС СССР. Полномочия Верховного Главнокомандующего также были переданы И.В.Сталину. Ему же были поручены обязанности народного комиссара обороны. Под руководством вновь созданных органов начались всеобщая мобилизация военнообязанных, добровольная запись в ряды Красной армии. В результате уже к концу 1941 г. в армию было призвано 5,3 млн чел., а ее общая численность доведена до 10 млн. Было также сформировано 60 дивизий народного ополчения, 200 отдельных полков и истребительных батальонов общей численностью в 2 млн бойцов. Свыше 40 дивизий народного ополчения главным образом Москвы и Ленинграда, вступили в боевые действия уже летом и осенью 1941 года. Всего за 4 года войны было мобилизовано 29,5 млн чел. Ежегодно в строю находились 11,5 млн чел., половина из которых сражалась на фронтах Великой Отечественной. Безвозвратные потери нашей армии и флота за годы войны составили 8,6 млн военнослужащих [11, с. 353].

Красная армия, ведя кровопролитные сражения, безусловно, нуждалась в крепком тыле, способном обеспечить ее обмундированием, продовольствием, оружием, боеприпасами и военной техникой. Добиться этого в сложившихся условиях было очень трудно, так как в начале войны страна лишилась важнейшей экономической базы, расположенной в европейской части СССР.

Чтобы решить поставленные войной проблемы, для оперативного руководства экономикой были созданы новые наркоматы танковой, минометной и авиационной промышленности, Государственный Комитет по учету и распределению рабочей силы, Совет по эвакуации и ряд других чрезвычайных органов. Под их руководством была проделана колоссальная работа по переводу народного хозяйства СССР на военные рельсы. Более 1 млн чел. было переведено в оборонную промышленность. На трудовой фронт были мобилизованы все граждане СССР от 16 до 60 лет, не призванные в армию. Были отменены отпуска, рабочий день на предприятиях в среднем увеличился до 11–12 часов. Началось массовое производственно-техническое обучение неквалифицированных рабочих.

Гигантскую работу провел Совет по эвакуации, возглавляемый Н.М.Шверником и А.Н.Косыгиным. За 1941–42 гг. на Восток была перемещена целая индустриальная держава, включавшая в себя 2593 промышленных предприятий [3, с. 802]. Большая часть промышленных предприятий разместились на Урале, принявшем 830 фабрик и заводов. В годы войны на заводах и фабриках края число эвакуированных в среднем составляло 31%, а на ряде крупных оборонных предприятий достигало 50–75%.

1/5 всех промышленных рабочих страны, самоотверженно трудившихся на Урале, обеспечили превышение довоенного уровня выпуска промышленной продукции в 3,6 раза. В 1942–1945 гг. на долю региона приходилось около 40% всей военной продукции, выпускавшейся в стране. Промышленность Урала производила 2/3 танков, выпускавшихся в СССР. На уральских заводах делались все тяжелые и средние самоходные артиллерийские установки, 3/4 стрелкового оружия, не менее 1/2 артиллерийских систем и боеприпасов [2, с. 256; 13, с. 267, 269].

Помимо Урала выдающийся вклад в дело обороны страны внесли и другие регионы страны: Поволжье, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан, Средняя Азия. Всего за годы войны тружениками тыла было произведено более 120 тыс. самолетов, 100 тыс. танков, 500 тыс. артиллерийских установок. Используя эту технику, руководимые блестящими полководцами, проявляя массовый героизм, фронтовики разгромили 607 вражеских дивизий, уничтожили более 75% немецкой техни-

На презентации книги «Эвакуация. Величайшая из битв II мировой войны» с соавторами. В центре д.и.н. К.Д. Бугров, крайний справа П.А.Сперанский

ки, участвовавшей во Второй мировой войне, и добили «фашистского зверя» в его логове – Берлине [12, с. 14].

Таким образом, несмотря на все трудности, наша страна выстояла в самой кровопролитной за всю историю человечества войне. На ход ее событий влияли разнообразные факторы: и крупные социально-экономические преобразования, превратившие СССР в индустриальную державу, и деформации общественного строя страны, приведшие к установлению авторитарной власти. Однако в конечном итоге Великая Победа была достигнута благодаря небывалому по силе и охвату сплочению Великого Народа. Десятки миллионов людей перед лицом смертельной опасности, несмотря на все имеющиеся противоречия, объединились в единое целое и отдали все свои силы для спасения Родины. Это Великий нравственный урок для российского социума, оказавшегося сегодня в состоянии экзистенциональной войны с «коллективным Западом» и обязанного осознать, что противостоять современным вызовам возможно только при единой воле и сплоченности всего народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 450. Л. 50.
2. Военная история Урала. События и люди / Под ред. А.В.Сперанского. Екатеринбург: Сократ, 2008. 320 с.
3. Великая Отечественная война. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
4. Верхотуров Д.Н. Фиаско 1941. Трусость или измена? М.: Эксмо, Яуза 2015. 320 с.
5. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. 3. Кн. 1. М.: Воениздат, 1971. 408 с.
6. Гудериан Г. Воспоминания солдата. М.: Воениздат, 1954. 507 с.
7. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. М.: МФД, Материк, 2006. 640 с.
8. Медведев Р.А. И.В.Сталин в первые дни Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 118–136.
9. Самсонов А.М. Знать и помнить: Диалог историка с писателем. М.: Политиздат, 1988. 367 с.
10. 41-й год завещано помнить // Правда. 1991. 19 июня.
11. Сперанский А.В. Великая Отечественная война в судьбах российской государственности // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург, 2004. С. 347–361.
12. Сперанский А.В. Великая Победа над фашизмом в исторической памяти человечества: проблемы и дискуссии // Подвиг Урала в исторической памяти поколений. Екатеринбург, 2010. С. 9–19.
13. Урал в панораме XX века / Под ред. В.В.Алексеева. Екатеринбург: СВ-96. 496 с.

Andrey V. Speransky
Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: avsperansky@mail.ru

THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945: THE FEAT OF THE PEOPLE IN THE MEMORY OF GENERATIONS

The paper analyzes the main events of the Great Patriotic War, from the severe defeats of the Red Army to the complete victory over Nazi Germany. The paper also reveals the reasons for mistakes of the USSR leadership in assessing the military-strategic and political situation, and demonstrates their negative consequences. The paper shows the process of successful correction of mistakes, total mobilization of the resources of the USSR and the transformation of the Soviet country into a single combat camp. The paper notes that the unity of the front and rear, created during the war years, became the most important factor in defeating the enemy. The paper concludes that it is necessary to use the positive experience of the military past to unite Russian society in the fight against modern challenges.

Keywords: Great Patriotic War, military-strategic mistakes, political repressions, military restructuring, general mobilization, mass heroism, national unity.

Исследовательская группа по российской истории Института Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета всегда ставила перед собой цель повышения уровня подготовки магистров и аспирантов. Для этого организуется постоянный выезд членов группы в Россию для стажировки и участия в международных конференциях, а также осуществляются приглашения ведущих российских ученых-историков в Китай для чтения лекционных курсов, способствующих повышению квалификации китайских специалистов.

Это взаимодействие оказывает огромное позитивное влияние на развитие нашей группы, дает возможность познакомиться с множеством выдающихся историков современной России, многие из которых стали моими близкими друзьями. Среди них особенно теплые и прочные отношения связывают меня с Андреем Сперанским. За двадцать лет нашего знакомства он несколько раз приезжал в Цзилиньский университет для чтения лекций. Его стиль преподавания живой, точный и эмоционально заряженный – пользовался огромной популярностью среди слушателей. В 2005 и 2015 годах по его приглашению я посещал Екатеринбург для участия в организованных им научных конференциях, посвященных 60-летию и 70-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне, и, благодаря его вниманию, имел возможность выступить на них.

Сперанский является выдающимся историком, крупным научным организатором и прекрасным педагогом, отличающимся преданностью науке, энтузиазмом, жизнерадостностью, а также умением наладить крепкие деловые и дружеские связи со многими представителями научного мира. Он является автором более 800 научных трудов, и этот удивительный результат не может не вызвать искреннего восхищения. Он внес огромный вклад в совершенствование исторического образования в вузах Урала, в развитие и укрепление Института истории и археологии УрО РАН.

Среди многочисленных трудов юбиляра хотел бы особенно выделить монографию «В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)», любезно подаренную мне юбиляром в один из моих приездов в Екатеринбург. Считаю, что историческая проницательность и академическая строгость Сперанского, проявленные в этом замечательном труде, как раз и являются главными научными качествами, которые мы глубоко прочувствовали за более чем двадцатилетнее общение с ним, а сама монография, несомненно, является значимым достижением в китайско-российском академическом диалоге.

Поздравляю дорогого Андрея Владимировича с 70-летием, желаю ему здоровья, благополучия и полета творческой мысли! Очень надеюсь, что наша многолетняя дружба продолжится и укрепится!

Чжан Гуансян
Директор Института Северо-Восточной Азии
Цзилинского университета, д.и.н., профессор
(г. Чанчунь, Китай)

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ!

Позвольте от всего сердца поздравить Вас с юбилеем! Ваш творческий и профессиональный путь связан с непростыми для российского общества вопросами исторической политики и исторической памяти. Ваша деятельность по преумножению знаний, укрепляющих позиции России на мировой арене, заслуживает уважения и гордости.

Вы инициатор и руководитель традиционных «Уральских военно-исторических чтений», регулярно проводящихся в Екатеринбурге с 1998 г. Несмотря на свои выдающиеся заслуги и колоссальную занятость (в диссертационных советах, редколлегиях, редактировании многочисленных научных трудов, организации крупных научных форумов), Вы всегда находите время и возможности для профессионального общения с коллегами, а также для передачи опыта и наработок подрастающему поколению, воспитываете новые научные кадры. Ваши научные достижения в области российской истории, в исследовании истории Великой Отечественной войны (1941–1945), определении места и роли Урала в региональной и геополитической динамике России XX века вносят неоценимый вклад в обеспечение национальной безопасности нашей страны и в борьбу с фальсификациями истории.

Многие из Ваших коллег, и я – не исключение, соизмеряем и будем соизмерять этапы своей профессиональной деятельности с Вашими словами и поступками.

Желаю Вам продолжать активно творить свою собственную историю и историю нашей великой страны!

Василий Степанович Христофоров
Директор Института международных отношений и политических наук Российского государственного гуманитарного университета, д.ю.н., член-корреспондент РАН
(г. Москва, Российская Федерация)

УВАЖАЕМЫЙ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ!

Стремление к истине как к высшей философской категории доступно лишь избранным – тем, кто с большой настойчивостью, любознательностью и творческим пылом готов достигать вершин научного познания. Именно в этом духе искреннего восхищения Наукой как мощной созидательной силой и Вами – Ученым, которому удалось постичь многие тайны человека и мира, я выражаю слова глубочайшего уважения и благодарности за всё, что Вы сделали за годы своей плодотворной карьеры.

Когда человек вступает в мир науки, от него ожидают не только обширные знания и выдающиеся умственные способности, но и внутреннюю силу духа. Нет сомнения, что и Вам как Профессору, достойному этого высокого звания, было непросто среди необъятного корпуса знаний развивать дух свободомыслия, соединенного с личной ответственностью перед поколениями студентов и научным сообществом.

Как историку Вам приходилось проникать в суть каждого теоретического понятия, раскрывая его пласт за пластом, даже тогда, когда оно было сокрыто временем. Ведь ученый и исследователь обязан обладать воображением. Только играющий дух способен двигать науку вперед. Когда же наука достигает своего апогея – она становится искусством и, будучи таким образом воплощенной, вновь возвращается к себе самой, к науке.

Наука – это объективное знание, и его можно проверить. Но путь к научной истине – это самый трудный путь, который, как говорил мудрый Гегель, имеет ценность лишь для духа. А Вы, уважаемый Андрей Владимирович, обладаете редким даром пробуждать этот творческий дух в молодых людях, которые верят в Вашу эрудицию как в проявление высокой добродетели. Отсюда и многочисленные признания, и награды за Вашу богатую научную деятельность и карьеру, достойную великих.

Лично для меня было большой честью получить приглашение на конференцию, организованную Вами по случаю знаменательного юбилея – 80-летия Победы над фашизмом. В прекрасном городе Екатеринбурге, где располагается Институт истории и археологии УрО РАН, мне выпала возможность увидеть, насколько громко звучит Ваш научный голос, насколько велик Ваш авторитет, подкрепленный глубокими знаниями, являющимися плодом титанического труда и самоотверженности.

Своими впечатлениями я поделилась со студентами и коллегами, осознав, насколько наука нас объединяет, а тема Второй мировой войны делает нас еще ближе, ведь оба наших народа понесли колоссальные жертвы во имя свободы и справедливости.

Уважаемый Андрей Владимирович, как историку и исследователю глубинных общественных феноменов я выражаю искреннее восхищение, уверена, что Вы еще долгие годы будете вдохновенно трудиться в науке, развивая научное мышление и следуя к истине как к высшей человеческой ценности.

Как другу и коллеге – в юбилейный для Вас год – желаю дальнейших личных успехов, крепкого здоровья и любви!

Виолета Рашкович-Талович
Декан факультета международной политики и безопасности Университета «Унион Никола Тесла», д.полит.н., профессор
(г. Белград, Республика Сербия)

ДОРОГОЙ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ!

Как-то уж совсем неожиданно исполнилось тебе целых 70 лет, и оказалось, что со времени нашего знакомства прошло примерно четверть века. Наша первая встреча, состоявшаяся в Екатеринбурге на заседании Объединенного Ученого совета по гуманитарным наукам Уральского отделения Российской академии наук, первоначально носила официальный характер. Однако постепенно по мере интенсификации служебных и научных контактов происходил процесс сближения интересов, приведший к выходу за рамки официоза и породивший теплые дружеские чувства. Во многом этому способствовали обсуждения перспектив развития уральской исторической науки в Екатеринбурге, встречи на конференциях по военной истории, организовывавшиеся Академией военно-исторических наук в Санкт-Петербурге, совместное участие в других научных форумах, проходивших в разных регионах России.

И вот уже не одно десятилетие, в очередной раз собираясь в столицу Урала, я предвкушаю нашу встречу, обстоятельный дружеский обмен мнениями по самым разным насущным проблемам, непременную дискуссию (а как же без нее!) и, конечно же, достигаемый в итоге позитивный результат. Ты, конечно, помнишь, что каждый раз я передаю тебе приветы от наших коллег из Сыктывкара – и это не просто дань вежливости. Мы искренне благодарны тебе за ту поддержку, которую ты неизменно оказывал нашему институту как заместитель председателя ОУС по гуманитарным наукам, подсказывал, как лучше решить тот или иной вопрос, как исправить сделанную ошибку (увы, без них не обходится). С удовольствием вспоминаю твой эпохальный визит в Сыктывкар (к сожалению, пока единственный) и надеюсь еще не раз увидеть тебя как в столице Республики Коми, так и в самых разных городах и странах.

Все планы сбудутся – главное, будь здоров и сохраняй присущие тебе многие годы творческий энтузиазм и жизненный оптимизм!

Игорь Любомирович Жеребцов
Председатель Президиума Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН»,
директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН,
доктор исторических наук
(г. Сыктывкар, Российская Федерация)

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ!

За время совместной работы я узнал Вас как человека с широким кругозором и огромной эрудицией, с активной жизненной позицией. Эти качества вызывают большое уважение и признательность среди ваших коллег и многочисленных друзей.

Мне приятно поздравить Вас, выдающегося ученого-историка, доктора исторических наук, профессора, заместителя Председателя Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам Уральского отделения Российской академии наук, заведующего Центром политической и социокультурной истории, заслуженного деятеля науки Российской Федерации в этот знаменательный день.

За годы работы ярко раскрылись Ваши таланты выдающегося ученого и организатора, внесшего заметный вклад в развитие российской науки. Ваша пытливость и настойчивость, эрудиция и трудолюбие привели к замечательным результатам.

Дорогой Андрей Владимирович! Вы встречаете свое 70-летие в расцвете творческих сил. Вы по-прежнему лидер, у вас много новых идей и творческих замыслов. Желаю Вам удачи в осуществлении Ваших начинаний, дальнейших успехов во всех областях Вашей деятельности.

Сердечно поздравляю Вас с юбилеем!

Счастья и благополучия Вам и Вашим близким!

Вячеслав Иванович Меньковский
Профессор кафедры истории России
Белорусского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор
(г. Минск, Республика Беларусь)

Известный не только в России, но и за ее пределами, ученый-историк, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Андрей Владимирович Сперанский отмечает знаменательную для мужчины и ученого юбилейную дату – 70-летие. В биографии любого человека такая дата является далеко не рядовым событием. А в жизни такого человека, как А.В.Сперанский, который посвятил себя благородному делу исследования исторических реалий и передачи знаний поколениям – эта дата особая.

Жизненный путь, творческая биография и профессиональная деятельность А.В.Сперанского могут служить достойным примером преданности и любви к науке, истории и просвещению. Профессионализм, стремление к постижению истины характерны Андрею Владимировичу как ученому-исследователю, его более 800 научных трудов стали важной частью российской исторической науки и получили признание в историческом сообществе. Поэтому юбилей такого ученого, как Андрей Владимирович, отмечает российская историческая научная общественность от западных границ России, включая Северный Кавказ, Среднюю Азию, до Дальнего Востока.

Как его коллега хочу высказать слова глубокого уважения и искренней благодарности за многолетнюю дружбу, верность слову и долгу чести, которые стали имманентными его личности. Для него этот юбилей – важный, знаковый рубеж. Немало реализовано, достигнуты значительные результаты, отмеченные достойными наградами и званиями, много взято рубежей и преодолено препятствий. Но впереди еще остается перспектива: дальнейшее, и я уверена, успешное продвижение по однажды избранному пути.

Еще предстоит осуществление перманентных планов, увидеть новые дали и реализовать пока не сбывшиеся мечты. Предстоит успеть одарить теплом новых встреч и роскошью общения проверенных временем и самой жизнью верных друзей. Ведь стремительно уходящее время меняет наше отношение к содружеству единомышленников. Оно углубляет и поднимает на неизмеримую высоту бережное отношение к таким щедрым подаркам судьбы, как возможность запоминающихся встреч с друзьями, коллегами из самых разных регионов нашей необъятной Родины – России.

Что можно пожелать в эту знаменательную дату такому крупному ученому, моему замечательному другу и коллеге-единомышленнику, достигшему знаковых высот в жизни и профессиональной деятельности? Конечно, традиционно – крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, творческих успехов, реализации задуманного.

Отдельно хочу подчеркнуть, что госпожа Фортуна всегда была заслуженно благосклонна к нему. У Андрея Владимировича дружная семья. Прежде всего это достойное потомство: дочь Екатерина, получившая юридическое образование и работающая в одной из крупных московских фирм; сын Петр, пошедший по стопам отца и ставший профессиональным историком. И наконец, прекрасная спутница жизни – Ирина Васильевна, разделяющая жизненные ценности супруга, верная долгу настоящей Любви, человек с тонкой душевной организацией.

Пусть все дни твои, дорогой Андрей, многоуважаемый Андрей Владимирович, профессор Сперанский, будут наполнены земными Радостями, личным Счастьем, Благополучием близких, Уважением коллег, Почтением друзей!

Елена Михайловна Малышева
Профессор кафедры
Отечественной истории,
историографии, теории
и методологии истории
Адыгейского государственного
университета,
д.и.н., профессор,
заслуженный работник высшей
школы Российской Федерации
(г. Майкоп,
Российская Федерация)

УВАЖАЕМЫЙ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ!

От всей души поздравляю Вас – одного из самых уважаемых мною российских историков, моего наставника и покровителя на научном пути, с 70-летним юбилеем – знаменательной датой, которая заслуживает самых искренних слов благодарности и восхищения. Ваша деятельность служит настоящим мостом между прошлым и настоящим, между наукой и патриотизмом. Ваш вклад в развитие исторической науки, особенно в изучение роли социокультурных факторов в укреплении обороноспособности страны, поистине неоценим.

Ваше научное наследие, включающее такие труды, как «В горниле испытаний» и «Маршал Г.К.Жуков в исторических оценках, документах и воспоминаниях», внесло значительный вклад в изучение истории Великой Отечественной войны. Эти работы не только документируют ключевые события, но и формируют научный подход к оценке роли народа в защите Отечества. Они давно стали настольными книгами для многих исследователей, включая меня.

Особую признательность хочу выразить за Ваше теплое отношение к Китаю. Ваш визит в нашу страну стал для меня настоящим событием – лекции в Цзилиньском университете не только расширили мои знания, но и усилили мой интерес и уверенность в исследовании российской истории. Ваши выступления оставили глубокий след не только в моем профессиональном становлении, но и в сердцах всех, кому посчастливилось их услышать. Глубокие разъяснения по вопросам истории и методологии научного поиска стали для меня ценным ориентиром в работе над собственными исследованиями и научными публикациями. Благодаря Вашему приглашению я вместе с нашими коллегами смогла принять участие в конференции в Екатеринбурге, что дало нам уникальную возможность воочию познакомиться с этим городом, обладающим самобытной историей и важным значением. Мы завязали плодотворные контакты с российскими коллегами, между нами возникло искреннее и теплое научное содружество. Именно благодаря Вам были установлены прочные связи с Екатеринбургом и УрО РАН.

Ваша энергия, доброта и преданность науке вдохновляют. Эрудиция, научная строгость и одновременно душевная щедрость делают Вас не только выдающимся ученым, но и замечательным человеком. Пусть впереди Вас ждет еще множество ярких свершений – как в жизни, так и в науке, которой Вы посвятили столько сил. Желаю крепкого здоровья, успешной реализации научных проектов и благодарных учеников, которые продолжат Ваше дело в изучении истории и патриотическом воспитании молодежи.

Сюй Цзиньцю
Профессор Института Северо-Восточной Азии
Цзилинского университета, д.и.н., профессор
(г. Чанчунь, Китай)

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ!

Сердечно поздравляю Вас со знаменательным событием – 70-летием со дня рождения!

Вы входите в число авторитетных ученых-историков, известных не только в России, но и далеко за ее пределами. Ваши труды, а их свыше 800, известны широкому кругу специалистов-историков и получили признание в научном сообществе. Вами проделана огромная работа по глубокому и всестороннему научному исследованию важнейших и общественно значимых проблем истории Урала и России. Результаты Ваших исследований раскрывают истоки героизма многонационального народа России, дают убедительные основания для противостояния многочисленным фальсификациям и искажениям отечественной истории, что чрезвычайно важно на современном этапе развития нашей страны.

Андрей Владимирович, Вы являетесь крупным организатором науки, занимали и занимаете различные ответственные посты в структуре Уральского отделения Российской академии наук. С особой гордостью говорю о Вас как об организаторе многочисленных научных форумов, инициаторе и бессменном организаторе Уральских военно-исторических чтений, в которых мне посчастливилось неоднократно принимать участие и выступать с докладами.

Вы вносите достойный вклад в подготовку научных кадров. Многие годы являетесь членом диссертационных советов при различных научных учреждениях и вузах. Под Вашим руководством защитилось значительное число соискателей, ставших основой созданной Вами научной школы. Хотя Вы не были моим научным консультантом, но Ваша научная позиция при защите моей докторской диссертации имела большое значение. Я искренне благодарю Вас за оказанную поддержку.

Неоценим Ваш вклад в распространение исторических знаний как активного члена редколлегии многих рецензируемых научных журналов, непредвзятого эксперта РАН и РНФ, успешного преподавателя вузовской системы. Самой лестной оценки заслуживает и Ваша многогранная общественно-политическая работа, направленная на совершенствование патриотического воспитания населения. Друзья и коллеги высоко оценивают Вашу принципиальность и требовательность к себе и людям, искренность и доброжелательность собеседника.

Дорогой Андрей Владимирович! В этот знаменательный юбилей позвольте выразить Вам искреннюю благодарность за Ваш неустанный и вдохновенный труд. Убеждена, что Ваш профессиональный опыт, обширные знания и творческий потенциал будут и впредь направлены на развитие отечественной исторической науки. Искренне желаю Вам крепкого здоровья, личного и семейного благополучия и неиссякаемых творческих успехов во благо нашей России!

Рима Нугамановна Сулейманова
Заведующий отделом новейшей истории
Башкортостана Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, д.и.н., заслуженный деятель науки Республики Башкортостан
(г. Уфа, Российская Федерация)

УВАЖАЕМЫЙ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ!

Ваш 70-летний юбилей – не просто круглая дата, а веха, отмечающая путь человека, чья жизнь стала неразрывной частью истории России – в прямом и переносном смысле. Вы – не просто исследователь прошлого, но и его созидатель: Ваши труды, идеи, организаторская и педагогическая деятельность формируют ту интеллектуальную и духовную основу, на которой строится наше понимание Родины, ее силы и традиции.

Вы занимаете выдающееся место в российской гуманитарной науке как основатель и лидер научного направления, исследующего социокультурные механизмы мобилизации общества в условиях военно-политических вызовов. Ваши многочисленные работы отличаются концептуальной глубиной, источниковедческой строгостью и актуальностью в контексте современных задач исторической политики и национальной безопасности. Они переросли рамки академических исследований и стали мостом между эпохами, показывая, как культура, идеи и вера народа превращаются в оружие, способное защитить страну в самые тяжелые времена. Сегодня, когда Россия вновь стоит перед вызовами, Ваши труды обретают особую ценность. Они – не только анализ прошлого, но и руководство к действию, напоминание о том, что подлинная мощь государства – в единстве его народа.

Ваша научная биография неразрывно связана с развитием академической исторической науки на Урале. Активное участие в более чем 30 грантах, в основном в качестве руководителя, свидетельствует о высокой степени научной инициативности и методологической зрелости. Ваша научная школа – это не просто список диссертаций и монографий. Это живая традиция, передающаяся от поколения к поколению. Вы воспитали не просто кандидатов и докторов наук – Вы создали сообщество историков, для которых наука не сводится к кабинетным спорам, а становится делом чести и служением правде. Нельзя не отметить и Вашу педагогическую деятельность. Лекции, прочитанные Вами студентам УрФУ, УрГПУ, УрГАХУ – это не просто передача знаний. Это посвящение в ту особую миссию, которую несет историк: быть хранителем памяти, защитником истины, наставником для тех, кто только начинает свой путь.

Ваш талант организатора впечатляет не меньше, чем научные достижения. «Уральские военно-исторические чтения», которые вы ведете с 1998 года, – это не просто конференции. Это пространство диалога, где встречаются ветераны и студенты, академики и школьные учителя, где история перестает быть книжной главой и становится частью живого опыта.

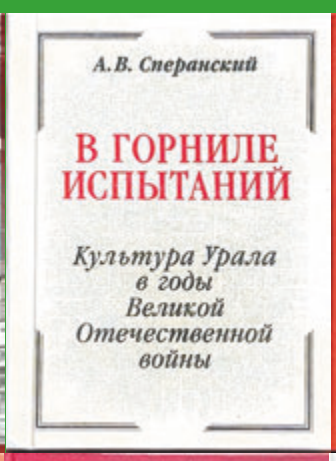
Ваш подвижнический труд отмечен немалым количеством званий и наград, но главное не в этом. Главное – Ваши человеческие качества. Преданность делу, которую Вы пронесли через десятилетия – от школьного учителя в Первоуральске до профессора ведущих вузов. Твердость убеждений, но без догматизма – Вы всегда открыты для дискуссий, но никогда не идете на компромисс с совестью. Готовность поддерживать – будь то молодой ученый, коллега в трудной ситуации или ветеран, чью память нужно сохранить.

Дорогой Андрей Владимирович! Юбилей – время подводить итоги, но Ваш путь еще не завершен. Впереди – новые книги, новые ученики, новые проекты, которые продолжат Ваше дело. От всей души желаю Вам крепкого здоровья – ведь Ваша энергия нужна и науке, и всем, кто Вас окружает. Новых открытий – пусть Ваши исследования продолжают вдохновлять. Радости от каждого дня – ведь жизнь, прожитая с такой пользой, заслуживает счастья. Спасибо Вам за Ваш труд, Вашу мудрость и Вашу преданность истории – а значит, и будущему России.

Альбина Советовна Жанбосинова
Главный научный сотрудник
научно-исследовательского
центра «Ел тарихы»
Евразийского национального
университета им. Л.Н.Гумилева,
д.и.н. профессор
(г. Астана,
Республика Казахстан)

100 ЛЕТ
НА СЛУЖБЕ
ГОСУДАРСТВА
1918–2018
УПРАВЛЕНИЕ ФСБ РОССИИ
ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА УРАЛА
ACADEMIC SCIENCE IN THE URALS

А.В. Сперанский
В ГОРНИЛЕ ИСПЫТАНИЙ
Культура Урала в годы Великой Отечественной войны

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА
И ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
НАРОДА
КНИГА ПЕРВАЯ

ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

65
ПОБЕДЫ
ВО ИМЯ
ПОБЕДЫ
СВЕРДЛОВСК В ГОДЫ
1941 • 1945 гг.

ВОЕННАЯ
ИСТОРИЯ
УРАЛА
СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

ГОСУДАРСТВО И НАРОД
В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА
ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

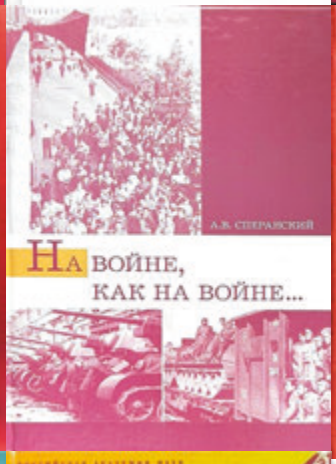

ЕКАТЕРИНБУРГ
ЕКАТЕРИНБУРГ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
(1723 - 1998)

ЕКАТЕРИНБУРГ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ЕКАТЕРИНБУРГ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

МАРШАЛ
Г.К. ЖУКОВ
В ИСТОРИЧЕСКИХ
ОЦЕНКАХ, ДОКУМЕНТАХ
И ВОСПОМИНАНИЯХ

А. В. Сперанский
НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ...

А.В. СПЕРАНСКИЙ
НА ВОЙНЕ,
КАК НА ВОЙНЕ...

НАРОД И ВОЙНА
1941 - 1945 гг.

Никто не забыт,
ничто не забыто

РОССИЯ
В
XX
веке
Война
1941–1945
годов
Современные
подходы

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ
страницы
истории

СОВЕТСКАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА
В ИСТОРИИ
РОССИИ:
ОСОБЕННОСТИ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
И РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ

Сплав
металлов
и судеб

УРАЛА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ
И МИРОВОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА:
историографическая концептуализация

УРАЛ
В ПАНОРАМЕ
XX ВЕКА

УРАЛЬСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ЩИТ И МЕЧ
ОТЧИЗНЫ
ОРУЖИЕ
УРАЛА
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ

ЭВАКУАЦИЯ

СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ – ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ УРАЛА»

ukbkin@gmail.ru